

**ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**PROCEEDING OF THE
KABARDINO-BALKARIAN
STATE UNIVERSITY**

TOM V, № 2, 2015

Учредитель: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ)

Главный редактор **Б.С. КАРАМУРЗОВ**
Первый зам. главного редактора **А.П. САВИНЦЕВ**
Зам. главного редактора **С.К. БАШИЕВА**
Зам. главного редактора **Х.Б. ХОКОНОВ**
Зам. главного редактора **А.А. ШЕБЗУХОВ**
Зам. главного редактора **Г.Б. ШУСТОВ**
Зам. главного редактора **М.М. ЯХУТЛОВ**
Ответственный секретарь **М.Ч. ШОГЕНОВА**

Редакционная коллегия

Волков Ю.Г., Гукешоков М.Х., Гуфан Ю.М., Дзамихов К.Ф., Карлик А.Е., Кетенчиев Х.А., Кочесоков Р.Х., Матузов Н.И., Мизиев И.А., Муратова Е.Г., Мустафаева З.А., Радченко В.П., Радченко О.А., Рубаков В.А., Фельдштейн Д.И., Фортов В.Е., Хавинсон В.Ц., Хохлов А.Р., Хуснутдинова Э.К., Шхануков-Лафишев М.Х.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-44485 от 31.03.2011 г.

Подписной индекс в Каталоге «Пресса России» 43720.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Доступ к рефератам статей журнала осуществляется на сайте научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» (<http://elibrary.ru>).

ISSN 2221-7789

Адрес редакции: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефоны: (88662) 722313

E-mail: rio@kbsu.ru, <http://izvestia.kbsu.ru>

© Авторы, 2015

© Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2015

Founder: Kabardino-Balkarian State University (KBSU)

Editor in chief **B.S. KARAMURZOV**
The 1st Deputy Editor **A.P. SAVINTSEV**
Deputy Editor **S.K. BASHIEVA**
Deputy Editor **H.B. KHOKONOV**
Deputy Editor **A.A. SHEBZUHOV**
Deputy Editor **G.B. SHUSTOV**
Deputy Editor **M.M. YAHUTLOV**
Executive sekretary **M.Ch. SHOGENOVA**

Editorial board

Volkov Yu.G., Gukepshokov M.Kh., Gufan Yu.M., Dzamikhov K.F., Karlik A.E., Ketenchiev Kh.A., Kochesokov R.Kh., Matuzov N.I., Miziev I.A., Muratova E.G., Mustafaeva Z.A., Radchenko O.A., Radchenko V.P., Rubakov V.A., Feldshtein D.I., Fortov V.E., Khavinson V.Ts., Hohlov A.R., Khusnutdinova E.K., Shkhanukov-Lafishev M.Kh.

Registration certificate PI № FS 77-44485 from 31.03.2011

Subscription index in the catalog «Russian Press» 43720

Access to abstracts of articles of the magazine is carried out on the Scientific Electronic Library Online «eLIBRARY.RU» (<http://elibrary.ru>).

ISSN 2221-7789

Editorial address: Kabardino-Balkarian State University, 360004, Nalchik, Chernyshevsky st., 173

Phone number: (88662)722313

E-mail: rio@kbsu.ru , <http://izvestia.kbsu.ru>

© Authors, 2015

© Kabardino-Balkarian State University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Кажаров А.Г. Политика Советской власти на Северном Кавказе и образование Горской АССР в 1920–1921 гг.	5
Шамеев А.М. Интеллигенция как составляющая социальной структуры российского общества. Ее трансформация (вторая половина 1980-х гг.–начало XXI в.)	11
Журтова А.А. Проблема взаимоотношений Кабарды и Балкарии с Россией в XVI–начале XIX вв. в современной отечественной историографии	16
Ислемисова Р.М. Образовательная политика Министерства внутренних дел Российской империи в первой половине XIX в. по отношению к татарскому населению Астраханской губернии	22
Мамсиров Х.Б., Татаров А.А. Роль оборонительных сооружений на территории Кабардино-Балкарии в битве за Кавказ в 1942–1943 гг.	28
Татаров А.А. Налоговая политика немецко-фашистских оккупантов в Кабардино-Балкарии в 1942–1943 гг.	34
Муратова Е.Г., Кучукова З.А. Балкароведение – одно из научных направлений исторических исследований в Кабардино-Балкарском государственном университете	38
Шахалиева Ф.Б. Кабарда и Балкария в революционно-демократических процессах на Северном Кавказе (февраль–декабрь 1917 г.)	43
Шахалиева Ф.Б. Предпосылки Гражданской войны в Кабарде и Балкарии	48
Дзагова Л.Н. Роль немецких переселенцев в экономической жизни Нальчикского округа Терской области в последней трети XIX–начале XX вв.	54
Коновалов А.А., Кумахова З.Х. Фольклор и феномены сознания черкешенки XIX–начала XX вв. .	58
Кузьминов П.А. Проблемы права XIX в. в современном историографическом дискурсе адыговедения	61

ФИЛОСОФИЯ

Елеева М.М., Тайсаев Д.М. Механизм маргинализации	66
Культурбаева Л.М. Традиции в социальной эволюции	69
Машезова Л.Р. Социокультурный облик современной молодежи КБР	71
Ашнокова Л.М. Роль синергетики в решении проблемы происхождения жизни	75
Шаваева О.А. Ценностные ориентации современной северокавказской семьи	78
Гамидова Н.В. Молодежь как социальная группа	81
Гамидова Н.В. Проблема молодежной ментальности в античной философии	84
Шокалова А.Х. Проблема этноса и этничности в постнеклассической парадигме науки	88
Лурье А.Г. Постановка и актуализация проблемы социальной критики в социально-гуманитарном знании	91

ФИЛОЛОГИЯ

Шогенова М.Ч. Прецедентные высказывания в этнокультурной парадигме современной билингвальной личности как средство ее моделирования (результаты эксперимента)	96
Мафедзова Л.М. Женский образ в цикле стихотворений Р. Семенова «Скрипка нашей любви»	102
Кокова Б.Дж., Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Начальная йотация как коррелятива у славян и адыгов	105
Магомедова А.Н., Магдилова Р.А. Особенности аварских паремнологических единиц, представленных простым предложением	107
Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета»	109

CONTENTS

HUMANITARIAN STUDIES

HISTORY

Kazharov A.G. The policy of the Soviet power in the North Caucasus and formation of the Mountain ASSR at the 1920–1921 years	5
Shameev A.M. Intelligentsia is the constitutive social structure of Russian society: its transformation (second half of the 1980 s. Beginning of the twenty – first century)	11
Zhurtova A.A. The problem of relations Kabarda and Balkaria with Russia in XVI–XIX centuries in the modern national historiography	16
Islemisova R.M. Educational policy Russian Interior Ministry, Empire in first half XIX c. with respect to on-Tatar selenium Astrakhan province	22
Mamsirov Kh.B., Tatarov A.A. The role of the defenses on the territory of Kabardino-Balkaria in the battle of the Caucasus in 1942–1943	28
Tatarov A.A. Fiscal policy of Nazi occupiers in Kabardino-Balkaria in 1942–1943	34
Muratova E.G., Kuchukova Z.A. History of Balkaria – one of areas of historical research in the Kabardino-Balkarian State University	38
Shakhaliyeva F.B. Kabarda and Balkaria in the revolutionary-democratic processes in the North Caucasus (february – december, 1917)	43
Shakhaliyeva F.B. Prerequisites of civil war in Kabarda and Balkaria	48
Dzagova L.N. Role of german immigrants in the economic life of the Nalchik istrict Terek region in the last third XIX–early centure	54
Konovalov A.A., Kumakhova Z.H. Folklore and phenomena of consciousness of the circassian woman of the XIX–the beginning of the xx century	58
Kuzminov P.A. Problems of the right of XIX century in the modern historiographical discourse of adyq studies	61

PHILOSOPHY

Eleeva M.M., Taisaev D.M. Marginalization mechanism	66
Kulturbaeva L.M. Tradition in social evolution	69
Mashezova L.R. Sociocultural shape of modern youth of KBR	71
Ashnokova L.M. The role of synergy in addressing the problem of the origin of life	75
Shavaeva O.A. The value orientation of modern North Caucasian family	78
Gamidova N.V. Youth as a social group	81
Gamidova N.V. The problem of youth mentality of ancient philosophy	84
Shokalova A.H. The problem of ethnicity in postnonclassical science paradigm.....	88
Lurie A.G. Staging and update problems of social criticism in the social and humanities	91

PHILOLOGY

Shogenova M.Ch. Case statements in the ethno-cultural paradigm modern bilingual person as a means of modeling (experimental results)	96
Mafedzova L.M. The female image in the cycle of poems P. Semenov «Violin of our love»	102
Kokova B.D., Kokov D.N., Kokova L.D. Initial yotation as a correlate among slavs and circassians	105
Magomedova A.N., Magdilova R.A. The peculiarities of Avar paremiological units in a simple sentence	107
The demand to the design of the scientific article, represented in the magazine «Proceeding of the Kabardino-Balkarian State University»	109

ИСТОРИЯ

УДК 93/94(470.6)

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОРСКОЙ АССР В 1920–1921 ГГ.

Кажаров А.Г.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

artur-kazharov@yandex.ru

В данной статье проанализированы ход, характер и содержание политики Советской власти по формированию коллективной государственности народов Северного Кавказа после окончания Гражданской войны в 1920–1921 гг.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабарда, Балкария, Советская власть, политика, автономия, республика.

THE POLICY OF THE SOVIET POWER IN THE NORTH CAUCASUS AND FORMATION OF THE MOUNTAIN ASSR AT THE 1920–1921 YEARS

Kazharov A.G.

Kabardino-Balkarian State University

The course, character and content of the policy of the Soviet power on the formation of the collective statehood of the peoples of Northern Caucasus after the Civil War in 1920–1921 are analyzed in this article.

Keywords: North Caucasus, Kabarda, Balkaria, Soviet power, politics, autonomy, Mountain republic.

После окончания Гражданской войны весной 1920 г. на территории Северного Кавказа начался трудный и длительный процесс восстановления и укоренения советской власти. На первоначальном этапе политика советской власти была направлена на поиск приемлемых административно-политических форм советизации народов региона, результатом которого стало провозглашение Горской АССР.

Национально-государственный аспект советского строительства на Северном Кавказе был обозначен 2 апреля 1920 г. В.И. Лениным, который телеграфировал Г.К. Орджоникидзе: «...Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее» [1].

6 сентября на заседании Политбюро ЦК РКП (б) Сталину было поручено «разработать детальные меры по реальному надзору за действительным проведением ... политики, защищающей интересы горцев...» [2].

Проблемы кавказских горцев снова были рассмотрены на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 14 сентября 1920 г., на котором с докладом выступил И.В. Сталин. Было принято решение направить его на Кавказ в качестве Чрезвычайного уполномоченного представителя РСФСР для разработки всех деталей национальной политики советской власти по отношению к горцам Кавказа [3].

Как видно, на уровне высшего государственного руководства были предприняты конкретные политические шаги по формированию автономии горских народов. Национально-государственное обустройство горских народов становится важной составной частью комплекса мер по стабилизации ситуации в регионе.

Идею формирования горской автономии, как важное условие и механизм советизации народов и стабилизации общественно-политической ситуации в регионе, поддерживал и продвигал В.И. Ленин. Окончательное и принципиальное решение о ее создании было принято им после встречи с делегатами съезда народов Востока, который состоялся в сентябре 1920 г. в Баку. В его работе принимали участие и представители народов Северного Кавказа. Первоочередной задачей этого съезда было расширение сфе-

ры влияния Советской России на народы Азии, использование мусульман в качестве «горючего материала» для развития мировой революции [4]. На В.И. Ленина большое воздействие оказала реакция Н.И. Бухарина на указанный съезд: «Владимир Ильич, мы разбудили чудовище» [5].

Было созвано совещание Политбюро ЦК РКП (б), в работе которого приняли участие, в том числе представители народов Северного Кавказа. Многие из участников совещания сообщили о желании горских трудящихся иметь свои автономии [6].

14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло подготовленное В.И. Лениным постановление «О задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами», в котором была признана необходимость «проведения в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений» [7].

Во время заседания В.И. Ленин поручил У.Д. Алиеву подготовить материалы о положении карачаевского народа. 18 октября 1920 г. У.Д. Алиев представил В.И. Ленину доклад «Об экономическом и политическом положении в Карачае», в котором предложил создать «**горскую областную автономную (терско-дагестанскую) власть** (выделено нами. – А.К.)» [8].

26 октября 1920 г. И.В. Сталин направил В.И. Ленину телеграмму из Владикавказа. Важное значение имеет замечание И.В. Сталина о том, что «вопрос о земельном и административном устройстве горцев, а также терских казаков будет решен в ближайшее время, причем соответствующий проект практических мероприятий будет послан Вам предварительно» [9].

27 октября 1920 г. пленум Кавказского бюро ЦК РКП (б) принял постановление «О горской автономии», в котором говорилось о том, что «Кавбюро считает своевременным образование **Терской** (выделено нами – А.К.) и Дагестанской горских республик...» [10].

Принципиальное решение об образовании республик горских народов уже было принято и одну из них было решено назвать «Терской горской республикой». Впоследствии название было изменено, но важно то, что оно предопределило в принципе характер постановления, принятого на совещании коммунистических организаций Дона и Северного Кавказа, состоявшегося 27–29 октября 1920 г. во Владикавказе.

В первый день выступил И.В. Сталин, охарактеризовавший политическое положение Советской России. Судя по стенограмме совещания, он не затронул проблему национально-государственного устройства горцев [11].

Выступившие партийные работники Северного Кавказа также не высказывались конкретно по проблеме горской автономии. Но характер их выступлений свидетельствовал о том, что многие из них не считали своевременной постановку вопроса о горской автономии. В частности, в докладе С.А. Такоева отмечался факт нехватки коммунистических кадров [11].

В выступлениях участников совещания акцентировалось внимание не только на кадровых проблемах, но и на существовании сложных отношений между некоторыми горскими народами, что, по их мнению, необходимо было учесть при формировании коллективной автономии.

Несмотря на это, была принята резолюция о необходимости «организации горских автономных республик на тех основаниях, кои установлены для окраинных автономных республик, входящих в РСФСР» [11].

Итак, решение было принято. Но резолюцию этого совещания еще необходимо было реализовать на практике. Трудности могли возникнуть в связи с тем, что оно было принято без представителей Дагестана, где под руководством Н. Гоцинского еще продолжалось крупное восстание против советской власти [12].

На совещании, судя по списку его участников, не было и представителей Карачая, Балкарии, Кабарды и Чечни. Осетию представляла внушительная делегация во главе с С.А. Такоевым, а Ингушетию – только И.Б. Зязиков [11].

Представители этих народов вовремя не смогли прибыть на совещание. Поэтому И.В. Сталину пришлось после завершения его работы и принятия принципиального решения о создании горской автономии встретиться с советскими и партийными деятелями, среди которых были Т. Эльдарханов и Б. Калмыков, т.е. представители Чечни и Кабарды. Сталин изложил им основные принципы формирования горской автономии. Была сформирована комиссия, которой было поручено разработать основные положения Горской советской республики. В нее вошли Киров, Такоев, Зязиков, Борукаев, Квиркелия [9]. Обращает на себя внимание факт отсутствия в ней представителей Балкарии, Карачая, Кабарды и Чечни.

И.В. Сталин не был обеспечен предварительным проектом решения вопроса о национально-государственном устройстве народов Терской области. Очевидно, что для советской власти вопрос о Горской республике – это вопрос административного устройства и управления важной частью Северного Кавказа. Анализируя ситуацию, он пришел к выводу о необходимости выстраивания прямой связи региона с центром. Определение ее формы во многом было продиктовано анализом исторического опыта взаимоотношений горского и казачьего населения.

30 октября И.В. Сталин телеграфировал Ленину, что «сожительство казаков и горцев в одной административной единице оказалось вредным, опасным». Относительно северокавказских народов он считал необходимым «объединить их в одну административную единицу в виде **Терской республики**» (выделено нами. – А.К.) [13].

В Терской области накануне съезда советская власть активизировала антиказачью составляющую своей политики, что выразилось в выселении казаков и передаче их земель отдельным горским народам. На наш взгляд, целенаправленное наращивание антиказачьей политики осенью 1920 г. преследовало цель создания благоприятных условий для поддержки горскими народами политики советской власти по вопросу провозглашения Горской республики.

17 ноября 1920 г. во Владикавказе открылся съезд народов Терской области, на котором присутствовало 500 делегатов, представлявших балкарский, ингушский, кабардинский, карачаевский, осетинский, чеченский народы [14].

И.В. Сталин объявил о решении советской власти предоставить народам Северного Кавказа национальную автономию в виде Горской республики. Его доклад не оставлял сомнений в характере провозглашения новой многонациональной автономии: «Сегодняшний съезд созван для того, чтобы **объявить волю Советского правительства** (выделено нами. – А.К.) об устройении жизни терских народов и об их отношениях к казакам [15].

Очевидно, что вопрос о свободном волеизъявлении горских народов в повестке дня съезда не стоял. Фактически И.В. Сталин, «потребовал создать советскую республику кавказских горцев» [16]. Только после провозглашения Горской республики были проведены соответствующие съезды входивших в нее народов, на которых разъяснялся смысл провозглашенной горской объединенной автономии, но не ставился вопрос о самоопределении народа.

Не все народы Северного Кавказа были готовы к принятию такой формы горской автономии. Большинство народов, которые предполагалось включить в Горскую республику, фактически оказались в стороне от процесса ее институционализации.

Отношение представителей Кабарды к факту провозглашения Горской республики было негативным, хотя и вынуждены были голосовать за горскую автономию. Поэтому могли возникнуть проблемы с формированием Горской республики, учитывая географическое положение Кабарды, отрицательная позиция которой могла заблокировать вхождение Балкарии и Карачая в состав коллективной автономии.

Руководство Кабарды понимало, что значит находиться в рамках полиэтничного государственно-политического образования. В период существования Терской республики она потеряла немало земель [17], а исторический контекст после окончания Гражданской войны изобиловал многочисленными примерами территориальных претензий, которые могли получить серьезный импульс в тех конкретно-исторических условиях, в рамках которых была провозглашена Горская республика.

Для предотвращения возможных проблем с национальным позиционированием Кабарды на съезде, состоявшийся в Нальчикском округе 26 ноября – 1 декабря 1920 г. и обсуждавший проблему вхождения Кабарды и Балкарии в состав Горской республики, приехал лично С.М. Киров. О своем желании выехать в Нальчик для участия в работе съезда он сообщил в Кавказское бюро ЦК РКП (б) [9].

С.М. Киров выступил с докладом об автономии горских народов. Съезд, состоявшийся после фактического провозглашения Горской республики, одобрил мероприятия по ее образованию и вхождению в нее Кабардинского и Балкарского округов [18].

Под административным и идеологическим нажимом Кабарда вынуждена была согласиться с вхождением в Горскую республику. В.Х. Кажаров справедливо считал, что «Кабарду вынудили войти в Горскую республику» [19].

Чашу весов в пользу вхождения Кабарды в Горскую республику склонило то обстоятельство, что попытки решения земельной проблемы в регионе за счет перераспределения казачьих земель способствовали снижению угрозы для территориальной целостности Кабарды. В таких условиях ее руководители согласились с вхождением в Горскую республику.

15 декабря 1920 г. Президиум Кавказского бюро ЦК РКП (б) заслушал проект Конституции Горской АССР и, при «особом к нему (проекту) мнении секретаря Тероблпарткома РКП (б) Такоева», с поправками был утвержден [20], а 20 января 1921 г. ВЦИК принял постановление об образовании Горской республики.

В первом пункте Постановления была обозначена этнотерриториальная структура Горской АССР, а остальная часть касалась механизмов решения проблем административно-территориального разграничения Горской республики с другими областями, формирования органов власти и управления, особенностей работы комиссариатов, объемов их полномочий и т.д.

Процесс конституирования коллективной автономии должен был завершиться на Учредительном съезде советов Горской республики. Но его созыв растянулся на несколько месяцев. Органы советской власти к этому времени накопили немалый опыт по организации и проведению различных съездов. Например, решение вопросов, связанных с созывом первого съезда народов Терека (август 1920 г.), заняло полтора месяца, а второго (ноябрь 1920 г.), на котором провозгласили Горскую республику, – меньше месяца.

Созыв Учредительного съезда первоначально намечался на 20 марта [21], что вписывалось в примерный график подготовки и проведения такого рода мероприятий. Однако после вынесения постановления ВЦИК об образовании Горской республики до созыва Учредительного съезда прошло 3 месяца. Очевидно, что это слишком большой срок для решения вопроса, по которому было достигнуто «всеобщее согласие».

В определенной степени сроки созыва съезда были сорваны в результате действий революционно-го комитета Баталпашинского отдела, не соглашавшегося с административным переводом Карачая из Кубанской в Терскую область [22].

Существенную роль также сыграло, по-видимому, изменение позиции руководства Кабарды в начале 1921 года, что было связано с характером работы очередной комиссии ВЦИК под председательством В.И. Невского, созданной в январе 1921 г. Она считала необходимым отрезать от Кабарды значительную территорию для передачи ее другим народам.

Президиум ВЦИК РСФСР откладывал обсуждение доклада комиссии с 24 марта 1921 г., когда впервые В.И. Невский его представил, несколько раз [23], и лишь 14 апреля было принято соответствующее постановление, которое относительно территории Кабарды шло вразрез с предложениями комиссии.

Президиум ВЦИК постановил «казаков Горской республики не выселять, земельную нужду горцев удовлетворить путем уплотнения станиц в порядке соглашения между казачьим исполкомом и исполкомом горцев (Ингушетии, Чечни, Осетии), обязав при этом исполкомы произвести правильное распределение среди горской бедноты земель как уплотненных, так и уже выселенных казаков» [24].

Таким образом, в постановлении не было речи об отрезке территории Кабарды в пользу соседних народов. Оно было принято лишь накануне созыва Учредительного съезда Горской АССР, но о том, что будет принято именно такое решение, несмотря на предложения комиссии В.И. Невского, руководители Кабарды могли быть проинформированы раньше. Поэтому третий съезд Кабарды, еще раз обсудив этот вопрос, 31 марта подтвердил ранее принятое решение о вхождении в состав Горской республики.

Учредительный съезд советов, завершивший процесс институционализации Горской АССР, состоялся 16–22 апреля 1921 г. Делегаты обсуждали вопросы, связанные с земельной и национальной политикой советской власти, формированием органов власти и управления и др.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие партийные и советские работники долго привыкали к названию новой коллективной государственности и ее смыслу. С.А. Такоев говорил о «Терской автономной республике», а Т.Э. Эльдарханов – о «пересоздании Горской республики» [25].

25 апреля на заседании Горского ЦИК были проведены выборы руководителей структур власти Горской АССР. И.Б. Зязиков считал необходимым, чтобы «представитель чеченского народа был в президиуме Горского ЦИК в качестве председателя», так как «Чечня составляет более половины народностей Горской республики». Поэтому была предложена кандидатура Т.Э. Эльдарханова, который после своего избрания сказал: «Прибавлю максимум беспристрастия к народностям, входящим в эту республику» [25].

Горский ЦИК был сформирован в следующем составе:

- председатель – Эльдарханов Таштемир Эльжуркович (Чечня);
- заместитель председателя – Зязиков Индрис Бейсултанович (Ингушетия);
- секретарь – Гоцалаев Афако Дзамбулатович (Осетия);
- члены Горского ЦИК: Калмыков Бетал Эдыкович (Кабарда), Энеев Магомет Алиевич (Балкария), Алиев Умар Джашуевич (Карачай), Такоев Симон Алиевич (Осетия), Носов Николай Федорович, Рогачев Георгий [25].

В Совет народных комиссаров Горской республики вошли:

- председатель Совета народных комиссаров – С.А. Такоев (Осетия);
- заместитель председателя и народный комиссар внутренних дел – И.Б. Зязиков (Ингушетия);
- народный комиссар юстиции – И.Ф. Станский;
- народный комиссар просвещения – К.С. Бутаев (Осетия);
- народный комиссар здравоохранения – Н.Ф. Носов;
- народный комиссар земледелия – И.М. Датиев (Осетия);
- народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции – И.Г. Мальсагов (Ингушетия);
- народный комиссар финансов – А.Д. Гоцалаев (Осетия);

- совет народного хозяйства (в составе отделов: путей сообщения, почт и телеграфов) – В.М. Кесаев (Осетия);
- народный комиссар труда – Колибердин;
- народный комиссар продовольствия – Ивенский;
- военный комиссар – А.С. Смирнов;
- народный комиссар социального обеспечения – А.И. Горчханов (Ингушетия) [26].

Завершение процесса институционализации Горской АССР не привело к ограничению развития центробежных сил, что было предопределено объективными обстоятельствами, связанными с политическим просчетами, допущенными при формировании коллективной горской автономии.

В ЦИК Горской АССР Карачай, Балкария, Кабарда, Осетия, Ингушетия и Чечня имели по одному представителю. В СНК Горской АССР ситуация была иной. Осетинский округ имел 5 представителей, в том числе и пост председателя СНК Горской АССР, Ингушетия – 3, в том числе пост заместителя председателя. И.Б. Зязиков, С.А. Такоев и А.Д. Гоцалаев были одновременно членами ЦИК Горской АССР и СНК Горской АССР, что также могло оказывать существенное влияние на решение проблем во взаимоотношениях разных народов. В составе СНК Горской АССР не было представителей Карачая, Балкарии, Кабарды и Чечни, то есть четырех из шести субъектов, вошедших в состав коллективной республики.

В условиях, когда Постановление ВЦИК от 20 января 1921 г. давало широкие полномочия республиканским органам исполнительной власти, это обстоятельство было чревато проведением такой политики, которая не учитывала бы интересов всех народов, населявших Горскую АССР.

На вышеуказанном заседании предложение о включении представителя казачьего населения в Горский ЦИК было отклонено с мотивировкой, что «казачье население не является особой народностью» [27]. Между тем в Горской республике они составляли 65 тыс. человек [28] и их было больше, чем некоторые отдельные горские народы.

Таким образом, значительное число народов, входивших в Горскую республику, было отсечено от активного участия в органах государственной власти и управления. Фактически это означало, что они оказались вне структур власти, в которых принимались судьбоносные для всех народов решения. Несомненно, такой фактор не мог не стать препятствием для легитимации Горской республики как общей коллективной государственности горских народов.

На заседании, на котором происходило оформление структуры и состава органов власти Горской республики, представителей указанных народов не было. Что касается Кабарды, то складывается впечатление, что ее руководство намеренно самоустранилось от обсуждения такого рода вопросов. По всей видимости, к тому времени оно уже имело иные представления о дальнейшем национально-государственном развитии Кабарды. Все это не могло не оказать существенного влияния на перспективы функционирования Горской республики.

Подводя итоги, необходимо иметь в виду, что общегорские национально-политические процессы, которые были актуализированы условиями российской смуты 1917–1920 гг., и после окончания Гражданской войны представлялись советской власти весьма устойчивыми и воспринимались как объективная реальность. Внутриэтническая национально-политическая консолидация, вступившая в завершающую стадию в этот период, недооценивалась и не принималась в расчет в реальной политической практике.

И.В. Сталин, провозглашая Горскую республику на съезде народов Терской области в ноябре 1920 г., основывался на анализе опыта народов региона в условиях революций 1917 г. и Гражданской войны. Он переоценил значимость тенденции к формированию полиэтничных региональных форм политической и национально-государственной самоорганизации.

Окончание Гражданской войны и восстановление советской власти в начале 1920 г. привели к относительной стабилизации общей политической ситуации в регионе. Но И.В. Сталин считал, что коллективная форма государственно-политической самоорганизации народов Северного Кавказа, выразившаяся в создании полярных в политическом и идеологическом плане Терской и Горской республик, объективно имеет глубинные основания и политически перспективна. Поэтому И.В. Сталин считал, что воля народов понятна и без проведения съездов. В таком контексте провозглашение Горской республики представляется результатом октроированной национальной политики, а не национального волеизъявления входивших в нее народов.

Библиография

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51. 5-е изд. М., 1967. 573 с.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 107. Л. 1.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 108. Л. 1.

4. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917–1991 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2009. 55 с.
5. Реакция Н.И. Бухарина на съезд народов Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ourbaku.com>.
6. Абулова Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. 1917–1937. Ростов-на-Дону, 1984. 164 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. 5-е изд. М., 1967. 546 с.
8. Лайпанов К.Т., Батчаев М.Х. На крыле времени. М.: Государственное издательство политической литературы, 1977. 128 с.
9. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.
10. Борьба за советскую власть в Северной Осетии: сборник документов и материалов. Орджоникидзе: Ир, 1972. 547 с.
11. Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. Ростов-на-Дону, 1921. 123 с.
12. Вагабов М. Борьба партийной организации Дагестана за интернациональное единство трудящихся в годы Гражданской войны (1918–1921 гг.). Махачкала, 1967. 247 с.
13. Репрессированные народы. Казаки // Шпион. 1994. № 1 (3). С. 51–52.
14. Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1972. 228 с.
15. Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. 478 с.
16. Котов В.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе в 20–30-е годы: доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 18 ноября 1999 г. // Труды Института Российской истории РАН. 1999–2000. Вып. 3. 2002. 323 с.
17. Улигов У.А. Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1972. 163 с.
18. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1967. 439 с.
19. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.
20. Бугай Н.М., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.
21. ЦГА РСО-А. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 58. Л. 15.
22. ЦГА РСО-А. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 58. Л. 13.
23. ГА РФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1. Л. 104, 120, 135.
24. ГА РФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1. Л. 139-141.
25. ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
26. ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 66. Л. 2.
27. ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.
28. Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп: Меоты, 1994. 269 с.

УДК 93 (470.6) (075.8)

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГГ.–НАЧАЛО XXI В.)**

Шамеев А.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

shameev.aslan@mail.ru

Цель статьи – проследить трансформацию одной из составляющих социальной структуры современного российского общества – интеллигенции, ее особенности и значение в наши дни.

Ключевые слова: государство, интеллигенция, класс, общество, перестройка, прогресс, сословие, структура, трансформация, цивилизация.

**INTELLIGENTSIA IS THE CONSTITUTIVE SOCIAL STRUCTURE
OF RUSSIAN SOCIETY: ITS TRANSFORMATION (SECOND HALF
OF THE 1980 S. BEGINNING OF THE TWENTY – FIRST CENTURY)**

Shameev A.M.

Kabardino-Balcarian State University

The aim of the article is to trace the transformation of one of the components of social structure of modern Russian society, namely intelligentsia, its peculiarities and meaning nowadays.

Keywords: intelligentsia, class, society, reorientation, progress, estate, structure, transformation, civilization.

Преобразования в экономической, политической и культурной сферах последних 20–25 лет прошлого столетия повлекли за собой серьезные изменения в структуре российского общества, трудовых, национальных, семейных отношениях. Активно менялось отношение к образованию, науке, культуре, религии, проведению досуга.

В конце 80-х–начале 90-х гг. в России стала формироваться новая социальная структура. В отличие от прежней, советской, когда социальная стратификация выстраивалась по воле коммунистической власти, новая социальная структура стала в первую очередь зависеть от распределения собственности и богатства. Если говорить в общем, быстро сложилось три класса, типичных для капиталистического общества – верхний, средний и нижний. Другими словами – на смену резко проявившемуся в начале 20 в. противостоянию богатых и бедных (условно «капиталистов и пролетариев») пришло разделение общества на правящую элиту, средний класс и маргинальный слой.

На наш взгляд, переплетение в российском обществе в перестроечный период (вторая половина 80–начало 90-х гг.) прежней советской и новой постсоветской социальной структур не позволяет рассматривать общество тех лет как единую социальную систему. Фактически она распадается на сегменты. По мнению авторитетных ученых, стратификация общества в более развернутом виде выглядела так:

Элита (правящая политическая и экономическая) – 0,5 %; **верхний слой** (крупные и средние предприниматели, директора приватизированных предприятий и др.) – 6,5 %, **средний слой** (мелкие бизнесмены, квалифицированные гражданские и военные профессионалы, управленцы среднего звена) – 20 %; **базовый слой** (рядовые специалисты, мелкие менеджеры, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса) – 60 %; **нижний слой** (мало- и неквалифицированные работники, временно безработные) – 7 %; **«социальное дно»** (бездомные, бродяги, нищие, преступники и др.) – до 5 %.

Цель данной статьи – выделить из вышеуказанной «табели о рангах» интеллигенцию и показать ее место и роль в социальной структуре российского общества, ее трансформацию за последние 15–20 лет.

Вопрос об интеллигенции, ее особой роли в российской цивилизации является одним из наиболее сложных в отечественном обществоведении. Исторический анализ показывает, что с течением времени (с момента появления термина «интеллигенция» в 60-е годы 19 века и по настоящее время) ее значение переосмысливается, меняется в зависимости от исторической эпохи.

Большой интерес к российской интеллигенции нашёл отражение в научных трудах, статьях, публикациях ученых, общественных деятелей, творческих работников и др. (историков, философов, социологов, политологов, культурологов).

В перестроечный и постперестроечный периоды широкий спектр точек зрения на место и роль интеллигенции в российской цивилизации можно свести к двум основным подходам [1]:

а) интеллигенция – духовно-нравственная элита общества, отличающаяся как от правящей чиновничьей бюрократии, так и от широкой массы специалистов-профессионалов;

б) интеллигенция – массовая социально-профессиональная группа (прослойка) общества, имеющая определенный и четкий социальный статус.

Из множества различных воззрений на интеллигенцию (конец XX–начало XXI вв.) наиболее убедительным можно, на наш взгляд, считать следующее:

«Интеллигенция – социальная группа, которая занимается умственным трудом, отличается высоким образовательным уровнем и творческим характером своей деятельности, проявляющимся в привнесении личностно-индивидуального начала в эту деятельность, производит, сохраняет и несет в другие социальные группы общечеловеческие ценности и достижения мировой культуры, обладает специфическими психологическими чертами и позитивными нравственно-этическими качествами» [2].

Другими словами, с исторической точки зрения, под интеллигенцией понимаются работники умственного труда, имеющие специальные знания в различных областях науки и культуры (учителя, медицинские работники, инженера, представители науки и искусства, офицеры, служащие аппарата управления и др. [3].

В прошлом при анализе капиталистического и социалистического обществ, при характеристике классов и социальных групп по поводу интеллигенции традиционно использовался термин «прослойка». Аналогично в наше время и тоже традиционно при характеристике постиндустриального (посткапиталистического) и посттоталитарного (постсоциалистического) обществ, говоря об их социальной структуре, всё шире используется понятие «средний класс».

В результате перестройки и последующих реформ 44 % интеллигенции попали за черту бедности. Ввиду вытеснения ее в рыночную экономику значительная часть интеллигенции так и не смогла стать средним классом в европейском понимании этого термина [4].

Если в современных развитых индустриальных странах численно доминирует средний класс, составляющий две трети населения, то в России большинство населения, как отмечено выше, оказалось в бедственном положении – верхний (элита) и средний классы составили вместе (данные 2007 г.) не более 20–25 % населения [5].

Постоянное и резкое углубление имущественных контрастов в российском обществе признавалось и признается российской статистикой, согласно которой доля верхних (элитных) 20 % россиян в общем объеме денежных доходов в стране увеличилась в 1992–2005 гг. с 38,3 % до 46,4 %, в то время как доля остальных 80 % снизилась с 61,7 % до 53,6 % [5].

Почему так произошло? Как известно, в годы перестройки было предпринято активное наступление на бюрократию, но это в дальнейшем не принесло ощутимых результатов. Она по-прежнему сохраняет за собой ключевые позиции в экономике и государственных структурах. Разгосударствление так называемой общенародной собственности не помогло изъять у бюрократии экономические рычаги власти, что несомненно привело бы к существенному сокращению её численности и влияния на социальные процессы. Такая ситуация дала шанс отечественной бюрократии на сохранение своего поколения на долгие годы, чем она незамедлительно и воспользовалась.

Совершенно очевидно, что после развала СССР у новой России имелось две возможности, два основных пути дальнейшего развития (капиталистический и общедемократический). Какой из них выбран, даже сегодня не ясен.

Во-первых, капиталистический путь развития, связанный с восстановлением капиталистического государства, был вполне реален в сложившейся обстановке. Причина – разобщенность прогрессивных сил в среде интеллигенции, рабочего класса, крестьянства. Да и общественное мнение вроде бы смирилось с возможностью реставрации капитализма.

Во-вторых, общедемократический путь, связанный с демократизацией нашего государства, также во многом был сомнителен. Негативный опыт более 70-летней советской власти подготовил идеологическое и психологическое разочарование в его перспективах. Тем не менее для широких масс трудящихся и прогрессивного развития иной альтернативы, кроме как демократизация социальной жизни, не было.

В такой ситуации именно интеллигенция, составляющая во многом основу среднего класса, должна была возглавить движение по общедемократическому пути. Почему? Прежде всего потому, что она реально на деле играла в то время значительную роль в проводимых реформах. Представители интелли-

генции быстрее, чем представители рабочего класса и крестьянства, осмысливали актуальные проблемы общественного развития и реагировали на них. В эти годы они заняли серьезные позиции во вновь сформированных органах власти на всех уровнях социального управления. Прогрессивная часть интеллигенции разрабатывала стратегию и тактику проведения политических и экономических реформ, вела острые бои за торжество демократии и гласности в различных сферах нашей жизни. Занимая по численности второе место после рабочего класса, она все больше становилась в какие-то моменты авангардной силой нашего общественного развития.

В отечественной литературе 1990-х гг.–начала 2000-х гг. стало расхожим утверждение, что интеллигенция социально неоднородна, формируется из представителей различных классов и обслуживает интересы различных классов. Это утверждение рассматривается в качестве главного аргумента в пользу признания социально-классовой несамостоятельности интеллигенции.

Однако с началом НТР положение интеллигенции в корне изменилось. Стали формироваться её большие отряды в сфере фундаментальной науки, ВПК, государственного управления, всеобщего образования, медицинского и правового обеспечения, многообразных социальных услуг, которые напрямую с интересами конкретных классов не связаны. Все эти отрасли интеллектуального труда обеспечивали главным образом интересы страны (нации) в целом. Поэтому до настоящего времени социальную основу интеллигенции образуют именно данные устойчивые группы людей, которые объединяются общенациональными интересами.

Долгое время во многих научных изданиях, различных публикациях господствовало мнение, что поскольку рабочий класс связан с крупной машинной индустрией, именно он выражает объективные тенденции общественного развития. Вместе с тем наступление эры НТР меняет характер технического прогресса. На смену крупному машинному производству приходит среднее и мелкое автоматизированное производство с наукоёмкими технологиями. И основной производительной силой в таком производстве выступает уже не рабочий класс, а именно интеллигенция. Труд рабочих применяется по-прежнему в машинном производстве (которое является вчерашним днём технического развития), а также в качестве вспомогательной силы в автоматизированных производственных системах.

Понятно, что существующие ныне классы-антагонисты – рабочие и капиталисты, крестьяне и землевладельцы – сохранятся еще длительное время. Но все они (и даже буржуазия) постепенно превращаются в неосновные классы, которые используются интеллигенцией для нужд технического и в целом общественного прогресса.

Поскольку дальнейшее развитие российской и мировой цивилизации связано с усилением роли науки и культуры, историческим субъектом в этих условиях может быть только интеллигенция.

До последнего времени положение интеллигенции оставалось достаточно сложным. За десять лет (1991–2001) из науки ушли более 2,2 млн человек, т.е. две трети прежнего списочного состава [6]. По оценкам специалистов Института мировой экономики и международных отношений, из России с 1990 г. выехали за границу около 1 млн специалистов (данные на октябрь 2009 г.) [7].

Большая часть интеллигенции от 60 до 80 % исключительно бедна, с трудом сводит концы с концами. Учителя, врачи, научные работники, работники культуры, ИТР, работники сферы обслуживания (в первую очередь с периферии) оплачиваются государством плохо, у многих заработная плата находится в пределах прожиточного минимума.

Главную роль в подготовке кадров специалистов, интеллигенции играли и играют средние специальные и высшие учебные заведения страны.

В годы перестройки в России стала складываться альтернативная образовательная система. Наряду с государственными учебными заведениями действовали негосударственные вузы, школы, лицеи, гимназии. В 1990–1991 учебном году в Российской Федерации насчитывалось 762 вуза, из них государственных и муниципальных учреждений – 514, остальные 248 были негосударственными [8]. Через 10 лет, в начале 2000-х гг., негосударственные вузы составляли 27–28 % от общего числа. В них обучались 8–12 % студентов [9].

В 2010 г. в стране действовало 673 федеральных государственных вуза и 651 негосударственный вуз [8]. Рост числа студентов вузов страны в 1970–1995 гг. держался на уровне около 200 человек на 10 тыс. жителей. После 1995 г. рост возобновился, и в 2005 г. число студентов на 10 тыс. жителей достигло 500 человек [5]. Это было связано в первую очередь с увеличением количества вузов в Российской Федерации. Конечно, резкое расширение образования не могло не снизить значительно его общий уровень.

Не так давно один из самых известных советских (российских) специалистов интеллигентоведения Соскин В.Л. высказал свое мнение насчет современной интеллигенции: «Предполагается, что само понятие «интеллигенция», возникшее в XIX в., сегодня потеряло свое значение. Тем более, что им продолжают пользоваться, исходя опять же из субъективных представлений. Принятое на Западе понятие

«интеллектуалы», не имеющее политического или нравственного оттенка, куда лучше характеризует численно растущий слой людей, занятых так или иначе в сфере умственной деятельности – от ученых и художников, до чиновников и бизнесменов. И видимо, долг философов и социологов – разобраться во всём разнообразии черт и качеств, в том числе нравственных, многочисленных групп, составляющих данный интеллектуальный слой российского общества [10].

Поддерживая такую точку зрения, нам следует честно признать – интеллигенции в классическом виде, очевидно, сегодня уже не существует. На смену интеллигенции, отличавшейся внутренним единством своего бытия, высоких нравственных качеств и идеологии, пришла новая интеллигенция, характеризующаяся глубоким расколом в своем социально-экономическом статусе, взглядах и позициях по отношению к глобализовавшемуся миру, к своему народу, его традициям и национальным устремлениям.

В связи с этим в настоящее время одной из первостепенных задач является теоретическое осознание интеллигенцией своей исторической миссии, объединение всех её прогрессивных сил вокруг идеи некапиталистического варианта переустройства общества, проведение разъяснительной работы среди рабочих, крестьян, молодежи, пенсионеров и других слоев общества о необходимости дальнейшего продвижения по пути демократических преобразований, осуществление на деле руководящей роли в преодолении экономического и политического кризисов.

Чтобы организовать как класс, за которым будущее, передовым слоям интеллигенции следует создать особую партию и даже несколько, которые возьмутся за супернужный для страны труд по выводу нашей интеллигенции из бедствующего состояния на современный уровень материального достатка и социально-политической активности. Ведь в других странах именно интеллигенция занимает большую часть населения.

В начале 2000-х годов интеллигенция была высокооплачиваемой и составляла 75–80 % среднего класса, а также городских и сельских средних собственников, рабочих высокой квалификации, фермеров, образующих в совокупности 20–25 % в составе среднего класса. В некоторых странах Европы, Америки средний класс включал 60–70 % населения [11], который и составляет сегодня социальную базу современного гражданского общества. Поскольку средний класс имеет гетерогенный (неоднородный) характер, в нем также формируются различные организованные группы интересов.

«Опыт XX столетия показал, что «слоем» буржуазной государственной машины – не единственный и даже не главный путь развития государственности. Происходит постепенная трансформация «диктатуры буржуазии» и «диктатуры пролетариата» в «диктатуру среднего класса», основой которой служит интеллигенция. Но она может произойти в полной мере (окончательно) только после внедрения в производство и общество информационных технологий, что станет возможным лишь в правовом социально ориентированном государстве.

«Информационное государство связано с диктатурой среднего класса (где главные позиции занимает интеллигенция), которая играет все более определяющую роль при внедрении информационных технологий в современном обществе» [6].

Последние годы выражения «интеллигенция», «средний класс» в литературе, научных статьях, СМИ все чаще стали заменяться понятием «креативный класс»¹. В России «креативный» класс – население в основном крупных городов. Это материально обеспеченный и образованный слой общества. Данные о его доле разнятся от считанных процентов до 14 % (по данным на 2006 г. Фонда эффективной политики). Средний возраст таких людей от 20 до 45 лет [11].

12 декабря 2012 г. Путин В.В. огласил ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (девятое по счету). В нем, отдельно высказываясь о социальной сфере, глава государства, в частности, отметил: «За специалистами, работающими здесь, закрепилось казенное определение «бюджетники». Это, однако, те люди, которые имеют высокое образование, квалификацию; по содержанию своего труда, по культурным потребностям, по социальной активности они часть так называемого креативного класса. Креативный класс, а если использовать традиционное слово, интеллигенция – это прежде всего врачи, учителя, преподаватели вузов, работники науки, культуры, и такие люди работают в каждом регионе, в каждом посёлке, в каждом городе. В то же время по уровню доходов они пока не дотягивают до среднего класса, вынуждены отказывать себе и в нормальном отдыхе, и в жизненном комфорте, и в профессиональном развитии, искать постоянно дополнительные заработки» [12]. В продолжение данной мысли в послании говорится о возможности сегодня кардинально изменить ситуацию в социаль-

---

¹ Креативный класс, творческий (англ. Creative class) – термин, предложенный Р.Флоридой для обозначения социальной группы населения, включенной в постиндустриальный сектор экономики. Это часть среднего класса, ставшая самой влиятельной и массовой социальной группой в развитых странах (к примеру, в США их доля составляет 30 % всех работающих. Активно включен в глобальный мир. Именно он создает сегодня в развитых странах повестку дня, служит образцом для подражания и формирует общественное мнение.

ных отраслях. Для реализации данной задачи «существенно на четверть вырастет число граждан, обладающих экономическими возможностями среднего класса. Наиболее заметно это будет в регионах. Мы поддержим возрождение провинциальной интеллигенции, которая во все времена была профессиональной и моральной опорой России» [12].

Будем надеяться, что эти благие намерения не останутся на бумаге. В современном российском обществе, на наш взгляд, интеллигенция, как бы мы ее ни называли, продолжает оставаться разделённой на группы с различной идеологической, социальной, экономической и культурной ориентацией.

Библиография

1. Элбакян Е.С. Между молотом и наковальней (русская интеллигенция в ушедшем столетии) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2003. № 2. С. 31–32.
2. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь. М., 2001. 544 с.
3. Кемпинский Э.В. К содержанию понятия «интеллигенция» // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа: материалы межрегиональной научной конференции. 2000. 346 с.
4. Мизраха Б.А. Судьба российской интеллигенции в эпоху реформ // Социум и власть. 2008. № 1. С. 12.
5. История России XX век: 1993–2007. М., 2009. 648 с.
6. Граждан В.Д. Интеллигенция: прослойка или... // Власть. 2003. № 6. С. 20.
7. Шамеев А.М. Развитие материально-технической базы культуры КБР и подготовка специалистов в 60–90-е годы XX века: успехи и недостатки. Нальчик, 2010. 56 с.
8. Регионы России: социально-экономические показатели: сб. ст. М., 2007. С. 264–265.
9. Шамеев А.М. Модернизация системы подготовки специалистов высшими образовательными учебными заведениями КБР в 90-е гг. XX–начале XXI вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 5. 2012. С. 76.
10. Соскин В.Л. Интеллигенция и нравственность: к постановке вопроса // Интеллигенция и нравственность. Байкальские встречи: материалы международной научной конференции. 2005. Т. 1. С. 26.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wikipedia.
12. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 12.12.2012 г.

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ С РОССИЕЙ
В XVI–НАЧАЛЕ XIX ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Журтова А.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

anzhelka28@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы взаимоотношений Кабарды и Балкарии с Россией в XVI–XIX вв. в современной отечественной историографии. В ней исследуются концепции о «добровольном присоединении», «военно-политическом союзе» и «подданстве».

Ключевые слова: историография, взаимоотношения, добровольное присоединение, военно-политический союз, подданство.

**THE PROBLEM OF RELATIONS KABARDA AND BALKARIA WITH RUSSIA
IN XVI–XIX CENTURIES IN THE MODERN NATIONAL HISTORIOGRAPHY**

Zhurtova A.A.

Kabardino-Balkarian State University

The article is devoted to analysis of the issue relations Kabarda and Balkaria with Russia in XVI–XIX centuries in the modern national historiography, in it examines concepts about «voluntary accession», «military-political alliance» and «citizenship».

Keywords: historiography, relations, voluntary accession, military-political alliance, citizenship.

Проблема исторического взаимодействия северокавказских народов и России является одной из наиболее сложных и дискуссионных в современной науке. Это прослеживается в разнообразных историографических источниках: сборниках документов, монографиях и статьях, защищенных диссертациях и публицистических очерках, посвященных проблеме формирования Российского многонационального государства. Историографический анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа дает возможность выстроить новую линию российско-кавказских отношений в XXI веке.

В процессе изучения поставленной проблемы ученые, публицисты, археографы дают различные оценки взаимоотношений Кабарды и Балкарии с Россией в XVI–XIX вв. Концептуальные различия «завязаны» вокруг следующих понятий: «добровольное присоединение», «военно-политический союз», «подданство» и др. При этом у разных авторов одна и та же категория наполнена различным фактологическим содержанием. Все это создает сложную палитру мнений, которые политизируются, идеологически конфликтуют и создают дискурсивное поле, требующее глубокого научного анализа.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать проблему взаимоотношений Кабарды и Балкарии с Россией в XVI–XIX вв. в современной отечественной историографии.

Перемены в общественно-политической жизни страны в конце 80 – начале 90-х гг. выдвинули на первый план историографии преодоление границ исторического анализа, задаваемых вплоть до этого времени марксовской схемой истории [1], и многочисленных перекосов в исторических исследованиях. В истории науки наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. Диалектика развития истории науки создает особую методологическую ситуацию, в рамках которой, с одной стороны, идет поиск новых методологических ориентиров, с другой – наблюдается мобилизация всего предшествующего исследовательского опыта, познавательного потенциала предшествующих эпох и иных культур. В результате современная историческая наука, по мнению А.В. Лубского, превращается в «мультипарадигмальную» дисциплину, становясь когнитивным полем многообразных мнений и интертекстуальных «языковых игр», в ходе которых историческая реальность растворяется во множестве научных дискурсов, тропов и смысловых миров [2].

В конце 80–начале 90-х годов XX в. в историографии Кабардино-Балкарии выявилось резкое неприятие и критика концепции «добровольного вхождения» Кабарды в состав России. Группа ученых пришла к выводу, что трактовка акта 1557 года о добровольном присоединении не объясняет характера сложившихся отношений между Россией и Кабардой, а поэтому нуждается в пересмотре.

Новую интерпретацию политического акта 1557 года дал историк К.Ф. Дзамихов. В своих исследованиях [3–6] он отверг существовавшую в адыгской историографии теорию о добровольном присоединении Кабарды к России, предложив концепцию, основная мысль которой заключается в том, что в 1557 году между Российским государством и Кабардой был заключен военно-политический союз.

Говоря о факторах, способствовавших сближению Кабарды с Российским государством, он пишет, что в XV–первой половине XVI в. политическое и социально-экономическое развитие адыгского общества протекало в сложных условиях феодальных междоусобиц и постоянных войн с Турцией и Крымом. В этот период русское правительство было заинтересовано в укреплении своих юго-восточных границ. Анализируя эти тезисы, К.Ф. Дзамихов приходит к выводу о том, что внутреннее и внешнее положение кабардинского народа, интересы восточной политики России и общая заинтересованность в борьбе против агрессии Османской Турции и Крымского ханства обусловили сближение адыгов с Российским государством к середине XVI в.

Критикуя концепцию советских исследователей 50-х гг. о добровольном присоединении Кабарды, автор заявляет, что данная интерпретация является односторонней и не отражает сути событий, происходивших в середине XVI в. [4]. Главный вывод ученого заключается в том, что «значение актов того периода для обеих сторон и реальная практика русско-кабардинских отношений больше соответствует понятию военно-политического союза, который имел в основе договор о покровительстве 1557 года, фиксировавшегося в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета» [5]. В результате адыгская феодальная знать сохраняла свои местные права, внутреннюю самостоятельность и была связана с русским царем лишь обязательствами военной службы, т.е. это был союз между царским правительством и правящей феодальной знатью [6]. Концепция К.Ф. Дзамихова ознаменовала собой новый этап в изучении проблемы присоединения Кабарды к России.

Концептуальный вывод К.Ф. Дзамихова был развит рядом историков Кабардино-Балкарии. Так, Г.Х. Мамбетов [7] процесс сближения Кабарды и России в середине XVI века связывает с двумя аспектами: внутренним и внешнеполитическим. В частности, он пишет: «К сожалению, кабардинские князья часто вели между собой борьбу за расширение своих владений, за укрепление своего влияния... Этим успешно пользовались внешние враги: крымские ханы, тарковские шамхалы и другие, совершавшие частые набеги на Кабарду» [7]. В этих тяжелых условиях, по мнению Мамбетова, среди князей и феодалов возникла идея о сближении с Россией как наиболее сильным государством с целью получить у неё военную защиту. «Это стремление, – утверждает автор, – отвечало и интересам Русского государства. Во-первых, в Москве хорошо знали, что адыги принадлежат к числу наиболее многочисленных и влиятельных народов Северного Кавказа. Во-вторых, ... некоторые народы этого региона находятся в той или иной зависимости от кабардинцев. В-третьих, ... в борьбе за укрепление позиций Русского государства на Волге Кабарда могла сыграть не малую роль...» [7]. В итоге в 1557 г. между Россией и Кабардой был заключен военно-политический союз.

Доказательством того, что это был именно союз, а не присоединение, служат, считает Мамбетов, следующие факты: во-первых, Кабарда не была включена в территорию Русского государства; во-вторых, на неё не распространялось российское территориально-государственное устройство; в-третьих, здесь не действовали русские законы; в-четвертых, Россия не вмешивалась по существу ни в какие дела Кабарды и не ограничивала её ни в чем; в-пятых, русское государство и Кабарда в своих взаимоотношениях выступали как равноправные субъекты, государства [7]. Завершая статью, он отмечает, что его точка зрения не является безупречной, поэтому проблема присоединения нуждается в новом переосмыслении [7].

Концепция о военно-политическом союзе получила развитие и в исследованиях Б.К. Мальбахова [8, 9]. В одном из них он пишет: «В 1557 году Темрюк Идаров в ходе борьбы за власть и землю (в Кабарде уже разгоралась междоусобица и шло раздробление территории) обращается за помощью к русскому царю Ивану IV (Грозному). Он даже породнился с ним, выдав за него свою дочь замуж. Это был военно-политический союз, выгодный как русскому государству, так и Темрюку Идарову с его сторонниками. Темрюк надеялся с помощью России сокрушить непокорных адыгских феодалов, укрепить свою власть князя-валия и объединить страну... под своей властью. России этот союз обещал многое, поскольку он, в первую очередь, позволял в перспективе овладеть стратегическим плацдармом в центре Кавказа, во-вторых, иметь союзника в тылу у Крымского хана, в-третьих, русское правительство могло рассчитывать на использование в своих многочисленных завоевательных войнах сильную по тем временам кабардинскую конницу...» [8]. Таким образом, Мальбахов особую важность придаёт деятельности князя Темрюка в процессе сближения Кабарды с Россией и отмечает, что их взаимоотношения на начальном этапе были исключительно дружественными, равноправными и взаимовыгодными. Но ситуа-

ция, согласно автору, меняется в XVIII веке, когда у России возникает необходимость реального присоединения Кавказа в связи с её укреплением на международной арене [9].

Вызывает интерес статья Х.М. Думанова [10], в которой политический акт 1557 года трактуется как добровольное присоединение Кабарды к России [10]. Наличие подобных работ свидетельствует о сохранении историографической традиции советской исторической науки второй половины XX века.

Ряд аспектов русско-кабардинских отношений в XVIII–начале XIX в. затронул А.Н. Маремкулов. По мнению автора, «геополитическую основу имперской доктрины России на Северном Кавказе составляли три фактора: пространственно-территориальный, этнорелигиозный и экономический» [11]. Маремкулов утверждает, что Кабарда была завоевана в первый период Кавказской войны, а это, согласно автору, 1769–1825 гг. [11].

М.Ю. Кучинаев в двухтомном труде по истории Балкарии [12] предпринял попытку анализа русско-балкарских отношений в XIX в. По его мнению, XIX век Россия начала «с твердым намерением окончательно усмирить Кавказ». Согласно автору, в 1827 г. от балкарского народа в Ставрополь к главнокомандующему войсками на Северном Кавказе генералу Г.А. Эмануэлю была послана делегация. Генерал принял предложение представителей горских племен, их присягу на верноподданничество и донес императору, который повелел принять это подданство и «считать присоединенными к России эти народы» [12]. По мнению Кучинаева, данное прошение о подданстве в 1827 г. было вынужденной мерой, необходимой во избежание военных столкновений с русскими войсками [12].

Большой вклад в изучение истории балкарского народа внесла Е.Г. Муратова [13–15]. Характеризуя общую политическую ситуацию в регионе в конце XVIII–начале XIX в., она пишет: «В связи с политикой России на Центральном Кавказе разрушилось этнополитическое равновесие, сложившееся в предшествующую эпоху и характеризовавшееся гегемонией Кабарды в регионе» [14]. По ее мнению, вмешательство России в жизнь народов Северного Кавказа коренным образом изменило политическую и социально-экономическую ситуацию в регионе.

Русско-балкарские связи в первой четверти XIX в. можно рассматривать, согласно автору, «только в контексте развития отношений между Россией и Кабардой» [15]. Покорение Кабарды сопровождалось приведением к присяге балкарских обществ. Опыт данного покорения «подсказывал российскому правительству, что его политика может быть успешной, если, во-первых, будет поддержано стремление балкарцев освободиться от платежей (дани в пользу Кабарды – А.Ж.), и во-вторых, им будет обеспечен свободный выход на плоскость» [15].

Вскоре проводимая на Кавказе политика дала положительные результаты, что проявилось в событиях 1827 года, когда представители балкарских, урусбиевских, чегемских и хуламских таубиев, а также дигорских баделят, подали прошение генерал-лейтенанту Эмануэлю о принятии их в русское подданство. «При подаче прошения, – как сообщает Муратова, – представители балкарского народа ходатайствовали о сохранении всех их древних прав, обычаев, шариатского суда, свободного исповедания ислама и «получения издавна установленной владельцам с подданных дани» [14]. Генерал Эмануэль привел балкарских старшин к присяге и поручил им привести к присяге свои народы. 16 марта 1827 года Эмануэль доносил, «что старшины горских народов Балкарского, Урусбиевского и Чегемского присягнули на верноподданство» [14].

Е.Г. Муратова, обобщив изложенный материал, определяет процесс вхождения Балкарии в состав России «как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи» [14]. Автор не дает оценку российской политике в регионе, а пытается понять саму природу русско-балкарских взаимоотношений в XVI–XIX вв. В исследованиях Муратовой содержится глубокий политико-правовой анализ исторического взаимодействия России и балкарского народа, представляющий большой научный интерес.

Теорию о военно-политическом союзе между Кабардой и Россией дополнил Б.Х. Бгажноков. По его мнению, союз 1557 года был одним из видов межгосударственных взаимоотношений, который «известен со времен Древней Греции и называется в науке симмахия (от греч. *symmachia* – *sym* «вместе» + *machomai* «сражаюсь» – военный, преимущественно наступательный, союз между отдельными государствами). В случае надобности каждая из сторон обязывалась оказывать друг другу военную помощь в борьбе с внешними и внутренними врагами...» [16].

Заслуживает внимания статья Т.Х. Алоева, в которой проведен анализ летописей и других документов середины XVI века. Осознавая сложность поставленной задачи, автор полагает, что для реального понимания летописного текста нужно «исходить из его функционального значения и конкретных исторических условий, в которых этот текст был создан» [17]. Проанализировав записи, касающиеся кабардинского посольства 1557 года, Алоев приходит к выводу, что заключенный в этом году договор между Московским государством и Кабардой представляет собой по содержанию «типичный военно-

политический альянс», а по форме – «сеньориально-вассальный контракт с присущей ему субординацией... Вряд ли, – считает автор, – стоит серьезно воспринимать такую терминологию, как «холопство»... В крайнем случае, будет уместно рассматривать это как дань протоколу» [17]. Проведение подобного терминологического анализа уже известных документов, является, на наш взгляд, перспективным явлением современного кабардиноведения.

В 2005 г. издательство М. и В. Котляровых начало реализовывать специальный проект, направленный на переиздание первоисточников по истории Балкарии [18]. Ими на сегодняшний день опубликован ряд сборников [19–23], содержащих материалы по политической, социально-экономической, культурной истории балкарского народа. В одном из них [21] автор предисловия Е.С. Тютюнина [24] поддерживает точку зрения большинства советских и современных исследователей о принятии Балкарии в российское подданство в 1827 г.

Эти идеи развивает О.О. Айшаев, который опубликовал два документа: «Прошение о вступлении Балкарии и Дигории в состав Российской Империи» и «Ведомости о числе дворов дигорских и прочих народов, вновь покорившихся русскому правительству», чтобы «рассеять всякие сомнения» [25] о времени и характере вхождения балкарского народа в состав России. Автор утверждает, что «уплата дани кабардинским князьям ложилась тяжелым бременем на балкарское население, поэтому балкарцы всячески стремились избавиться от этой дани, при этом они тянулись к России, видя в ней единственную свою спасительницу, которая должна была их защищать, установить справедливость» [25]. Поэтому они присягнули на подданство России в 1827 г.

В 2007 году в республике состоялось широкое празднование 450-летия добровольного вхождения (по официальной версии [26]. – А.Ж.) Кабардино-Балкарии в состав России. К юбилею был опубликован ряд работ [27–30], касающихся данной проблематики. В 2008 году в Кабардино-Балкарском госуниверситете состоялась конференция, посвященная 80-летию со дня рождения автора концепции о добровольном присоединении Кабарды к России, профессора Т.Х. Кумыкова, по материалам которой был издан специальный выпуск «Вестника КБГУ» [31]. В нем были опубликованы статьи его коллег, учеников, посвященные его жизни и научной деятельности. В сборнике содержатся работы, в которых проанализированы проблемы социально-экономической и политической истории Кабарды и Балкарии, их взаимодействия с Россией в прошлом, мухаджирства и др.

Историографической особенностью большинства публикаций 2007–2008 гг. стала «реанимация» точки зрения о добровольном присоединении Кабарды к России [28, 29]. Но эта оценка не стала доминирующей. Многие профессиональные историки по-прежнему развивают тезис о военно-политическом союзе [32]. Концептуальная противоречивость изучаемой проблемы свидетельствует о том, что она находится в стадии исследования.

Есть и такие работы, авторы которых не присоединяются ни к той, ни к другой точке зрения. В частности, С.Н. Бейтуганов полагает, что «союз – понятие неоднозначное. По своему политическому содержанию он близок или тождествен паритету, основанному на приблизительном равенстве сил сторон. Такого понимания понятия «союз» следует избегать, характеризуя кабардино-русские связи на первом этапе их сближения. Можно считать также установленным, что переговоры кабардинского посольства в Москве... не могут быть определены «как единовременный акт присоединения», он «не предусматривал включения территории адыгов во владения Русского государства» [33]. Далее Бейтуганов справедливо подмечает, что «русские власти и кабардинские князья характер своих взаимосвязей понимали различно, и обе стороны стремились их использовать по-своему» [33], в связи с чем и возникают различные трудности при оценке этих взаимоотношений.

Б.М. Моков также не поддержал озвученные концепции. В частности, он пишет: «Ни традиционная политико-историографическая формула «добровольного вхождения в состав России», ни формула «военно-политического союза», получившая распространение в последние годы – недостаточны для обобщенной оценки исторического характера кабардино-русских взаимоотношений в XVII в. ... Плодотворным здесь представляется такой подход, который, во-первых, был бы нацелен на максимально полную реконструкцию и интерпретацию этого взаимодействия в терминах той исторической эпохи, а не современной политики; а во-вторых, учитывал бы, что ни одна из этих форм не обрела в XVII в. окончательного характера; исторически необратимым оказался сам процесс кабардино-русского сближения, но он мог развиваться далее альтернативными путями» [34].

Проблема присоединения Кабарды к России остается одной из самых сложных и дискуссионных в историографии. Как считает В.Г. Шнайдер, не следует рассматривать интеграцию малых народов Кавказа в государственное пространство России как «процесс предзаданный». Нельзя также, по его мнению, «искать и универсальности в отношении к России отдельных этнокультурных групп региона. Различным было и понимание характера российско-кавказских взаимоотношений каждой из сторон отдельно» [35].

Таким образом, в нынешней отечественной историографии сложилась ситуация, характеризующаяся наличием двух основных подходов к изучению русско-кабардинских взаимоотношений в XVI–XIX вв. Часть исследователей остается на позициях советской исторической науки второй половины XX в. и трактует сложившиеся в 1550-х гг. взаимоотношения между Россией и Кабардой как «добровольное присоединение». Сторонники нового подхода (К.Ф. Дзамихов, Б.К. Мальбахов, Г.Х. Мамбетов и др.) выступают против советской концепции, и, основываясь на результатах политико-правового анализа русско-кабардинских отношений в XVI в., подчеркивают их взаимовыгодный характер и определяют эти отношения как союзнические. Что касается интерпретации русско-балкарских отношений в конце XVIII–XIX вв., то большинство современных исследователей придерживаются точки зрения о принятии Балкарии в российское подданство в 1827 г.

Библиография

1. Боров А.Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. VI. С. 3–28.
2. Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoretik.info/index.php?option=com_content&view=article&id=109:2012-03-10-17-55-14&catid=68:2012-03-10-13-48-38. (дата обращения: 01.07.2013).
3. Дзамихов К.Ф., Мальбахов Б.К. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI–конец XVIII в.). Нальчик: Эльбрус, 1996. 352 с.
4. Дзамихов К.Ф. От военно-политического союза к колониальной политике // Советская молодежь. 1990. 18 мая.
5. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.) Нальчик: Эль-Фа, 2001. 412 с.
6. Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. 816 с.
7. Мамбетов Г.Х. 1557 год – присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. Майкоп, 1993. С. 5–25.
8. Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда: (Внутренние и внешние аспекты истории). Нальчик: Эльбрус, 1994. 352 с.
9. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик: Книга, 1998. 352 с.
10. Думанов Х.М. Из истории кабардино-русских отношений // Политика и право в сфере этно-государственных отношений Кабардино-Балкарии. М., Нальчик, 2001. Т. 1. С. 59–63.
11. Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII–начале XIX века: политико-правовой аспект. Нальчик: Эльбрус, 2003. 152 с.
12. Кучинаев М.Ю. История Балкарии с древнейших времен и до конца XX в.: в 2-х кн. Нальчик: Эль-Фа, 2004. Кн. 1. 414 с.; Кн. 2 664 с.
13. Битова Е.Г. Балкарцы во взаимоотношениях с соседними народами и Россией (XVI–XVIII вв.) // Вестник КБГУ. Серия: Гуманитарные науки. Нальчик, 2002. Вып. 7. С. 21–25.
14. Муратова Е.Г. Балкария на пути к единству с Россией // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 169–184.
15. Битова Е.Г. Политика России на Центральном Кавказе и Балкарские общества (первая четверть XIX в.) // Вестник КБГУ. Серия: Гуманитарные науки. Нальчик, 2004. Вып. 9. С. 12–17.
16. Бгажноков Б.Х. Россия и Кабарда: истоки военно-политического союза // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 3 ноября.
17. Алоев Т.К. К вопросу о содержании и характере внешнеполитических связей Кабардинского княжества и Московского государства во второй половине XVI века // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. Нальчик, 2007. Вып. V. С. 3–28.
18. Муратова Е.Г. Источники по истории Балкарии XIX–нач. XX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archivesjournal.ru/?p=1245>. (дата обращения: 12.05.2013).
19. Балкария: Страницы прошлого. Вып. 1. Нальчик, 2005. 112 с.
20. Балкария: Страницы прошлого. Вып. 2. Нальчик, 2005. 144 с.
21. Балкария: Страницы прошлого. Вып. 3. Нальчик, 2006. 128 с.
22. Балкария: Страницы прошлого. Вып. 4. Нальчик, 2007. 80 с.
23. Балкария: Страницы прошлого. Вып. 5. Нальчик, 2007. 84 с.
24. Тютюнина Е.С. Шаги на встречу // Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 4–5.
25. Айшаев О.О. Присоединение Балкарии к России и его историческое значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aishaev.ucoz.ru/load/4>. (дата обращения: 22.05.2013).

26. Навеки с Россией: Празднование 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства. По материалам информационных агентств и периодической печати РФ. Нальчик, 2008.
27. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
28. Бесланев В. Русско-кабардинские отношения в 1558–1584 гг. // Терек. 2007. 17 февраля.
29. Казаков А. Юбилей без символов // Кабардино-Балкарская правда. 2007. 23 мая.
30. Калмыков Ж.А. К вопросу о характере кабардино-русских отношений в XVI–XVIII веках // Кабардино-Балкарская правда. 2007. 13 июня и др.
31. Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Нальчик, 2008. Вып. 12. 85 с.
32. Бгажноков Б.Х., Дзамихов К.Ф. Темрюк Идаров и военно-политический союз Кабарды и России // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
33. Бейтуганов С.Н. Кабардино-русские отношения (XVI–XIX вв.). Основные этапы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zolka.ru/articles/19-6/306-q-xvi-xix-q>. (дата обращения: 12.06.2013).
34. Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI-XVII вв. Нальчик: Эльбрус, 2001. 144 с.
35. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=15741>. (дата обращения: 01.07.2013).

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ПО ОТНОШЕНИЮ
К ТАТАРСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Ислемисова Р.М.

Астраханский государственный университет

Ryamziya-Islemisova@yandex.ru

В статье проанализирована степень изученности вопросов, касающихся управления образованием татар России в первой половине XIX века. Также рассматривается образовательная политика Министерства внутренних дел по отношению к татарам России в период правления двух императоров – Александра I (от либеральной политики к реакционной) и Николая I (ужесточение официальной идеологии к нерусским народам). Особенность татарского образования раскрывается на примере Астраханской губернии.

Ключевые слова: татарское образование в первой половине XIX века, образовательная политика Министерства внутренних дел, управление образованием татар, татарская школа, Астраханская губерния.

**EDUCATIONAL POLICY RUSSIAN INTERIOR MINISTRY, EMPIRE IN FIRST
HALF XIX C. WITH RESPECT TO ON TATAR SELENIUM ASTRAKHAN PROVINCE**

Islemisova R.M.

Astrakhan State University

The article analyzes the degree of scrutiny of issues related to education management of Tartars of Russia in the first half of the XIX century. Also consider educational policy of the Ministry of internal affairs in relation to the Tatars of Russia during the reign of the two emperors – Alexander I (from liberal policy to the reaction policy) and Nicholas I (the tightening of the official ideology to non-Russian peoples). The peculiarity of the Tatar education is revealed on the example of the Astrakhan province.

Keywords: education of the Tatars in the first half of the XIX century, educational policy of the Ministry of Internal Affairs, management the education of the Tatars, the school of Tatar, Astrakhan province.

Первая половина XIX века – период сложных внутренних и внешних процессов, связанных с либеральными реформами Александра I, Отечественной войной 1812 г., восстанием декабристов, первыми попытками решения крестьянского вопроса и т.д. В это время происходит достаточно осознанное обращение к инородцам в связи с присоединением новых территорий к России и начинается процесс русификации «старого» нерусского населения, давно проживающего в ней.

Целью данной статьи является изучение деятельности МВД в системе управления образованием татар России в первой половине XIX века (на примере Астраханской губернии). Задачи: 1. Проследить государственную политику по отношению к татарам в период правления Александра I (1801–1825) и Николая I (1825–1855); 2. Рассмотреть татарское образование в Астраханской губернии в первой половине XIX века.

Анализ литературы показывает интерес историков, педагогов и исследователей к изучению проблемы управления образованием татар России в первой половине XIX века. Если рассматривать дореволюционный период, то необходимо назвать исследователей, которые затрагивали татарское образование: Павлов А., Небольсин П. и т.д. В советский период (1917–1991) – Д. Валидов, Ф. Сайфи, В.М. Горохов, А.Ф. Эфиоров, М. Гайнуллин, Я.И. Ханбиков, С.М. Михайлова, Я.Г. Абдуллин. В современный период многие авторы посвящают отдельные статьи, главы или монографии изучению нерусских школ, в том числе и татарской, деятельности государства в отношении этих школ, общественно-педагогическому движению этих народов в XIX веке, например: Д.Ю. Арапов, А.К. Тихонов, А.Ю. Хабутдинов, В.П. Киржаева, Е.А. Тарабановская. В данный момент имеется мало обобщенных работ, раскрывающих систему управления образованием татар в первой половине XIX века. Также не достаёт работ, касающихся изучения образования конкретных районов, областей нашей страны, и тем самым вызвана необ-

ходимость изучения истории любой территории не только с точки зрения его географического положения, но также со стороны изучения взаимоотношений различных народов внутри данного региона и страны в целом, в том числе через систему управления образованием. Астраханская губерния издревле является многонациональной в связи с тем, что она находится на пересечении торговых путей. Вот в чём, на наш взгляд, заключается актуальность нашего исследования.

На наш взгляд, политику Александра I можно разделить на 2 периода: I период (с 1801 по 1812 гг.), связанный с либеральной идеологией, II период (с 1813 по 1825) – реакционный, связанный с заграничными походами (люди увидели иную жизнь, чем в России), попытками введения конституции и отмены крепостного права, появлениями различных кружков, способствовавшими ужесточению курса императора Александра I, в том числе и по отношению к инородческой школе. Первый период политики по отношению к нерусскому населению начался со следующего: «В селениях, обратившихся в православную веру грекороссийского исповедания, как-то: корел, черемис, мордвы, вотяков, татар, чуваш и прочих, коих дети по-русски не понимают, – учить священно-церковнослужителям в школах и в церквях наставление производить на их природном языке, дотоле, доколе все их прихожане от мала до велика разуметь будут совершенно российский язык, а для преподавания такового учения и можно будет употребить на первый случай назначенные Св. Синодом к изданию в печать книги на российском языке с переводом на упомянутые, содержащие в себе церковные молитвы, символ веры, десятисловие и Катехизис... и для того в те села во все священнослужительские чины, открываться имеющие, производить или из семинарии тамошних уроженцев, знающих непременно употребляемый там язык, или и самих жителей, обучая последних первым действиям арифметики в семинарии» [1].

До 1810 г. «мусульманскими делами» в стране ведала одна из Экспедиций образованного в 1802 г. Министерства внутренних дел. По Манифесту 25 июля 1810 г. на правах особого министерства было создано Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий, под контроль которого были поставлены «все предметы, относящиеся к Духовенству разных иностранных религий и исповеданий, исключая судебных их дел, кои по-прежнему поступать имеют в Правительствующий Сенат». Главноуправляющим данным учреждением был назначен один из наиболее доверенных приближенных царя князь А.Н. Голицын (1773–1844) [2]. Однако, как констатировал С.А. Адрианов, «...деятельность Князя Голицына дала мало практических результатов, потому что новое ведомство должно было потратить прежде всего немало времени на приведение в известность вверенных ему частей. Надо было собрать сведения о числе исповедующих ту или другую веру, о количестве духовенства и церковных учреждений, ознакомиться с постановлениями и учением разных исповеданий, создать органы управления и т.п. На этих предварительных работах и сосредоточилась, главным образом, деятельность нового Главного Управления» [3].

В 1817 г. под руководством А.Н. Голицына было образовано объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения, где в рамках одного ведомства оказались контроль над всеми религиями и системой учебных заведений империи. Новое «трехглавое» учреждение должно было прежде всего способствовать усилению борьбы с идеологическим «вольнодумством», пропаганде религиозных, в первую очередь «христианских ценностей». Особое значение придавалось деятельности «Российского Библейского общества» (РБО) [2]. Хотя в 1826 г. его деятельность была прекращена, созидательные последствия очевидны: к 1823 г. РБО распространило на 41 языке более 700 тыс. экземпляров Библии и Евангелия (на русском, калмыцком, карельском, монгольском, литовско-самогитском, турецком, армянском, татарском, татарско-турецком, черемисском, чувашском и мордовских языках) [1].

15 мая 1824 года Министерство духовных дел и народного просвещения было ликвидировано, Святейший Синод становится снова самостоятельным ведомством, а Главное управление духовных дел иностранных исповеданий было сохранено как подразделение Министерства народного просвещения, которое возглавил адмирал А.С. Шишков, придерживавшийся консервативных позиций в религиозной политике и в вопросах образования.

На наш взгляд, восстание декабристов повлияло на весь курс императора Николая I в сторону ужесточения. В это же время на службу в Главное управление духовных дел иностранных исповеданий поступил Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864). 23 декабря 1831 года было издано подготовленное под его руководством «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах», которое существенно изменило структуру и порядок управления духовными делами мусульман Крыма и Причерноморья. В нем, как никогда ранее, тщательно и детально регламентировались практически все стороны деятельности мусульманского духовенства.

2 февраля 1832 года Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий вошло в состав Министерства внутренних дел Российской империи как Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), а граф Д.Н. Блудов стал министром внутренних дел. Департамент возглавил слу-

живший с 1829 года в Главном управлении духовных дел иностранных исповеданий Филипп Филиппович Вигель (1786–1856).

В первом томе Свода законов Российской империи принцип веротерпимости по отношению к нерусским подданным выражен так: «...Свобода веры присвоится не токмо Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи».

Главной целью издаваемых ДДЦИИ правовых документов являлось подчинение «иностранных» исповеданий государственной власти путем создания структурных организаций этих исповеданий. В первую очередь, высшее духовенство и верхушка священнослужительской иерархии различных конфессий переводилась на государственное, казенное содержание, превращаясь в особое привилегированное духовное сословие, по своему статусу приравненное к государственным служащим (в отдельных случаях и часть приходского духовенства) [3].

Назначенный министром народного просвещения С.С. Уваров сформулировал триединую формулу, положенную в основу политики образования нерусских народов России вплоть до конца XIX в.: «православие, самодержавие, народность». Реализация в педагогической практике концептуальных идей С.С. Уварова проходила под девизом создания основы национального образования. Национальное понималось в контексте самодержавно-охранительной идеологии как инструмента политики [4].

«Дабы употребляемые средства к необходимому, сообразно быту поселян религиозно-нравственному образованию сделать доступными для татар и идолопоклонников, распространить между ними познание русского языка и приучить их к мысли о необходимости обучения детей, бывшим Министром Государственных Имуществ Графом Киселевым испрошено в августе 1844 г. Высочайшее разрешение на учреждение в татарских селениях особых училищ, с назначением в оные особых наставников из людей светского звания, с тем, чтобы школы эти имели целью приготовление писарей, а впоследствии были обращены в сельские приходские училища. Граф Киселев, имея в виду, что нет возможности привлечь к занятию означенных учительских мест людей способных и достойных, без предоставления им прав службы, что предоставить вольнонаемным людям управлять училищами учреждаемыми от Правительства неудобно и что Высочайше утвержденным 18 июля 1844 года Положением Комитета министров предоставлены права службы учителям учрежденного в селе Острове Московской губернии училища для волостных и сельских писарей, всеподданнейше ходатайствовать о предоставлении учителям особых училищ для детей государственных поселян из магометан и идолопоклонников прав и преимуществ, сопряженных со службою по учебной части, сравнив их в сем отношении с учителями приходских училищ; на каковое ходатайство и последовало 5-го февраля 1845 года Высочайшее Его Императорского Величества соизволение [5].

Николай I был особенно обеспокоен теми «заграничными» (да и своими) мусульманами, которые, получив «духовное образование» за пределами империи, собирались преподавать в российских мусульманских учебных заведениях. 3 января 1848 г. он лично запретил въезд в пределы империи подобным «лицам духовного магометанского звания», причем формально этот указ оставался в силе вплоть до 1917 г. [2].

Перейдем к рассмотрению татарского образования в первой половине XIX века в Астраханской губернии. К началу XIX века в Астраханской губернии почти в каждом селе были мечети или молитвенные дома с духовными руководителями – муллами, имамами (наставниками прихода), мюдаррисами (учителями) [6]. В 1817 в Астрахани в мужской гимназии начали преподавание татарского языка, а 14 февраля 1821 г. – открыт в астраханской семинарии класс татарского языка [7]. В промежутке с 17.12.1820 г. по 13.11.1822 г. Министерством народного просвещения было принято решение об открытии училищ по методу взаимного обучения в Казанской и Астраханской губерниях для обучения татар русскому языку. Однако инициатива правительства не встретила поддержки населения [6].

В декабре 1821 г. Голицын пишет письмо попечителю Казанского учебного округа: «При отношении моем от 25 мая сего года препровождена к Вашему Превосходительству просьба Астраханского Юртового Старшего Мухтасипа Ниязова, о дозволении ему завести в Астрахани училище для обучения татар русскому языку. По полученному ныне из Астрахани частному сведению, некоторые татары, узнав о таковой просьбе, представили чрез поверенных начальству, что они не желают иметь российского училища и Ниязова своим духовным начальником. Ниязов со своей стороны представил астраханскому губернскому правлению о их отзыве, как о пристрастном и не заслуживающем уважения; но опасается, что его представление не будет сильно защитить его и что не только его полезное намерение может быть без успеха; но он еще может лишиться своего духовного звания» [8]. Это переписка была продолжена и в июле 1822 г. Голицын писал попечителю Казанского учебного округа: «Из бывших сноше-

ний известно Вашему Превосходительству дело по просьбе астраханского юртового старшего Мухтасипа Ниязова, об учреждении в Астрахани училища взаимного обучения, для татарских детей. Господин астраханский гражданский губернатор между прочим представил мне, что предположение сие не может иметь успеха и потому уже, что в училище взаимного обучения должны быть употребляемы таблицы из Священного Писания, а татары, как магометане, никак не допустят детей своих, учиться по оным. По мнению господина губернатора можно ожидать более успеха от заведения в Астрахани обыкновенного училища Российского языка, для татарских детей» [8].

23 января 1838 года ординарный профессор Мирза Александр Казембек посылает рапорт, в котором говорится: «Народные училища и гимназии в Казани, Астрахани и других губернских городах, отчасти населенных мухаммеданами, не имеют до этих пор добровольно поступивших воспитанников из детей мусульманских... Желание познакомить их с этим и возбудить в них склонность к образованию себя, что всегда согласовалось с заботливыми попечениями Вашего Превосходительства, внушило мне мысль составить на Персидском и Татарском языках объявление, излагающее все это Мусульманам, живущим в Казанской, Астраханской и других губерниях, и вместе с тем приглашающие их детей к получению образования в Учебных заведениях этих губерний. Во время пребывания здесь Директора Астраханских Училищ Господина Рыбушкина, я сообщил ему это намерение и он со своей стороны находил его весьма полезным, особенно для Персиян, живущих в Астрахани. Основываясь на этом, я составил образец приглашения на Русском языке, которое при сем имею честь представить Вашему Превосходительству с тем, чтоб и спросить дозволения Вашего Превосходительства на публикацию его на Персидском и Татарском языках и распространение между Мусульманскими поданными России» [9].

Образец приглашения детей-мусульманских поданных к учению в народных училищах и гимназиях Казани и Астрахани: «Благодаря просвещению и неусыпной заботливости мудрого нашего правительства, все границы нашей обширной Империи, не говоря уже о внутренних областях её, избилуют учебными заведениями и всеми средствами, необходимыми для образования юношества всех племен и состояний. Но не смотря на все старания учебного начальства... многие из мусульманских поданных России не пробуждаются от суеверия и предрассудков, в которых они так долго погружены и не внимают голосу, зовущему их к знанию. Они не ведают, или забыли, что некогда мусульмане управляли браздами просвещения, что от них оно постепенно перешло в Европу... Если так, то, благодаря попечениям нашего правительства, для каждого желающего дорога к просвещению открыта. Народные училища и гимназии в г. Астрахани и Казани с распростертыми объятиями приглашают ваших детей; в этих заведениях в особенности в последних, каждый юноша может образовать свой ум и сердце и приготовить себя, как по части языков Восточных и Европейских, так и по части наук, блистательное поприще жизни. Строгий надзор в гимназии над нравственностью юношей уже известен многим из живущих в Астрахани и Казани мусульман; там преподавали и преподают Восточные языки достойные люди, избранные из среды вас. Пусть они будут беспристрастными свидетелями этой истины и поруками несомненности той пользы, приобщиться к которой мы приглашаем вас и ваших детей. Учебное начальство... не ограничивает своего предприятия ни каким суеверным предпочтением звания, сословия племени или вероисповедания. В его глазах ценится одно лишь достоинство умственное и нравственное. И поэтому оно не только предоставляет каждому находящемуся в его Заведениях сословию полную свободу при соблюдении всех правил и обрядов своей веры, но даже снабжает его всеми средствами к строгому их исполнению. Справедливость этого можно основать не только на свидетельстве многих мусульман, получивших образование в учебных заведениях внутри России и в самых столицах, но даже на одном мудром правиле веротерпимости, которая характеризует наши законы и которою Россия преимущественно отличается пред другими государствами». Министр народного просвещения Уваров одобрил данный проект приглашения детей мусульманских поданных к учению в училищах и гимназиях Казани и Астрахани [9].

В «Астраханских губернских ведомостях» от 4 июня 1838 года находится статья, посвященная народному образованию в Астраханской губернии, где в статье «Частные учебные заведения» говорится следующее: «В Астрахани устроено 8 медресе – татарских училищ. Они обыкновенно находятся при мечетях, в ведении Имамов и Мулл; устройство их и содержание считается делом Богоугодным. Полный объем татарского образования, в них получаемого, заключается в чтении, письме и знании татарского, персидского и арабского языков, в изучении Корана и толковании на него, схоластических познаниях в языковедении, философии, правоведении арабском и частью географии и общежитии по древним арабским авторам. В 8 медресе учащихся 125. Такие же медресе устроены и в татарских селениях, тоже в ведении духовных лиц. В них учащихся до 50 человек. Татар, обучающихся в медресе 175, это число, увеличенное по малой мере до 200 человек с учащимися вне школ; дает 1 учащегося на 50 человек всего

татарского народонаселения» [10]. При этом «мечетей магометанских считается ныне 30, из них: каменных – 2, деревянных – 28. Но большая часть из сих последних по ветхости и бедности не соответствуют своему назначению» [11].

В 1845 г. А.Павлов пишет о татарской школе в Астрахани: «Проводник мой ... предложил мне посетить их школу. Она учреждена близ мечети, возле дома тамады. При входе в неё увидел я на нарах, с поджатыми ногами сидящих до 80-ти мальчиков, с приятно наружностью и с усердием занимающихся чтением арабского языка. Наставником этого заведения был Мулла, которой ежедневно 3 часа по утру и 2 после обеда преподает взрослым слушателям краткие правила из Алкорана, малолетних обучает чтению и письму, а среднего возраста первым начаткам практической арифметики... Юноши и дети занимаются науками с отличными успехами. Одаренные от природы остротою, пылким воображением, они смело отвечают на все вопросы, скоро выучивают уроки наизусть и твердо сохраняют их в памяти; вежливо обращаются с посетителями и чужды предосудительных насмешек. Повиновение и уважение к старшим есть отличительная черта их характера. Они оказывают его во время учения, в домашней жизни и в различных отношениях с разновозрастными. Некоторые из них, по окончании учения поступают в Муллы, переводчики в их общественный суд и по частным торговым сношениям, а прочие занимаются различными занятиями,сообразными их роду жизни» [12].

Таким образом, в период правления Александра I управлением инородцев занимались различные ведомства. Например, сначала нерусским населением заведовало Министерство Внутренних Дел, затем было образовано особое министерство Главного управления духовных дел разных (иностранных) исповеданий, позже все религии были уравнены в рамках Министерства духовных дел и народного просвещения, и в итоге в 1824 году Главное управление духовных дел иностранных исповеданий было сохранено как подразделение Министерства народного просвещения. Деятельность правительства Александра I была безуспешна вследствие того, что не существовало единого целенаправленного плана русификации нерусского населения, а образовательная политика в отношении татар в данное время в основном заключалась в деятельности РБО, которое особых результатов в деле русификации не принесла. Необходимо было сначала накопить материал о численности народов в империи, об особенностях их вероисповедания, узнать обстановку в различных губерниях для создания основы успешного осуществления государственной политики. Также нужно было найти людей, знающих местные языки и способных проводить миссионерскую деятельность. Такая база не была подготовлена при Александре I. В период правления Николая I закрепились официальная идеология: «Православие. Самодержавие. Народность». Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий вошло в состав Министерства внутренних дел Российской империи. В это время произошло превращение духовенства различных исповеданий в государственных служащих. К тому же был запрещен въезд «заграничным» (да и своим) мусульманам, которые получили «духовное образование» за границей и собирались преподавать в российских мусульманских учебных заведениях. В итоге, на наш взгляд, при Николае была впервые обозначена граница между инородцами и русским населением и поставлена конкретная цель – обрусение нерусского населения в ближайшей перспективе. Что касается татарского образования в Астраханской губернии в первой половине XIX века, то оно было в основном духовным (либо при мечети, либо в доме муллы). Государство учитывало местный колорит и позволяло изучать татарский язык в мужской гимназии, в астраханской семинарии. Однако особых мероприятий правительство не проводило в отношении татар в Астраханской губернии в связи с тем, что эта губерния была слишком далеко расположена от Петербурга и считалась провинцией. Местное татарское население не поддерживало и не одобряло любое внешнее воздействие со стороны государства. Астраханские татары ревнительно относились к своей религии, поэтому их устраивало такое отношение к ним.

Библиография

1. Киржаева В.П. Просвещение нерусских народов Поволжья и Приуралья в первой половине XVIII–начале XIX вв. // Педагогика. 2005. № 1. С. 63–71.
2. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII–начало XX вв.): монография. М., 2004. 287 с.
3. Лукьянов С.А., Моруков Ю.Н., Перегудова З.И., Степанова Н.В., Штутман С.М. МВД Российской империи: 1802–1917 // МВД России: Люди, структура, деятельность. Т. 1. Ч. 1. М., 2011. 320 с.
4. Народное образование // Астраханские губернские ведомости. 1838. № 22. С. 54–55.
5. Российский государственный исторический архив. Ф.821. Оп.8. Д.806. л.7–8.

6. Тарабановская Е.А. Джадидизм и кадимизм на приграничной территории Российской империи: новые факты истории // Гуманитарные исследования. 2013. № 1(45). С. 118–125.
7. Штылько А.Н. Астраханская летопись: исторические известия, события, постановления правительственных и др. учреждений и факты из общественной жизни г. Астрахани с 1554 г. по 1896 г. включительно. Астрахань, 1897. 126 с.
8. Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф.92. Оп.1. Д.1278. л.8, 32.
9. НАРТ Ф.92. Оп.1. Д.4816. л.1–3.
10. О вероисповедании // Прибавление к Астраханским губернским ведомостям. 11.03.1839. № 10. С. 49.
11. Павлов А. О татарах, водворившихся в Астрахани. СПб., 1845. 15 с.
12. Тарабановская Е.А. Становление системы государственного управления образованием в России: XIX–начало XX в. (на примере национального образования в Астраханской губернии). Астрахань, 2009. 176 с.

РОЛЬ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ В 1942–1943 ГГ.

Мамсиров Х.Б., *Татаров А.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*traveller9090@mail.ru

В статье освещаются этапы создания и укрепления оборонительных сооружений на территории Кабардино-Балкарии, их эффективность в ключевых событиях битвы за Кавказ, вклад гражданского населения республики в укрепление обороноспособности частей Красной Армии.

Ключевые слова: Закавказский фронт, Терская оборонительная линия, мобилизация граждан, оборонительные сооружения, минные заграждения.

THE ROLE OF THE DEFENSES ON THE TERRITORY OF KABARDINO-BALKARIA IN THE BATTLE OF THE CAUCASUS IN 1942–1943

Mamsirov Kh.B., Tatarov A.A.

Kabardino-Balkarian State University

The article highlights stages of creation and strengthening of the defenses on the territory of Kabardino-Balkaria, their effectiveness in key events of the battle of the Caucasus, the contribution of local civilian population in the Red Army defense improvement.

Keywords: Transcaucasian Front, Terek defensive line, mobilization of citizens, defenses, minefields.

В год празднования 70-летия Великой Победы в связи с попытками США и Западной Европы на фоне украинского кризиса навязать России вторую «холодную войну» и осуществить ревизию итогов второй мировой войны усилился интерес к событиям 1939–1945 гг. В одном из своих заявлений Председатель Российского исторического общества и спикер Госдумы С. Нарышкин отметил, что когда события прошлого в угоду сиюминутным политическим интересам подвергаются вольной интерпретации и намеренным искажениям, угроза использования фальсификаций советского периода российской истории в политических целях и для изменения международного баланса сил приобретает реальные очертания. И такой подход в отношении истории второй мировой и Великой Отечественной войн недопустим [1].

В сохранении исторической памяти нашей страны важно глубокое знание важнейших сражений второй мировой войны, включая битву за Кавказ, в ходе которой Красная Армия преградила Германии доступ к крупным нефтеносным районам СССР, в том числе к самой продуктивной в мире на тот момент нефтяной промышленности Баку. Одной из составляющих успеха советских войск стали оборонительные сооружения, созданные усилиями гражданского населения, инженерных сил и войск Красной Армии. Но этот аспект еще недостаточно освещен в отечественной историографии. В частности. Исследователи Кабардино-Балкарии обращались к нему последний раз более 40 лет назад [2].

За истекший период произошли существенные методологические перемены, изменилась идеологическая парадигма, рассекречены и введены в научный оборот новые архивные документы, опубликованы военные мемуары участников событий, в том числе немецких военачальников.

В связи с указанными важными изменениями актуализируется проблема проведения дополнительных исследований для восполнения пробела и воссоздания объемного представления о роли оборонительных сооружений в битве за Кавказ.

Необходимо также воздать должное вкладу народов Кабардино-Балкарии, участвовавших совместно с бойцами и инженерами Красной Армии в укреплении обороны накануне и в период битвы за Кавказ.

Осенью 1941 г. командование Северо-Кавказского военного округа подготовило общий план строительства оборонительных рубежей. На территории Кабардино-Балкарии их возведение предусматривалось вдоль Терека и его притоков – Малки, Баксана, Урвани и т.д. – с прикрытием верховьев этих рек, а также вдоль железной дороги Прохладная – Нальчик и на подступах к столице республики [3].

В середине октября 1941 года на строительство защитных сооружений в Кабардино-Балкарии мобилизуются мужчины от 16 до 50 и женщины от 18 до 40 лет, 5 тысяч подвод, 50 автомашин и 120 трак-

торов. Земляные работы одновременно велись от станицы Солдатской до г. Прохладный, в Курпском, Терском, Прохладненском и Майском районах [4].

Однако намеченные строительные работы в срок завершить не удалось. Поэтому возведение защитных сооружений пришлось продолжать в зимних условиях. К концу января 1942 г. 28 тыс. жителей республики выполнили 1712000 куб. м. земляных работ [4].

В мае 1942 г. ввиду возрастания угрозы разрушения оборонительных сооружений от весенних вод в республике срочно организуются ремонтные и маскировочные работы [5].

8 августа 1942 г. с приближением противника к Кабардино-Балкарии начинается второй этап строительства оборонительных сооружений. По мнению С.И. Линца, это было обусловлено тем, что «осенью и зимой 1941 г. работы по возведению рубежа обороны так и не были завершены» [6].

Нальчикский Комитет Обороны вновь мобилизовал все взрослое население столицы республики от 16 до 60 лет на строительство в первую очередь защитных сооружений города, которое необходимо было завершить уже к 12 августа 1942 г. [4].

Начальником строительства Нальчикского обвода 14 августа 1942 г. был назначен заведующий отделом обкома партии Ж.Д. Хужоков. В течение 2,5 месяцев усилиями 5000 горожан и солдат 116-го отдельного инженерного и 1574-го отдельного саперного батальонов был создан противотанковый рубеж со сложной системой огневых точек [7].

Одновременно защитные сооружения возводились на других предполагаемых направлениях наступления противника. Штаб 37-й армии, проверив 26 августа 1942 г. состояние обороны в полосе своей ответственности, был обеспокоен тем, что инженерные работы не были произведены на должном уровне. Исключением была полоса 275-й стрелковой дивизии, где готовность окопов и ходов сообщений достигла 60 % [8].

В тот период командование Закавказского фронта предпринимало меры по скорейшему укреплению Терской оборонительной линии. Численность инженерных войск Закавказского фронта под руководством генерал-майора инженерных войск А.В. Бабина с 1 августа по 10 октября 1942 г. возросла в 6 раз [9].

В Кабардино-Балкарии в помощь армии и инженерам было мобилизовано оставшееся трудоспособное (мужчины от 14 до 60 лет, женщины от 16 до 55 лет) население Нальчикского, Баксанского, Урванского, Лескенского, Курпского, Хуламо-Безенгиевского и Черекского районов сроком на 20-25 дней. Строительство оборонительных рубежей в республике возглавил Председатель Совнаркома КБАССР Х.К. Ахохов, а на местах – первые секретари райкомов и председатели райисполкомов [4].

29 сентября 1942 г. при подведении предварительных итогов укрепления обороны столицы республики было отмечено, что «проведенные работы ... не обеспечивают прочной обороны на подступах и внутри города» (Нальчика – А.Т.) [5].

Издержки были обусловлены целым рядом причин. Второй этап строительства оборонительных сооружений в республике проходил под воздействием ряда негативных факторов. Непрерывные боевые действия с августа 1942 г. затруднили распределение гражданских трудовых ресурсов и инженерных сил Красной Армии.

Возникли проблемы в снабжении рабочих питанием. Острее, нежели на первом этапе, ощущалась нехватка трудовых ресурсов в республике. До начала войны численность населения Кабардино-Балкарии в возрасте от 15 до 60 лет составляла около 190 тыс. чел., в том числе 95 тыс. мужчин [10]. На фронт к 1944 г. было отправлено 54422 чел. Большая часть из них была призвана в 1941–1942 гг. [11].

Таким образом, строительство оборонительных сооружений в республике в августе-октябре 1942 г. велось менее трудоспособной частью населения. Одна из оккупационных газет Ставрополя «Кавказский вестник» отмечала, что в Нальчике на момент его захвата не было «улицы, которая не пересекалась бы глубокими рвами, над которыми трудились сотни женщин, стариков и детей» [12].

В конце лета и осенью 1942 г. стремительное приближение врага потребовало срочно завершить уборку урожая, эвакуацию людей и ресурсов с территории республики, что препятствовало сплошной мобилизации населения на возведение защитных сооружений.

На строительство оборонительных рубежей в Кабардино-Балкарии было привлечено 42185 чел. [4]. С вычетом 28 тыс. чел., задействованных на первом этапе, можно предположить, что на втором этапе участвовало около 14 тыс. жителей республики, что было явно недостаточно.

Кроме того, с приближением противника к Кавказскому хребту Закавказский фронт оказался «в известной степени изолированным» [13]. С августа 1942 г. резко снизились поставки необходимых ресурсов на еще не оккупированные территории. В этих условиях существенно возросла роль местных предприятий и источников сырья.

В августе 1942 г. предприятия республики полностью переключились на производство военной продукции. Начальник политотдела 37-й армии Д.М. Осадчий отмечал, что по инициативе отдела химзащиты и обкома комсомола Кабардино-Балкарии за 2 дня было собрано более 15 тыс. бутылок с пробками. В Нальчике изготавливали горючие жидкости из местных материалов (бертолетова соль, сера, сахарная пудра и т.д.), корпуса противотанковых и противопехотных мин [4].

Предприятия Нальчика к 11 октября 1942 г. поставили 37-й армии 570, а к 25 октября – 800 железобетонных колпаков для укрепления ручных и станковых пулеметов. Несмотря на нехватку укрытий для личного состава, все артиллерийские позиции в инженерном отношении были оборудованы удовлетворительно [14].

К концу октября 1942 г. в полосе обороны 37-й армии установили 16300 противотанковых и 26250 противопехотных мин, более 325 противотанковых фугасов и 300 танковых качалок с бутылками горючей смеси. Все мосты были заминированы или подготовлены к поджогу, основные дороги перекопаны. Оборонительные рубежи прикрыты противотанковыми и противопехотными минными полями и проволочными заграждениями длиной около 20 пог. км [14].

Прорвавшись на Кавказ в конце июля 1942 г., немецко-фашистские войска стремительно подошли к Тереку. Весь Краснодарский край был пройден за 5–6 дней с севера на юг до предгорий Северного Кавказа [6]. В середине августа противник вторгся в Кабардино-Балкарию. Но его наступление на подступах к Терской оборонительной линии заметно замедлилось, а затем было остановлено Красной Армией, успешно использовавшей особенности предгорий Кавказа.

Генерал-майор вермахта Г. Дерр отмечал в своих мемуарах, что с приближением немецко-фашистских войск к предгорьям Кавказа «каждый шаг вперед проходил в борьбе не только с противником, но и с природой» [15]. Командование Закавказским фронтом, в свою очередь, умело использовало выгодный рельеф местности для укрепления обороны. Главным ее оплотом являлась река Терек, которая, по словам немецкого историка П. Кареля, «оказалась весьма трудной для преодоления и хорошо укрепленной водной преградой» [16].

В этот период в Кабардино-Балкарии Красная Армия вела оборонительные бои, успешно используя особенности рельефа местности. На рубеже августа-сентября 1942 г. в районе с. Кызбырун I Баксанского района 2-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Ф.В. Захарова (в составе 37-й армии – Х.М., А.Т.) сорвала многократные попытки 2-й румынской горнострелковой дивизии генерал-майора И. Думитрачу занять стратегическую высоту «910». Взятие высоты открыло бы немецко-фашистским частям прямую дорогу на Нальчику и в Баксанское ущелье.

26 августа 1942 г. противник с большими потерями овладел северо-западными склонами высоты «910», но 2 сентября румыны были выбиты с занятых позиций. 7 сентября 1942 г. 395-й полк 2-й гвардейской дивизии переломил ситуацию и полностью очистил от противника соседние Заюковские «природные крепости»: высоту 877 и гору Хара-Хора [17].

Согласно румынским источникам, И. Думитрачу спешно отступил в связи с неудачей немецких частей в районе сел. Заюково и угрозой удара 395 полка 2-й гвардейской дивизии советских войск в тыл его дивизии [18]. Всего за время боев за высоту «910» дивизия И. Думитрачу потеряла, по свидетельству Ф.В. Захарова, около 3500 солдат и офицеров [19].

Гвардейцы Ф.В. Захарова, сковав в начале сентября 1942 г. у высоты «910» значительные силы противника, позволили инженерным силам дивизии продолжить строительство и укрепление тыловых оборонительных сооружений [8].

37-я армия П.М. Козлова с середины августа 1942 г. до конца октября 1942 г. успешно обороняла речные рубежи Кабардино-Балкарии протяженностью более 120 км. Истощенная в предыдущих боях, она противостояла частям 23-й и 13-й немецких танковых дивизий и 2-й румынской горнострелковой дивизии (входивших в 3-й танковый корпус – А.Т.) с танковой мощью в 50-60 единиц [20].

По свидетельству командующего 3-м танковым корпусом генерал-лейтенанта Э. фон Макензена с середины августа по конец сентября 1942 г. в боях за притоки Терека – Баксан, Малка, Урвань и Черек – немецкие и румынские части потеряли более 1100 чел. убитыми, 4400 ранеными, 200 пропавшими без вести [21].

25 октября 1942 г. немецко-фашистские войска начали мощное наступление на нальчикском направлении с прицелом на г. Орджоникидзе. Как отмечалось выше, 37-я армия, используя свои возможности и местные ресурсы, провела значительную работу по укреплению обороны в полосе своей ответственности. Однако маршал Советского Союза А.А. Гречко в своих мемуарах не оценил эти усилия: «Минных противотанковых заграждений в полосе обороны (37-й армии – Х.М., А.Т.) не было создано» [22].

Ряд современных авторов поддерживают его позицию. Например, В.В. Бешанов отмечает, что оборона 37-й армии к концу октября 1942 г. «в инженерном отношении была оборудована слабо, минных заграждений не создано» [23].

Столь категоричная оценка искажает реальный ход Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительной операции. Позицию министра обороны СССР А.А. Гречко понять можно, так как он пытался объяснить причины отступления частей 37-й армии в конце августа 1942 г., не вдаваясь в особенности ее оборонительных сооружений. Современным же исследователям, располагающим широким кругом источников, в том числе, мемуарами немецких ветеранов, такие выводы непростительны.

В. Тике, офицер 5-й танковой дивизии СС «Викинг», действовавшей совместно с 13-й танковой дивизией в начальный период Нальчикско-Орджоникидзевской операции, в своих мемуарах опровергает вышеприведенные утверждения: «Атаку по еще проходимой для танков местности замедляли *минные поля и противотанковые заграждения* (выделено нами – Х.М., А.Т.). Только после того, как дорогу расчистили налеты пикирующих бомбардировщиков, после полудня началось продвижение, и вскоре боевая группа подошла к Нижнему Черему (Урванский район – Х.М., А.Т.)» [24]. Эти данные подтверждают мемуары генерал-лейтенанта Э. фон Макензена [21].

Безусловно, сооружения Терской оборонительной линии имели свои недостатки, к числу которых относилась нехватка тяжелых орудий. Личный представитель президента США Ф. Рузвельта в СССР Патрик Херли, посетив г. Орджоникидзе в декабре 1942 г., отметил, что «оборонительные сооружения не были порядком укреплены тяжелыми орудиями» [25].

Как отмечает А.А. Гречко, к концу октября 1942 г. потенциал артиллерии войск Закавказского фронта в целом превосходил вражеский [22]. Однако он был распределен нерационально. У 37-й армии, сдерживавшей ударную силу немецко-фашистских войск, тяжелых орудий явно не хватало. На 6-километровом участке нальчикского направления войска противника превосходили силы 37-й армии в артиллерии в 11 раз и в минометах в 10 раз [26].

Непосредственно на Нальчик немецко-фашистское командование бросило 70 бомбардировщиков, 270 танков. Это в 20 раз больше, чем было у сил обороны. Но вражеские войска встретили ожесточенное сопротивление защитников города, включавших всех, кто мог держать оружие в руках [27].

25 октября 1942 г. части 37-й армии оказались в критическом положении. Не имея резервов, они тем не менее ежедневно наносили противнику ощутимый урон. Так, только 26 октября 1942 г. было уничтожено около 400 солдат и офицеров, 58 танков и 10 бронемашин противника. Всего же в боях за Нальчик 26–28 октября 1942 г. немецко-румынские части потеряли более 2000 чел. [26, 28].

5 дней оборонительных боев на территории Кабардино-Балкарии в конце октября 1942 г. стали решающими и сыграли роль, аналогичную роли Смоленского сражения в 1941 г., сковавшего на время значительные силы противника при наступлении на Москву. В данном случае, командованию Закавказским фронтом удалось в указанный период перегруппировать свои силы и в последующем остановить противника на подступах к Орджоникидзе.

Захват немецко-фашистскими войсками Кабардино-Балкарии стал своеобразной ценой общего успеха Нальчикско-Орджоникидзевской операции, обильно политой кровью бойцов 37-й армии и населения республики. За неделю боев, с 25 октября по начало ноября 1942 г. личный состав армии сократился с 35–40 тыс. чел. до 5,5 тыс. чел. [26, 11]. В ходе обороны Кабардино-Балкарии и вражеской оккупации погибли свыше 2000 мирных жителей [4].

Накануне битвы за Кавказ и параллельно кровопролитным боям в период с августа по октябрь 1942 г. гражданское население Кабардино-Балкарии в тесном сотрудничестве с инженерами и бойцами Красной Армии возводило защитные рубежи. Недостатки последних компенсировались использованием особенностей предгорных рек и рельефа местности.

Система укреплений Терской оборонительной линии сыграла выдающуюся роль в битве за Кавказ, став для танковых частей противника, стремительно преодолевших аналогичные сооружения в Краснодарском и Ставропольском краях, непреодолимой преградой на пути к важнейшим нефтеносным районам страны – Грозному и Баку.

В ходе оборонительных сражений на речных рубежах Кабардино-Балкарии в августе-октябре 1942 г. победное шествие немецко-фашистской армады дало сбой. Героизм защитников Кабардино-Балкарии, воинов 37-й армии и гражданского населения, проявленный в оборонительных боях в конце октября 1942 г., сыграл важную роль в общем успехе Закавказского фронта в Нальчикско-Орджоникидзевской операции.

Уникальный след в истории битвы за Кавказ оставила 2-й гвардейская дивизия Ф.В. Захарова. За беспримерный героизм в Смоленском сражении 127-я стрелковая дивизия 18 сентября 1941 г. получила почетное звание 2-й гвардейской, став одной из первых в годы войны, удостоившихся подобной чести. [29]. Спустя год, дивизия в составе 37-й армии повторила свой подвиг при обороне Кабардино-Балкарии, в 1943 году – при освобождении Таманского полуострова.

Попытки некоторых зарубежных стран пересмотреть итоги второй мировой войны и принизить вклад СССР и его народов в победу над фашизмом вызывают неприятие в российском обществе. Искажение истории, считает руководство России, не меняет картины прошлого [30]. Напротив, история все расставляет по своим местам.

В 1985 г. вклад жителей Кабардино-Балкарии в оборону Кавказа получил заслуженную историческую оценку: Нальчик был награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени. А в 2010 г. столица республики получила почетное звание «Город воинской славы», которое присваивается городам, в которых «в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм» [31].

Благодарный Нальчик увековечил память своих защитников и освободителей названиями своих лучших улиц: им 2-й Таманской дивизии, П.М. Козлова, Ф.В. Захарова.

Библиография

1. Нарышкин: история Великой Отечественной войны искажается для изменения баланса сил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1196971/> (дата обращения: 10.02.15).
2. Хакушев Е.Т. Участие трудящихся Кабардино-Балкарии в строительстве оборонительных рубежей // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. 1972. Вып. 6. С. 32–40.
3. Лики войны: сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / отв. ред. А.Х. Каров. Нальчик: Эльбрус, 1996. 504 с.
4. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / отв. ред. М.Х. Шекихачев. Нальчик: Эльбрус, 1975. 798 с.
5. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3.
6. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития, июль 1942 – октябрь 1943 г.: дисс. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003. 657 с.
7. Хакушев Е.Т. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1978. 318 с.
8. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 2-й Гвардейской дивизии. Оп.1. Д. 13а.
9. Цирлин А.Д., Бирюков П.И., Истомина В.П., Федосеев Е.Н. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М.: Воениздат, 1970. 424 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др. М.: Наука, 1992. 254 с.
11. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук.. Ставрополь, 2004. 236 с.
12. Кавказский вестник. № 90. 17 декабря 1942 г.
13. Тюленев И. В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972. 240 с.
14. Баданин Б.В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1962. 152 с.
15. Дёрр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. 140 с.
16. Карель П. Дорога в никуда: Вермахт и Восточный фронт в 1942 г. Смоленск: Русич, 2003. 528 с.
17. ЦАМО. Ф. 2-й Гвардейской дивизии. Оп. 1. Д. 19.
18. WorldWar2.ro. Romanian Armed Forces in the Second World War. The 3rd Army in the Caucasus – 1942 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldwar2.ro/arr/?article=11> (дата обращения: 19.02.15).
19. Захаров Ф., Романов И. Плечом к плечу. Повесть-хроника. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд., 1962. 195 с.
20. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля–31 декабря 1942 года. М.: Вече, 2010. 192 с.
21. Гейер Г., Макензен фон Э. От Буга до Кавказа. М.: АСТ, 2004. 496 с.
22. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.

23. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Минск: Харвест, 2003. 624 с.
24. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/tike_vilgelm/marsh_na_kavkaz_bitva_za_neft_1942_1943_gg.html#0 (дата обращения: 11.02.15).
25. Lohbeck D., Patrick J. Chicago: Henry Regnery Company, 1956. 513 p.
26. Хакушешев Е.Т. В боях за Кабардино-Балкарию. Нальчик: Эльбрус, 1971. 137 с.
27. Репортажи о городах-героях и городах воинской славы. Нальчик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/sport/277773> (дата обращения: 12.02.15).
28. Давыдов И.В. Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик: Каб.-Балк. книжное издательство, 1961. 171 с.
29. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. № 5. М., 1947. 48 с.
30. Без срока давности. В. Путин осудил попытки исказить историю // Российская газета. № 6586. 28 января 2015.
31. Федеральный закон Российской Федерации от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы» // Российская газета. № 4063. 11 мая 2006 г.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 1942–1943 ГГ.

Татаров А.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

traveller9090@mail.ru

В статье на основе архивных документов рассматривается система реквизиций, налогов и сборов в условиях немецко-фашистского оккупационного режима в Кабардино-Балкарии. По мнению автора, в условиях «нового порядка» налоговая политика была сопряжена со значительными издержками и деструктивно отразилась на условиях жизни местного населения.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, налоговая политика, немецко-фашистская оккупация, реквизиции, единовременный налог, сборы.

FISCAL POLICY OF NAZI OCCUPIERS IN KABARDINO-BALKARIA IN 1942–1943.

Tatarov A.A.

Kabardino-Balkarian State University

On the basis of archival documents the article considers a system of requisitions, taxes and fees under the Nazi occupation regime in Kabardino-Balkaria. According to the author, during «new order» Tax policy has been associated with considerable costs and destructive impact on the living conditions of the local population.

Keywords: Kabardino-Balkaria, fiscal policy, Nazi occupation, requisitions, lump sum tax, fees.

Углубленное изучение налоговой политики немецко-фашистского оккупационного режима на Северном Кавказе является актуальной научной проблемой, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, для более полного понимания оккупационного режима в регионе требуется знание структуры и конкретного содержания местной налоговой политики, а не только лишь ее грабительского характера. Во-вторых, представляется необходимым сравнение обещания оккупантов о создании лучшей в сравнении с прежней налоговой системы и практической реализации налоговой политики.

В период немецко-фашистской оккупации Северного Кавказа «новый порядок» подвергал критике социальную сферу прежнего режима власти, в том числе его систему налогообложения. Налоговый вопрос превратился в предмет политической спекуляции. На страницах местных оккупационных газет демонстрировалось стремление новой власти к упрощению и либерализации налоговой политики [1]. Выясним, что из этого получилось на примере Кабардино-Балкарии.

В течение 6 месяцев, с августа 1942 г. по январь 1943 г., районы Кабардино-Балкарии находились под немецко-фашистской оккупацией. Политический курс «нового порядка» предполагал синтез прежней общественно-экономической практики и реалий военного времени, в основе которых лежала обязанность населения обеспечивать оккупационные войска продуктами питания и предметами быта.

К декабрю 1942 г., согласно данным НКВД Кабардино-Балкарии, в местных селениях численность фашистских гарнизонов доходила до 200–250 чел. В Нальчике, где с ноября 1942 г. располагался штаб 1-й танковой армии, располагалось около 13000 немцев и румын, т.е. 1/4 населения столицы Кабардино-Балкарии до оккупации [2].

Как и на других советских территориях, в Кабардино-Балкарии содержание оккупационных войск осуществлялось за счет населения. При этом принципы «щадящей» оккупационной политики на Северном Кавказе, разработанные теоретиками Третьего рейха в 1941–1942 гг., и даже одобренные 8 сентября 1942 г. специальной директивой А. Гитлера [3], оказались заранее непригодны для реализации.

Если в теории новые власти должны были проводить на Северном Кавказе гибкую и осторожную политику, а немецкие и румынские части – воздержаться от объемных реквизиций и мародерства, то на практике развитие событий вызвало опасения некоторых немецких военачальников и экспертов.

В сентябре 1942 г. Э. Вагнер, генерал-квартирмейстер немецкого Генштаба, отмечал, что в оккупированных горских областях «грабежи... продолжают, несмотря на строгие меры». В этом же месяце

о бесчинствах оккупационных войск в нескольких селениях на Тереке и его притоках сообщал М.-Д. фон Штакельберг [3, 4].

Военная администрация Кабардино-Балкарии была вынуждена предпринять ряд мер. В частности, 21 сентября 1942 г. ортскомендант Баксана майор Винклер распорядился, чтобы немецкие и румынские солдаты осуществляли реквизиции продовольствия лишь после предоставления старостам специального документа с подписью «Paesler» [5].

Попытки снизить «аппетиты» войсковых гарнизонов предпринимались и в районах Кабардино-Балкарии с преимущественно русскоязычным населением. Согласно разведанным партизан, в начале октября 1942 г. в хуторе Александровском (Майский район – А.Т.) оккупанты, «успокаивая население своей добродушностью к нему» и стремясь привлечь его на свою сторону, забирали не более 5 % от собранного колхозниками урожая [2].

Однако эти меры и тактические приемы не изменили общей картины. Уже после освобождения республики в актах об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими войсками и структурами гражданам Кабардино-Балкарии, наглядно проявились все негативные последствия реквизиционной практики «нового порядка».

Кроме обязательных поставок, на Северном Кавказе широко практиковались сборы подарков для немецкой армии, являвшиеся, по словам С.И. Линца, реквизициями, «узаконенными» оккупационными властями [1]. Такие мероприятия были приурочены к праздникам и «новым» торжествам – мусульманские праздники, отмена колхозов и т.д.

Так, в декабре 1942 г. при подготовке к мусульманскому празднику Курман-Байрам шеф Нальчикского района отмечал в своем предписании, что сбор подарков для «немецких гостей» должен проходить в «исключительно добровольном порядке», но «на сознании...духа обязательного исполнения» (выделено нами – А.Т.) [6].

Кроме реквизиций, население Кабардино-Балкарии подвергалось налогообложению со стороны гражданской администрации, исполнявшей роль вспомогательной сети органов управления. Еще накануне нападения на СССР один из теоретиков Третьего рейха А. Розенберг отмечал: «Первой задачей гражданского управления в оккупированных восточных областях является *удовлетворение интересов империи*» (выделено нами – А.Т.) [7].

Главные представители местной администрации, бургомистры и районные шефы с первых же дней своей деятельности обязывались осуществлять сбор так называемого «единовременного поголовного налога». Последний рассматривался местными комендатурами как приоритетная, но временная форма взимания платежей. 27 ноября 1942 г. в распоряжении № 3 ортскомендатура г. Нальчика обозначила, что единовременный налог актуален до принятия нового налогового порядка [6].

Данный налог отчасти был уже знаком жителям Кабардино-Балкарии. Еще в 1932 г. в СССР был введен единовременный налог на единоличные хозяйства с минимальной ставкой 15–20 рублей. Целью акции являлось стимулирование единоличников к выполнению обязательств перед государством по денежным платежам и заготовкам – те, кто делал это в срок, освобождался от налога полностью или частично [8].

Для немецко-фашистских оккупантов подушный однократный сбор являлся способом не только пополнить значительные денежные средства в краткие сроки, но и создать в каждом районе бюджет, необходимый для выплат окладов служащим гражданской администрации. Бургомистры и районные шефы должны были без промедлений выявить платежные способности населения от 18 лет, а жители – сдать «однократную дань» в местные комендатуры. Последние обещали возратить 60% от полученных средств «для удовлетворения нужд населения». Для состоятельных граждан единовременный налог не мог быть ниже 10 рублей [9]. Эта официальная цифра, разумеется, являлась условной. На практике население подвергалось беспощадному грабежу. На «помощь» представителям администрации нередко приходили другие «сборщики» налогов – немецкие и румынские солдаты.

Из-за систематической неуплаты единовременного налога в оккупированных районах была введена ежедневная пеня. К примеру, в Баксанском районе она составляла 5 % от размера налога. Гражданам, не уплатившим пеню и налог с 1 по 10 января 1943 г, грозила продажа имущества с торгов [5]. Однако эти пункты не вступили в силу в связи с отступлением немецко-фашистских войск из республики в этот же период.

«Новый порядок», осуществляя аграрные преобразования, расширял объем и спектр налоговых сборов. В частности, в период ликвидации колхозов в Нальчикском районе был установлен гарцевый сбор на мельницах в размере 20 % [6]. Для граждан, оформляющих свои частные землевладения после отмены колхозов, лейтенантом Гроссманом, сельскохозяйственным комендантом Кабардино-Балкарии, в декабре 1942 г. был установлен сбор за землемерные работы в размере 50 рублей [9].

Одним из основных пунктов фашистской оккупационной политики на Северном Кавказе стало восстановление рыночных отношений. Поощряя развитие торговли на городских и сельских рынках, «новый порядок» не забывал облагать ее участников налогами. В начале оккупации использовался советский опыт взимания ежедневных сборов на колхозных рынках, причем налогообложение продавцов товаров в августе 1942 г. осуществлялось по заниженным ставкам. Но с приближением зимы в связи с вероятностью скорого отступления из Кавказа тактика оккупантов в этом направлении заметно ужесточилась и стала носить откровенно грабительский характер.

1 декабря 1942 г. в Нальчике был введен 2-процентный сбор за продукты и товары, продаваемые на городском базаре. А 28 декабря 1942 г. бургомистр города издал приказ № 13, установивший разовые сборы по новой ставке (табл. 1).

Таблица 1

Налогообложение рыночных продавцов до и в период оккупации Кабардино-Балкарии

Вид торговли	Сумма ежедневного сбора до оккупации на середину апреля 1942 г. в рублях (общий тариф по СССР)	Сумма ежедневного сбора на середину августа 1942 г. в рублях	Сумма разового сбора на конец декабря 1942 г. в рублях
С автомашины	10	5	50
С воза	5	3	50
С лотков и столов	1–2	1	10
С рук	1–2	1	5
Продажа крупного рогатого скота (за голову)	3–5	3	50
Продажа мелкого скота (за голову)	1.5–2.5	2	20

Составлено нами по: Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – 1956). М., 1956. С. 343. ЦГА КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 6. Л. 7, 17.

В приказе № 7 от 15 декабря 1942 г. бургомистр г. Нальчика запретил продажу всех видов скота на городском рынке без его предварительного осмотра и разрешения городской ветеринарной лечебницы. В противном случае владельцам скота грозил штраф в размере 5000 рублей [9]. Тем самым ветеринарные пункты, работавшие на платной основе, становились еще одним каналом налогообложения рыночных продавцов.

Практика взимания денежных платежей за государственные услуги нашла свое отражение и в период немецко-фашистской оккупации. В октябре 1942 г. ортскомендант сел. Малка приказал местной администрации осуществлять сборы за различные услуги населению [5]. Перечень оплачиваемых услуг в дальнейшем действовал без изменений в других оккупированных районах (табл. 2).

Таблица 2

Взимание сборов за услуги населению

Наименование услуги	Сумма сбора в рублях
Засвидетельствование копии	5
Списывание копии за страницу	4
Составление актов и договоров	25
Удостоверение полномочий, духовного совещания и прочее	25
Разные письменные работы, за страницу	4
Составление и удостоверение переводов, за страницу	10
Составление прошений	25
Бракоразводные дела	1000
Разбор спорных вопросов	50
За прописку	1
Свидетельство на право выезда	2
Составление актов на рождение и смерть	бесплатно
Составление актов о бракосочетании	50
Составление дополнительных актов	10
Остальные свидетельства	10

Составлено нами по: ЦГА КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 8. Л. 37.

В условиях оккупации Кабардино-Балкарии удовлетворение экономических интересов Германии и обещание «нового порядка» о проведении «мягкой» политики в социальной сфере изначально были несовместимы. При проведении налоговой политики местная гражданская администрация учитывала советский опыт. Несмотря на то, что в целях пропаганды оккупационные органы изначально стремились придерживаться принципа «щадящей» политики на Северном Кавказе, сложившаяся система реквизиций, налогов и сборов носила грабительский характер и не предоставила населению Кабардино-Балкарии приемлемой социальной альтернативы.

Библиография

1. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития. Июль 1942 – октябрь 1943 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003. 657 с.
2. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7.
3. Zeidler M. Das «Kaukasische Experiment» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2005. Heft 3. S. 475–500.
4. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы: историко-документальный сборник / сост. К.М. Александров. СПб.: Скрипториум, 2011. 608 с.
5. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР). Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 8.
6. ЦГА КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 2775.
8. Толкушин А.В. История налогов в России. М.: Юрист, 2001. 432 с.
9. ЦГА КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 6.

УДК 930.2(470.6)

БАЛКАРОВЕДЕНИЕ – ОДНО ИЗ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*Муратова Е.Г., Кучукова З.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*lena_gm@mail.ru

Статья содержит историографический обзор исследований историков Кабардино-Балкарского государственного университета по одному из приоритетных направлений – по истории Балкарии и балкарцев за последние 80 лет. Полученные результаты являются необходимым элементом для формирования историографической базы дальнейших исследований в области балкароведения и оценки одного из основных направлений научно-исследовательской работы историков Кабардино-Балкарского университета.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарский государственный университет, Балкария, балкарцы, историография, история Балкарии.

HISTORY OF BALKARIA – ONE OF AREAS OF HISTORICAL RESEARCH IN THE KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY

Muratova E.G., Kuchukova Z.A.

Kabardino-Balkarian State University

The article presents a study review one of the priority areas of research of historians of Kabardino-Balkar State University. All the evidence of research of the university scientists on the history of Balkaria over the past 80 years is systematized and analyzed. The research results are indispensable for the forming historiographical base for the further research in the field of the history of Balkaria as well as evaluation of one of the main directions of research work of historians of Kabardino-Balkarian State University.

Keywords: Kabardino-Balkarian State University, Balkaria, balkarians, historiography, history of Balkaria.

2014 год можно считать юбилейным для исторического образования Кабардино-Балкарии, которому исполнилось 80 лет. В 1934 г. при Кабардино-Балкарском педагогическом пединституте был открыт учительский институт с двухгодичным сроком обучения и одновременно был основан исторический факультет. В 1934 г. начала свою работу кафедра истории, объединившая преподавателей отечественной и всеобщей истории. Здесь начинается подготовка квалифицированных кадров историков-педагогов и формируется центр исторической науки Кабардино-Балкарии, где ведется разработка основных проблем истории региона.

Традиционными направлениями НИР профессорско-преподавательского состава исторических кафедр является разработка отдельных проблем истории Кабардино-Балкарии. Остановимся в данной статье лишь на одном из них – изучении истории балкарского народа.

В марте 1941 г. по распоряжению Управления кадров Наркомпроса РСФСР на должность заведующего кафедрой был назначен доктор исторических наук, профессор, известный кавказовед Г.А. Кокиев. Благодаря его исследованиям впервые были раскрыты основополагающие вопросы социальной истории балкарцев и их взаимоотношений с соседними народами, введены в научный оборот отдельные документы Посольского приказа [1]. В подготовленном Г.А. Кокиевым еще в 1947 г. сборнике «Крестьянская реформа в Кабарде» [2] содержатся в том числе и документы по истории освобождения зависимых сословий в Балкарии. Так было положено начало археографии в области собственно балкароведения.

В результате сталинской депортации балкарского народа исследовательская работа по всем проблемам его истории была насильственно прервана в период с 1944 до конца 1950-х гг. И только после восстановления автономии балкарского народа началось всестороннее изучение его истории.

В 60-х гг. XX в. появились первые обобщающие работы, которые, несмотря на очерковый характер, определили основной контур, хронологические этапы и наиболее разработанные к этому времени сюжеты истории Балкарии. Среди них: «Очерки истории балкарского народа»; «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней» [3]. Таким образом, история Балкарии получила не только относительно целостное оформление, но и была интегрирована в историю Северного Кав-

каза и России. Эта тенденция получила свое продолжение в двухтомном академическом издании по истории народов Северного Кавказа и учебном пособии по истории Кабардино-Балкарии [4]. Инициатором, руководителем и одним из авторов всех этих коллективных трудов являлся Т.Х. Кумыков, который с 1966 г. по 2000 г. был заведующим кафедрой истории России и вел большую организационную и редакторскую работу.

В 1960-е гг. исследования Т.Х. Кумыкова явились наиболее полными работами по истории Балкарии XIX века [5]. Он изучил расселение, социальную структуру, экономическое и культурное развитие балкарцев в указанный период. В его трудах нашли последовательное описание земельная, крестьянская и судебная реформы, осуществленные российской властью в Кабарде и Балкарии. По сравнению с Кабардой исследователь отметил «смягченный характер» феодализма в Балкарии, подчеркивая, что общественные отношения не достигли там уровня крепостничества.

Т.Х.Кумыков одним из первых осветил вопросы административного управления и судебных учреждений в Балкарии конца XVIII–XIX вв. В оценке буржуазных реформ исследователь исходил из того, что осуществление преобразований второй половины XIX века в горских обществах явилось не столько результатом их внутреннего социально-экономического развития, сколько было продиктовано политическими целями царизма на Кавказе. В целом Т.Х. Кумыков рассматривал социально-экономическое развитие горцев в пореформенный период как эволюционный процесс формирования капиталистических отношений, правда, осложненный множеством пережитков патриархально-родового быта.

Многочисленные работы Т.Х. Кумыкова по истории общественно-политической мысли содержат специальные сюжеты, посвященные выдающимся балкарским деятелям XIX–началаXX в. Среди них – Султан-Бек Абаев, Измаил, Сафар-Али и Науруз Урусбиевы, Мисост Абаев и Басият Шаханов [6]. Ученый реконструировал важнейшие факты их биографии и общественной деятельности, а также представил глубокий анализ исторических и социально-политических взглядов первых балкарских просветителей. Таким образом, вклад Т.Х. Кумыкова в разработку истории Балкарии условно можно свести к трем магистральным направлениям: 1) создание обобщающих трудов, 2) глубокая теоретическая разработка узловых проблем истории Балкарии XIX в., 3) исследование жизни и общественной деятельности балкарских просветителей XIX–начала XX в.

С 1965 по 1992 год на кафедре истории России работал К.Г. Азаматов, который продолжил исследования в области балкароведения. Его научные интересы сосредотачивались в основном на изучении социально-экономического положения и обычного права балкарцев в первой половине XIX в. Этой проблематике была посвящена кандидатская диссертация К.Г. Азаматова и вышедшая вслед за ее успешной защитой монография [7]. Это была первая обобщающая работа, в которой автор рассмотрел основные черты хозяйственного и общественного строя балкарцев в первой половине XIX в., особенности развития феодализма в Балкарии, вопросы землевладения и землепользования балкарцев, их сословную структуру. Специальные разделы монографии посвящены системе наказаний в обычном праве балкарцев и их семейному праву. К.Г. Азаматов дал краткую характеристику большой и малой семьи, рассмотрел условия и формы заключения брака, традиции воспитания детей и имущественные права отдельных членов семьи.

Другое направление научных поисков К.Г. Азаматова составила проблема русско-балкарских отношений в XVII–XVIII вв. [8]. Он стремился проследить истоки политических связей Балкарии и России, высказал интересную гипотезу о дипломатической миссии одного из представителей балкарской владельческой фамилии Айдабулы Артугая к русскому царю Алексею Михайловичу в середине XVII в. В ряде статей он последовательно прослеживает процесс развития русско-балкарских отношений, приведших в начале XIX века к своему логическому концу – окончательному вхождению Балкарии в состав России. К.Г. Азаматов вполне определенно оценивает присягу балкарских таубиев Эмануэлю в 1827 г. как акт присоединения Балкарии к России.

Еще одно важное направление научно-исследовательской и просветительской работы К.Г. Азаматова – переиздание и комментирование труда Мисоста Абаева «Балкария» [9]. Этот один из важнейших источников по истории народа первого балкарского историка стал ко времени его переиздания – библиографической редкостью. Во вступительной статье, которая имеет самостоятельное научное значение, К.Г. Азаматов и его соавтор дали историографическую оценку этому труду и проанализировали общественно-политические взгляды выдающегося деятеля балкарского народа. Таким образом, К.Г. Азаматов оставил заметный след в исследовании основных актуальных направлений истории и этнографии балкарцев.

В 1970–80-е гг. история традиционной культуры балкарцев находилась в фокусе исследовательских интересов этнографов Кабардино-Балкарского университета. В работах Г.Х. Мамбетова на солидном эмпирическом материале раскрыты социально-экономические основы традиционной системы жиз-

необеспечения горцев в условиях высокогорий Центрального Кавказа, исследованы пережиточные формы института взаимопомощи, связанные с общинным бытом [10].

На балкарском этнографическом материале значительная работа проделана А.И. Мусукаевым, который в своих трудах постоянно обращался к проблеме балкарской общины, а также исследовал традиционные общественные институты, патронимическую организацию и фамилию в системе горского общества [11]. Конкретно-этнографические интерпретации различных сторон семейного и общественного быта, материальной и духовной культуры балкарского народа на различных исторических этапах отразили содержание трансформационных процессов в социальных структурах и культурном пространстве горского социума в его взаимодействии с общероссийским модернизационным процессом.

Созданные на исторических кафедрах научно-педагогические школы, а также плодотворно функционирующие аспирантура и докторантура дали целую плеяду ученых-педагогов, которые исследовали различные аспекты истории балкарского народа. Так, вопросы сельского административного управления и судебных учреждений в Балкарии второй половины XIX–начала XX в. нашли свое отражение в работах Ж.А. Калмыкова [12]. Исследования П.А. Кузьминова [13], М.В. Дышекова [14], М.С. Тамазова [15] были посвящены социальным, земельным и социокультурным преобразованиям в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX–начале XX в. В русле модернизационной парадигмы в них предприняты попытки интерпретировать пореформенное социально-экономическое развитие региона, в том числе и балкарских горских обществ.

Опираясь на научные достижения своих учителей, Е.Г. Муратова осуществила комплексное исследование и целостное представление истории балкарского народа на длительном временном срезе (XVII–начало XX века). В ряде монографий на основе обобщения отрывочных данных исторических источников воссоздана целостная картина взаимоотношений балкарцев с соседними народами и Россией в XVII–начале XX века, определено их место в социоцивилизационной и правовой системе северокавказского региона [16].

Дифференцированно по отношению к Балкарии решен вопрос о методах и средствах включения ее в политическую орбиту России, детально описано оформление низовой административно-территориальной структуры горских обществ в составе империи [17]. На балкарском материале рассмотрено воздействие российской власти на систему управления, социальное устройство, способы хозяйствования и духовную культуру горцев; представлены «ответы» традиционного локального сообщества на внешние вызовы политического и социокультурного порядка.

Впервые массовые источники по истории Балкарии (посемейные списки за 1886 г. и часть материалов Абрамовской комиссии 1905 г.) были обработаны с применением статистико-математических методов, что предоставило дополнительные возможности для системного, комплексного анализа социодемографической структуры и хозяйства, анализа, основанного на строгих измерениях и расчетах, а не на выборочных «иллюстративных» оценках [18]. В ряде статей Е.Г. Муратова представила источниковедческий анализ материалов по балкароведению [19].

Важно отметить, что в постсоветский период определились новые тенденции в развитии как всего отечественного кавказоведения, так и балкароведения, наметился повышенный интерес к историко-этнической проблематике. Внимание историков Кабардино-Балкарского университета в основном концентрировалось на поисках этнической идентичности. В фокусе научных изысканий оказались проблемы этнических территорий (Ч.Э. Карданов, А.Г. Кажаров) [20] и этнодемографии (Х.К. Геграев) [21], культуры и достижений общественной мысли (М.З. Саблиров) [22]. Также в историографии проявился и «культурный» поворот, связанный с углубляющимся интересом к исследованию религиозных верований, этнопсихологии, менталитета горцев, этнических особенностей соционорматики и изучением Балкарии в этнокультурном пространстве северокавказского региона XVII–XIX вв. (М.И. Барзбиев, И.И. Маремшаова, Г.К. Азаматова) [23]. Эти работы иллюстрируют важность культурного значения/смысла в интерпретации социально-политической истории Балкарии.

Историографические итоги политического, социально-экономического и социокультурного развития Балкарии досоветского периода были подведены в ряде специальных работ [24].

Закономерно, что ключевые проблемы истории балкарского народа советского и постсоветского периода изучались историками КБГУ в формате единой истории Кабардино-Балкарии. Так, вопросы национально-политического самоопределения балкарского народа в период революций и гражданской войны рассматривались в работах А.Г. Кажарова [25], проблемы модернизации традиционной культуры и становления советской административно-политической элиты – в трудах Х.Б. Мамсирова [26].

Основные этапы этнополитического развития единой Кабардино-Балкарии в XX веке представлены в исследованиях А.Х. Борова [27]. В едином методологическом ключе он проанализировал этнополитический опыт революционного периода 1917–1922 гг., интерпретировал этнополитические последствия процессов советизации и социалистической модернизации 1920–1980-х годов, а также представил этнополитическое измерение современных общественных процессов в Кабардино-Балкарии.

Наиболее полно весь блок проблем истории балкарского народа советского периода представлен в работах Х.-М.А. Сабанчиева. Здесь прежде всего важно подчеркнуть его вклад в исследование весьма сложных и драматических страниц истории балкарского народа, связанных с депортацией в годы сталинских репрессий, жизнью в ссылке и последующей реабилитацией. Также последовательное сквозное освещение в работах этого автора получили вопросы восстановления автономии и национального развития балкарского народа на длительном временном срезе с послевоенного периода вплоть до сегодняшнего дня [28].

Преподаватели исторических кафедр Кабардино-Балкарского университета, активно внедряют в учебный процесс и педагогическую практику научные результаты, полученные в области балкароведения. В последние годы было подготовлено и издано несколько учебных пособий [29], в которых история Балкарии представлена во взаимосвязи с историей соседних народов как интегрированная и непротиворечивая часть общероссийской истории. Также историки университета участвовали в написании всех основных разделов по истории Балкарии при создании юбилейного издания, посвященного 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией [30].

Таким образом, свой 80-летний юбилей историческая наука Кабардино-Балкарского государственного университета встретила со значительными достижениями в области балкароведения.

Библиография

1. Кокиев Г.А. Из истории сношений России с Кавказом (IX–XIX вв.) // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Т. 1. Нальчик, 1946. С. 33–80.
2. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году / сост. Г.А. Кокиев. Кабгосиздат, 1947. 272 с.
3. Очерки истории балкарского народа (с древнейших времен до 1917 г.). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. 220 с.
4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.; История Кабардино-Балкарии: учебное пособие для средней школы / под ред. Т.Х. Кумыкова и И.М. Мизиева. Нальчик: Эльбрус, 1995. 384 с.
5. Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 172 с.
6. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX–начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 448 с.
7. Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1968. 108 с.
8. Азаматов К.Г. К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный: Чечен.-Ингуш. кн. изд-во, 1982. С. 273–276.
9. Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик: Эльбрус, 1980. 32 с.
10. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев: учебное пособие. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 364 с.
11. Мусукаев А.И. Из прошлого незабытого: к вопросу изучения этнографии дореволюционной Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1975. 98 с.
12. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII–начало XX века). Нальчик: Эльбрус, 1995. 128 с.
13. Кузьминов П.А. Земельные и социальные преобразования на Северном Кавказе в контексте российских реформ 60-х гг. XIX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2003. № 4. С. 10–16.
14. Дышеков М.В. Трансформация традиционной элиты Кабарды и Балкарии во второй половине XIX–начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. 21 с.
15. Тамазов М.С. Модернизация России и крестьянский вопрос в Кабарде и Балкарии в 60–70-х гг. XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2002. 237 с.
16. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века. (сельская община). Нальчик: Эльбрус, 1997. 176 с.
17. Битова Е.Г. Балкарские общества в административно-политической системе Российской империи XIX века // Кавказский сборник. Т. 1 (33) / под ред. Н.Ю. Силаева. М.: Русская панорама, 2004. С. 81–110.
18. Муратова Е.Г. Исследование демографической и социально-экономической структуры балкарских обществ в условиях российской модернизации второй половины XIX–начала XX века на основе массовых

источников // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке: материалы IV Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: МГУ, 2009. С. 131–139.

19. Муратова Е.Г. Изучение истории Северного Кавказа XIX–начала XX вв. // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 160–169.

20. Карданов Ч.Э. Из истории территориальных отношений Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эль-фа, 1993. 43 с.; Кажаров А.Г. Территория Кабарды и Балкарии в начале XX в. // Исторический вестник КБИГИ. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 201–217.

21. Геграев Х.К. Этнодемография Балкарии XIX–начала XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2003. 223 с.

22. Саблиров М.З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX–начале XX вв. Нальчик, 2001. 232 с.

23. Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII–нач. XX века. Нальчик: Эльбрус, 2000. 112 с.

24. Сабанчиев Х.-М.А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик: Эльбрус, 1989. 232 с.

25. Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918–первая половина 1920-х гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. 210 с.

26. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии). Нальчик: Эльбрус, 2004. 325 с.

27. Боров А.Х. Кабардино-Балкария в XX столетии: основные этапы этнополитического развития // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2007. № 2. С. 95–108.

28. Сабанчиев Х.-М.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа: 1940-е–начало XXI в.: дисс. ... док. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 441 с.

29. Унежев К.Х. История Кабардино-Балкарской Республики: учебник. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 387 с.

30. История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Изд.-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.

**КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ФЕВРАЛЬ – ДЕКАБРЬ 1917 Г.)**

Шахалиева Ф.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

fatimashahalieva@yandex.ru

В статье проанализирована социально-политическая ситуация, сложившаяся в Кабарде и Балкарии в период распада империи, когда на повестку дня был поставлен вопрос национально-государственного самоопределения народов и возможного прихода к власти новых политических сил. Исследованы сложный процесс политической борьбы с февраля по декабрь 1917 г. и ход национально-государственного строительства в регионе.

Ключевые слова: Нальчикский округ, Февральская революция, система власти, горская интеллигенция, большевики, Союз объединенных горцев.

**KABARDA AND BALKARIA IN THE REVOLUTIONARY-DEMOCRATIC PROCESSES
IN THE NORTH CAUCASUS (FEBRUARY – DECEMBER, 1917)**

Shakhaliyeva F.B.

Kabardino-Balkarian State University

The article analyzes the socio-political situation in Kabarda and Balkaria during disintegration of the empire when the question of the national-state self-determination of the people and possible coming to power of new political forces was on the agenda. Complex process of political struggle from February to December, 1917 and the course of the national-state construction in the region were investigated.

Keywords: Nalchik district, February revolution, system of power, highlanders' intelligentsia, bolsheviks, Union of the integrated highlanders.

История развития общественно-политических процессов в Кабарде и Балкарии после Февральской революции 1917 г. несмотря на обширный фактологический материал до сих пор мало изучена и требует концептуального осмысления с новых методологических позиций. Для решения этой задачи уже сформирована достаточная источниковая база.

Среди опубликованных материалов особый интерес вызывают воспоминания непосредственных участников событий 1917 г. на Северном Кавказе в целом и в Кабарде и Балкарии в частности.

Определенную научную ценность представляют воспоминания участника антибольшевистского движения на юге России К.А. Чхеидзе [1], в которых изложена авторская точка зрения о формировании противоборствующих политических сил, освещена программа горской элиты, пытающаяся взять ситуацию под контроль, дана характеристика лидеров белого движения в регионе. С марксистских позиций написаны очерки, статьи и выступления лидера кабардинских и балкарских большевиков Б.Э. Калмыкова [2]. В них изложена история трудящихся в период Советской власти в Кабарде и Балкарии, предложена версия, обосновывающая историческое значение Октябрьской революции для горцев.

В 1983 г. был опубликован сборник документов [3], в котором размещены разнообразные архивные документы: постановления, протоколы, предписания, письма, материалы съездов народов Терека, речи общественно-политических деятелей и др. источники, раскрывающие события 1917 г. в Кабарде и Балкарии.

В сборниках документов, составленных Г.И. Какагасановым, Л.Г. Каймаразовым [4] и А.Х. Кармовым [5], содержатся материалы всех съездов народов Северного Кавказа, решения и постановления Союза объединенных горцев, дипломатическая переписка Парламента Горской Республики и др. Этот корпус документальных материалов заметно расширил возможности современных исследователей по реконструкции политической идентичности народов Северного Кавказа.

Советская историография представлена исследованиями Х.М. Бербекова [6], Р.Х. Гугова [7], У.А. Улигова [8], в которых освещена история революционного движения и национально-государственного строительства в Кабарде и Балкарии. Главное внимание авторы уделяли большевикам, деятельность же других политических сил и Горского правительства не получила должного освещения.

В противовес марксистской трактовке событий постсоветская историография акцентирует внимание на особенностях «белого» движения в Кабарде и Балкарии, которое практически было неизвестно научной общественности. Среди небольшого круга публикаций особого внимания заслуживает работа О.А. Жанситова [9], ставшая первым монографическим исследованием истории антибольшевистской борьбы в Кабарде и Балкарии. Новые грани политического противостояния в регионе в 1917 г. освещены в работах А.Х. Даудова, Д.И. Месхидзе [10] и А.Г. Кажарова [11]. Авторы внесли серьезный вклад в осмыслении истории революционных процессов, происходивших в Кабарде и Балкарии.

Падение монархии в России в начале марта 1917 г. актуализировало вопрос национально-государственного самоопределения народов, входивших в состав империи.

К началу XX в. выборных органов государственной власти у горских народов Северного Кавказа не было. Терская область делилась на отделы, округа, участки, аулы, деревни и станицы. Вся горская администрация, от начальников областей и округов до сельских старшин аулов, назначалась вышестоящими органами власти. Кабарда и Балкария входили в состав Нальчикского округа Терской области [7].

После Февральской революции 1917 г. на Северном Кавказе стала формироваться новая система власти и управления. С разрушением государственно-политической системы Российской империи у коренных народов Северного Кавказа появилась надежда на восстановление или создание национального и территориального суверенитета. Здесь складывается своеобразная система властно-исполнительных органов, в которую вошли: аппарат власти Временного правительства в лице местных гражданских и исполнительных комитетов, правительственных комиссаров, казахи и горские управленческие структуры; Советы, органы городского самоуправления и др.

В новых революционных социально-политических условиях горская интеллигенция Северного Кавказа предприняла практические шаги в защиту своих национальных интересов [12]. Представители горской элиты 5 марта 1917 г. собрались в г. Владикавказ для анализа ситуации, сложившейся в регионе после Февральской революции. В процессе острой дискуссии было принято решение созвать съезд горских народов Северного Кавказа с целью обсуждения вопроса о национально-государственном устройстве [4]. Съезд пошел не только на диалог со структурами и институтами официальной власти, созданными Временным правительством, но и принял активное участие в их конституировании.

5 марта 1917 г. во Владикавказе был создан орган Временного правительства на Тереке – областной гражданский исполнительный комитет. В его состав вошли представители горских народов и казачества: юрист, общественный деятель и публицист кабардинец П. Коцев, офицер «дикой дивизии», нефтепромышленник, чеченец Т. Чермоев, князь-кумык Р. Капланов и др. во главе с комиссаром Временного правительства кадетом казаком М.А. Карауловым. Исполнительный комитет заменил прежнее областное правление, а комиссар, назначенный Временным правительством, – начальника области. Одновременно были отстранены от исполнения должностных полномочий начальники округов по всей Терской области и созданы окружные гражданские исполнительные комитеты [6].

Нальчикский гражданский исполнительный комитет был создан 27 марта 1917 г. Его возглавили представители местной элиты Кабарды и Балкарии: П. Коцев, Б. Шаханов, И. Урусбиев, Г. Сохов, М. Абуков и др. Русскоязычное меньшинство округа получило в исполкоме три места. Комиссаром Нальчикского округа был назначен Г. Чижикиев, занимавший до этого должность судебного следователя Владикавказского округа [3]. Многие члены исполкома Нальчикского округа являлись юристами, имевшими значительный опыт работы в прежних административных и судебных органах региона. Можно утверждать, что в то время это были лучшие представители кабардино-балкарской интеллигенции, которые в сложных условиях революционных событий отстаивали общенациональные интересы.

Демократизация общественной жизни позволила создать легальные ячейки социалистических партий в крае. В течение марта-апреля 1917 г. комитеты Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) возникли в большинстве городов Терской области – Грозном, Владикавказе, Пятигорске и др. Несмотря на малочисленность рабочих в регионе (всего 17,3 %), был создан Терский областной Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с правым эсером К. Мамуловым. В апреле 1917 г. в Нальчике были созданы Совет рабочих депутатов и отдельно Совет солдатских депутатов [7]. В этот период в сельских и городских Советах по всей Терской области преобладали меньшевики и эсеры. Исходя из интересов своих политических партий, они выступали в поддержку политики Временного правительства, убеждая массы в том, что оно выражает их интересы. Большевики в Советах были в меньшинстве и серьезным авторитетом не пользовались даже в среде рабочих [13].

По воспоминаниям лидера местных большевиков Б.Э. Калмыкова, в этой ситуации важнейшая задача большевистской партии заключалась в том, чтобы убедить крестьян в «антинародности» Временного правительства, эсеров и меньшевиков, а также в необходимости вести борьбу за перерастание «буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую» [14].

В начале апреля 1917 г. большевики Кабарды и Балкарии и поддерживавшие их члены Совета рабочих и Совета солдатских депутатов выдвинули перед Нальчикским окружным гражданским исполнительным комитетом требование о наделении трудовых крестьян землей, не ожидая решения вышестоящих областных органов. Малоземельные и бедные слои аулов самовольно производили запашку арендованных частновладельческих земель [8]. Большевистский лозунг «конфискации помещичьей земли» был особенно актуален в Кабарде, где исторически сложились социальные полюса в порядке землевладения и землепользования.

Гражданский исполнительный комитет Нальчикского округа признал Советы рабочих и солдатских депутатов, возникшие в результате революционной активности местного населения. Но когда Советы стали вмешиваться в компетенцию официальных органов власти, исполнительный комитет Нальчикского округа заявил, что этого не допустит. По решению суда было решено «удалить из округа организаторов Совета рабочих и солдатских депутатов П. Карпинского и В. Павлова, которые через Совет стали распространять свое влияние» [3]. Борьба за власть приобрела открытую форму.

1–10 мая 1917 г. во Владикавказе состоялся Первый съезд горских народов Кавказа. На съезде присутствовало около 300 человек делегатов и гостей от губерний, краев и областей Северного Кавказа, в том числе от Дагестана – более 60 делегатов [4]. Съезд принял решение об объединении всех горских народов Северного Кавказа и Дагестана в политический Союз объединенных горцев, утвердил Конституцию, Политическую платформу и программу Союза. Был сформирован Временный Центральный Комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана с сентября 1917 г., а в связи с вхождением в этот союз Абхазии он стал называться Горским Правительством [4].

В избранный на съезде Временный Центральный Комитет вошли 17 человек: по 5 от Дагестанской и Терской областей, по 2 – от Кубанской и Черноморской губерний и по 1 – от Закатальского округа, Ставропольской губернии и Абхазии. Кабардинцев и балкарцев представляли П. Коцев и Б. Шаханов. Председателем Комитета стал балкарец Басият Шаханов [4].

Съезд создал Кавказское Духовное Правление при Комитете из 9 духовных лиц с резиденцией в г. Владикавказ. По решению духовной секции на съезде была принята резолюция, по которой в судах по всем делам мусульман вводилось судопроизводство на основе норм Корана и Шариата, и об учреждении областных и окружных Шариатских судов. Председателем Духовного Правления стал Н. Гоцинский, которому было присвоено звание муфтия [4].

Конституция, одобренная и утвержденная съездом, состояла из 30 статей. В соответствии со статьей II высшими органами власти Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана стали Съезд Делегатов и Центральный Комитет. Съезд Делегатов стал высшим распорядительным органом Союза, который избирал членов Центрального Комитета и Духовного управления, окончательно разбирал все возникающие внутри союза вопросы; отменял (в случае противоречия их общесоюзным интересам) постановления народных и окружных собраний (советов), устанавливал налоговое обложение граждан для общесоюзных нужд (Ст. X). Съезд Делегатов формировался из делегатов горских народов, ногайцев и туркмен, по 1 представителю от 20000 душ населения, причем каждый народ имел право, по крайней мере, на одного представителя и излишки свыше 10000 душ считались за 20000 душ. Делегаты избирались на один год путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования (Ст. V, VI, VII). Центральный Комитет был ответственен перед Съездом Делегатов. Члены Центрального Комитета и кандидаты в члены избирались на Съезде Делегатов, причем каждая область или губерния должна была производить выборы отдельно, Съезд же санкционировал итоги выборов. Все силовые структуры «Союза», народная горская милиция и постоянная платная милиция находились в распоряжении Центрального Комитета (Ст. XIII, XIV, XVIII).

Что же касается будущих форм самоопределения внутри Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, то в соответствии со статьей IV каждый из союзных народов был автономен в области своих внутренних народно-хозяйственных интересов. В национальных областях края были учреждены секции Союза горцев (Ст. III, XXIV) [4]. В Кабарде, Карачае и Черкесии такую секцию возглавлял М. Абуков, в Балкарии И. Урусбиев.

В основе политической программы блока либеральных депутатов Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана были идеи административной децентрализации и самоопределения провинций в будущей Российской республике, сплочения горцев Кавказа для защиты общих для всех горских народов политических, социальных и культурно-национальных интересов [4].

Основной задачей Союза объединенных горцев было создание на Северном Кавказе (включая и Абхазию) горской национально-территориальной автономии в составе, как предполагалось, будущей Российской Федеративной Демократической Республики, провозглашение которой ожидалось на Всероссийском Учредительном собрании. Автономия должна была стать гарантом широкого самоуправления для всех народов Северного Кавказа и Абхазии.

Союз объединенных горцев Кавказа в период своей деятельности (май-ноябрь 1917 г.) играл роль как законодательного, так и исполнительного органа власти на территории Северного Кавказа и Дагестана. Такая форма работы представителей национальных движений в принципе не противоречила действиям Временного правительства, а скорее наполняла конкретным содержанием его региональную политику.

18–20 мая 1917 г. во Владикавказе состоялся съезд представителей населения Терской области. Он принял «Положение о временном самоуправлении Терской области» и избрал новое руководство исполнительного комитета. Его председателем стал Пшемахо Коцев. В «положении» отмечалось, что областной гражданский исполнительный комитет является высшей исполнительной властью на Тереке, что он целиком и полностью руководствуется распоряжениями и решениями Временного правительства [5].

Ухудшение социально-экономической ситуации в Терской области обострило социальные противоречия и катализировало политическую ситуацию. В первых числах июня 1917 г. произошло объединение Советов рабочих депутатов Нальчика и станицы Прохладное с Советами солдатских депутатов. Это объединение укрепило позиции РСДРП (б) в округе, но ослабило позиции кадетов, которые упустили руководство Советом крестьянских депутатов (9 июня 1917 г.) [7]. После этого в Нальчикском округе осталось два органа власти: окружной Гражданский исполнительный комитет и Советы рабочих и солдатских депутатов.

Со времени октябрьского переворота (1917 г.), в результате которого в России утвердилась власть большевиков, ЦК Союза горцев, не признавший эту власть, взял на себя политическую ответственность по управлению регионом. 20 октября 1917 г. был создан Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, а 16 ноября 1917 г. в г. Екатеринодар приступило к работе Объединенное правительство Юго-Восточного Союза. В Союз вошли казачество Дона, Кубани, Терека, Астрахани, горцы Северного Кавказа и Дагестана (Союз объединенных горцев Кавказа), калмыки, ногайцы и туркмены Астраханской и Ставропольской губерний.

Члены «Объединенного правительства» заявили о непризнании «захватчиков Центральной государственной власти» – Советского правительства. Они считали, что в сложившейся ситуации организация власти должна начаться на местах. Они объявили Терек, Дон, Кубань и Дагестан автономными штатами будущей федеративной демократической республики России [4]. Образование Юго-Восточного Союза было тактическим шагом и диктовалось необходимостью объединения военных сил и политического влияния до проведения выборов в Учредительное собрание (12.11.1917 г.). В этот же день вышел приказ войскового атамана М. Караулова о приведении в боевую готовность казачьих воинских частей и объявлении Терской области на военном положении для предотвращения гражданской войны в крае [3].

Военные силы Горского правительства составили вернувшиеся на родину полки Кавказского (Туземного) конного корпуса, которые были размещены по этнографическому признаку. Кабардинский полк «дикий дивизии» был размещен в Нальчике, а также в окрестных селах: Нартане, Кенже, Шалушке и Вольном Ауле. Спешно формировался отряд из офицеров, недовольных большевистской властью. По предписанию заведующего военным отделом Горского правительства полковника Т. Бековича-Черкасского разоружались и арестовывались большевики, возвращавшиеся с фронта или из России по Северо-Кавказской железной дороге [9]. Контрреволюционным силам впоследствии противостояли большевистски настроенные артиллерийские части из 1230 человек, прибывшие в Нальчик в декабре 1917 г. для установления на Северном Кавказе власти Советов.

В ноябре 1917 г на Северном Кавказе проходили выборы в Учредительное собрание. В источниках отсутствует полная информация об итогах выборов по Терско-Дагестанскому избирательному округу. В целом в Юго-Восточном районе России (при отсутствии полных сведений по Кубано-Черноморскому и Терско-Дагестанскому округам) приняло участие в голосовании 22,2 млн человек, из которых 11 % отдали свои голоса за большевиков, 39 % – за умеренные социалистические партии, 50 % – за кадетов [14].

Во Владикавказе, политическом центре Терской области, выборы в Учредительное собрание проходили 26–28 ноября. 9 декабря 1917 г. в газете «Горская жизнь» были опубликованы итоги этих выборов: из 18610 поданных голосов большевики получили большинство голосов (8218 голосов). На втором месте по количеству голосов и ближайшими соперниками большевиков оказалась партия народной свободы – кадеты (4408 голосов). На третьем месте были представители Терского казачьего войска (3062). Кандидат от кабардинского, балкарского народов и русского населения Нальчикского округа П. Коцев получил на выборах всего 15 голосов [3]. Похожая расстановка сил наблюдалась и в других городах Терской области. В Грозном большевики получили около 45 % от общего количества голосов, поданных в городе, в Пятигорске – 57 % [7]. Волеизъявление населения изменило «политический климат» в регионе.

14 декабря 1917 г. Совнарком РСФСР вынес решение о создании в Терской области Чрезвычайного временного комиссариата, задачей которого было «очищение» Терской области от сторонников Временного правительства и установление здесь Советской власти [8].

Постановлением от 30 декабря 1917 г. Владикавказский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя единственным официальным органом Советской власти, подчиняющимся только распоряжениям Совета Народных Комиссаров РСФСР [15]. С этого времени начинается поэтапный процесс легитимации Советской власти по всей Терской области.

Таким образом, сформированные структуры Союза объединенных горцев и Объединенного правительства являлись взаимодействующими, взаимодополняющими, и в определенной степени иерархически соподчиненными элементами одной политической системы. Каждый из них в соответствии со своими функциями реализовывал право наций на самоопределение и самоуправление. В этом смысле их образование следует рассматривать как первый шаг в национально-государственном строительстве народов Северного Кавказа в XX в.

Программа Союза объединенных горцев воплощала либерально-демократическую альтернативу национально-государственного развития входивших в ее состав народов. Образование и функционирование Нальчикского окружного исполнительного комитета можно рассматривать как первую форму политического самоопределения кабардинцев и балкарцев в рамках социально-политической системы созданной Февральской демократической революцией. Окружной комитет координировал свою деятельность с областной администрацией и Союзом объединенных горцев.

Социальная база РСДРП (б) в области была невелика, но большинство населения поддержало именно большевиков, поскольку они проводили гибкую политику и предлагали решение актуальных проблем горской жизни. После октябрьского переворота и установления Советской власти в центре в не покорившихся новому режиму регионах России Совнарком РСФСР начал проводить политику насильственного насаждения новой власти.

Библиография

1. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / сост. О.А. Жанситов. Нальчик, 2008. 120 с.
2. Калмыков Б.Э. Статьи и речи / сост. Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. Нальчик, 1983. 52 с.
3. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Гугов Р.Х., Татарокова Л.Б. и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.
4. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразов. Изд-е 2-е. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. 295 с.
5. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост. А.Х. Кармов. Нальчик: КБИГИ, 2014. 168 с.
6. Бербеков Х.М. Очерки истории советской Кабардино-Балкарии. М.: Политическая история, 1958. 160 с.
7. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
8. Улигов У.А. Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 353 с.
9. Жанситов О.А. Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917–1920 гг.). Нальчик, 2009. 151 с.
10. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924-х гг.). СПб: СПбГУ, 2009. 224 с.
11. Кажаров А.Г. Национально-государственное развитие народов Кабардино-Балкарии в 1917–1922 гг. Нальчик: КБГУ, 2011. 118 с.
12. Кармов А.Х. Поляризация политических сил на Северном Кавказе накануне Октябрьской революции // Народы Северного Кавказа и Россия: материалы Всероссийской научной конференции, 18–21 октября 2007 г. Нальчик, 2007. С. 323–333.
13. Кулиев Ф.М. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 году (февраль–октябрь). Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 142 с.
14. Калмыков Б.Э. Партия нас привела к победе, март 1918 г. // Воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии / под ред. Р.Х. Гугов и др. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 30–36.
15. Гугов Р.Х., Улигов У.А. С.М. Киров на Тереке. Нальчик: Эльбрус, 1986. 144 с.

УДК 93/94(470.64)

ПРЕДПОСЫЛКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ

Шахалиева Ф.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

fatimashahalieva@yandex.ru

Статья посвящена изучению предпосылок Гражданской войны в Кабарде и Балкарии. Рассматривается национальный вопрос, актуализировавшийся после Февральской революции как серьезная проблема межэтнических взаимоотношений в регионе, который в силу объективных обстоятельств трансформировался в земельно-территориальный вопрос.

Ключевые слова: Советская власть, Горское правительство, национальный вопрос, земельный вопрос, этническая территория, красные и белые, Гражданская война.

PREREQUISITES OF CIVIL WAR IN KABARDA AND BALKARIA

Shakhaliyeva F.B.

Kabardino-Balkarian State University

This article is devoted to studying of prerequisites of civil war in Kabarda and Balkaria. The ethnic problem is considered, that became very actual after the February revolution as a serious problem of interethnic relationship in the region which, owing to objective circumstances, later transformed into a land – territorial question.

Keywords: Soviet power, Highlander government, ethnic problem, land question, ethnic territory, Reds and Whites, Civil war.

История развития общественно-политических процессов в Кабарде и Балкарии после Октябрьской революции 1917 г., определившая предпосылки гражданской войны в крае, несмотря на обширный фактологический материал до сих пор мало изучена и требует концептуального осмысления с новых методологических позиций.

Историографию обозначенной проблемы условно можно разделить на советский и постсоветский периоды.

Несомненный интерес представляют воспоминания непосредственных участников событий 1917–1920 гг. на Северном Кавказе в целом и в Кабарде и Балкарии в частности. Это работы Калмыкова Б.Э., Деникина А.И., Шкуро А.Г. и Чхеидзе К.А. [1], в которых нашли отражение события революции и гражданской войны в Кабарде и Балкарии.

Итоги многолетнего и плодотворного труда большого коллектива историков-кавказоведов над историей революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии (1917–1920 гг.) подведены в двухтомном издании «История Кабардино-Балкарской АССР» [2]. Авторы собрали и систематизировали вклад всех основных исследователей по истории революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) в Кабардино-Балкарии до середины 1960-х гг. В работе характеризуется социально-экономическое положение крестьянства, анализируется крестьянское и рабочее движение в регионе, влияние на него большевиков. Данная работа является ценным вкладом в советскую историческую науку.

В 1970-х гг. вышли работы, освещающие историю революционного движения и национально-государственного строительства на Тереке и Северном Кавказе в целом, среди которых наибольший интерес для нас представляют труды Гугова Р.Х. и Улигова У.А. [3].

В 1983 г. был опубликован сборник документов, составленный Гуговым Р.Х., Татароковым Л.Б. и др. [4]. В сборнике содержатся постановления, обращения, протоколы, предписания, письма, материалы съездов, речи общественно-политических деятелей и др. источники, относящиеся к послереволюционным событиям 1917 г. в Кабарде и Балкарии. Эти документы являются ценными источниками для нашего исследования.

В постсоветской историографии особое внимание уделяется более объективному изучению причин «белого» движения в Кабарде и Балкарии.

В исследованиях 1990-х гг. Карданова Ч.Э. и Дзидзоева В.Д. [5], посвященных революционным событиям на Северном Кавказе после 1917 г., на широкой источниковедческой базе предпринята попытка показать существующие трудности в решении земельного вопроса на Северном Кавказе. Повествуется о насилии, применяемом враждующими сторонами для достижения поставленных целей. Однако относительно Кабарды и Балкарии речь идет лишь о белом терроре, проявившемся в ходе мероприятий по «искоренению большевизма».

Особого внимания заслуживают работы Жанситова О.А [6], в которых автор приводит факты насилия «красных» в период Гражданской войны в Кабарде и Балкарии и рассматривает антибольшевистское движение как ответную реакцию широких слоев населения на насильственные действия советской власти.

Исследования Даудова А.Х., Месхидзе Д.И. и Кажарова А.Г. [7] вносят важный вклад в осмысление истории общественно-политических процессов в Кабарде и Балкарии, происходивших в исследуемый период.

В 2013 г. Какагасанов Г.И. и Каймаразов Л.Г. выпустили второе издание сборника документов [8], в котором содержатся материалы всех съездов народов Кавказа, решения и постановления правительственных органов, дипломатическая переписка и другие документы и материалы правительства и Парламента Горской Республики, относящиеся к периоду 1917–1920 гг.

В опубликованном Кармовым А.Х. в 2014 г. сборнике документов [9] содержатся новые материалы Второго съезда горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 г., которые создают более полное и точное представление о социально-экономическом и политическом положении населения края.

После Октябрьской революции 1917 г. в стране сложилась напряжённая социально-политическая ситуация, вылившаяся в братоубийственную Гражданскую войну. Ее причинами в Северо-Кавказском регионе были сохранившиеся после Февральской буржуазно-демократической революции социальные, аграрные, политические, конфессиональные и этнические противоречия.

Процесс установления советской власти на Тереке имел свою специфику, которая проявилась в своеобразной советизации региона. Дело в том, что по переписи 1897 г. в промышленности Терской области числилось всего 11 783 рабочих [10]. По данным статистики в Терской области на 1 января 1916 г., из общего количества населения области 1 360 284 человека в городах, в которых была сосредоточена вся промышленная инфраструктура, проживали 235 476 человек, т.е. всего 17,3 %. Остальное население проживало в сельской местности [11]. Реальную социальную опору советская власть имела только в городах, в которых шел процесс формирования пролетариата, а также в районах преобладания русских крестьян, которые неуютно чувствовали себя рядом с казачьими станицами.

Таким образом, социальная база РСДРП (б) в области была невелика, но большинство населения поддержало именно большевиков, поскольку они предлагали простую и понятную программу – создание «своей» государственности в рамках Советской России, которая откроет путь к «национальному возрождению».

Продолжали существовать устойчиво конфликтные взаимоотношения между горцами и казаками, сложившиеся еще в годы аннексии земли у горцев царским правительством. Несмотря на это, приход к власти большевиков в регионе подтолкнул элиту казаков и горцев к политической интеграции [12]. Сложившийся антибольшевистский блок не признал правительство Совета Народных Комиссаров РСФСР, что усилило центробежные силы в регионе. С одной стороны, на втором съезде народов Терека, проходившем с 1 по 28 марта 1918 г. в Пятигорске, была провозглашена Терская советская республика и был образован Терский Народный Совет – высший исполнительный орган власти в области. С другой стороны, в результате объединения «Союза объединённых горцев» и Войскового правительства было создано Терско-Дагестанское правительство, опиравшееся на поддержку крупных землевладельцев, коннозаводчиков, буржуазии.

С третьей стороны, в результате преобразования ЦК «Союза объединённых горцев» появилось Горское правительство, созданное 5 марта 1917 г. в качестве высшего представительного и исполнительного органа власти народов Северного Кавказа. Но фактически оно почти сразу потеряло властные полномочия, поскольку не имело поддержки населения, поэтому вынуждено было уступить Владикавказ представителям новой власти и переехать в Темир-Хан-Шуру (Дагестан).

4 марта 1918 г. Нальчикский гражданский исполнительный комитет, представлявший власть Временного правительства в округе, послал телеграмму второму съезду народов Терека о непризнании власти Советов и поддержке Терско-Дагестанского правительства [13]. В ответной телеграмме все члены окружного исполнительного комитета были объявлены врагами народа. Посланные вторым съездом вооруженные всадники под руководством большевиков Б. Калмыкова и М. Энеева арестовали администрацию Нальчикского округа, заняли казарму, железнодорожный вокзал, почту и др.

В результате почти бескровного захвата власти к управлению округом пришли представители трудового народа. Легитимизация новой администрации состоялась на Первом окружном съезде «Советов Кабарды и Балкарии», проходившем с 31 марта по 5 апреля 1918 г., где была провозглашена Советская власть на всей территории Кабарды и Балкарии [14]. Провозглашение Советской власти произошло фактически мирно, не встретив серьезного сопротивления. Преследованию подверглась только наиболее активная часть офицерства Кабардинского Конного полка, известной Кавказской (Туземной) конной дивизии, которая была разоружена и заключена в тюрьму, а также местная аристократия, которая была лишена избирательных прав и обложена высокими налогами.

Провозглашение власти Советов катализировало ситуацию. Горское правительство приняло решение о выходе горских народов Северного Кавказа из состава РСФСР. Таким образом, после провозглашения Советской власти появились два альтернативных пути национально-государственного строительства в регионе. С одной стороны, второй съезд народов Терека признал власть СНК РСФСР и провозгласил Терскую Республику, а с другой стороны, представители «Союза объединенных горцев» начали предпринимать попытки создания самостоятельного суверенного государства. В основе сепаратистских устремлений горской интеллигенции лежало идеологическое неприятие большевизма, а не антироссийские политические настроения или тем более традиции [15].

После провозглашения Советской власти начинается период формирования новой политико-административной и этнотерриториальной структуры управления регионом. Составной частью этого процесса стала устойчивая тенденция изменения территории Кабарды и Балкарии [16].

Новый политический механизм, запущенный советской властью для решения всего комплекса проблем, трансформировал земельный вопрос в территориальный. От депутатов второго съезда народов Терека, представлявших интересы малообеспеченных земель соседей, поступили предложения к кабардинской делегации «поделиться землей». Принцип «земельных уступок» был объявлен единственным средством мирного разрешения земельного вопроса [17]. В 1918 г. из земельного фонда Кабарды балкарским труженикам было передано 20 960 дес., осетинским – 6 341 дес., ингушским – 2 359 дес. и карачаевским – 53 935 дес. [18].

Реализация декрета «О земле» от 13 марта 1918 г., отменившего частную собственность на землю в РСФСР, в Кабарде, располагавшей значительным частновладельческим земельным фондом, встретила серьезное сопротивление. В села для умирения владельцев, не желавших расставаться со своими участками, направлялись вооруженные отряды, при поддержке которых производились аресты недовольных и конфискация их имущества. Вооруженная сила применялась и при сборе налогов с населения. Причиной применения насилия было, по мнению О.А. Жанситова, неприятие частью населения мероприятий Советской власти в хозяйственной сфере [19]. Изучив ситуацию в регионе, В.Д. Дзидзоев утверждает что, на Северном Кавказе политика насилия и террора достигла своего апогея в начале 1918 г. Эту политику с переменным успехом проводили и красные, и белые [20], что и стало главной причиной социальной напряженности, переросшей в гражданскую войну.

Одной из особенностей исторического развития Кабарды было то, что здесь была развита социальная дифференциация. Беднота, поддерживавшая власть Советов, потребовала перераспределения земли и получила ее. Как отмечал лидер большевиков на Северном Кавказе Г.К. Орджоникидзе в своем докладе Совету Народных Комиссаров, «...народность, населяющая Нальчикский округ (кабардинцы) – единственная из горцев Терской области, если не считать осетин, которая имеет крупных помещиков, дворян и князей. И если среди горцев – чеченцев и ингушей – мало заметна классовая дифференциация и народ представляет одно целое, то здесь имеет место крупное аграрное движение: все земли и пастбища помещиков и князей перешли в руки кабардинцев-крестьян» [21].

Одновременно большевики пытались воспользоваться противостоянием казаков и горцев и тем самым привлечь последних на сторону советской власти. По мнению О.О. Айшаева, казаки больше всего были недовольны земельной политикой советской власти, поскольку были вынуждены вернуть некогда отнятые у ингушей и чеченцев земли и переселиться в Пятигорский округ [22].

Для стабилизации обстановки правительство Терской советской республики предприняло попытку решения земельного вопроса. Второй съезд народов Терека положил в основу решения земельного вопроса Декрет Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов «О земле», согласно которому «каждый крестьянин независимо от национальности должен иметь землю». Освещая земельный вопрос на втором съезде народов Терека, А.И. Сахаров выделил следующие «земельно-территориальные группы» в области: 1) обеспеченные территориально и наделами (казачество); 2) обеспеченные территориально, но не обеспеченные наделами (кабардинцы); 3) малоземельные (плоскостные осетины, ингуши); 4) безземельные (живущие в горах осетины, ингуши, балкарцы, чеченцы) [23].

В связи с таким раскладом был поставлен вопрос о перераспределении земельного фонда области. Постановление съезда жестко увязывало проблему разграничения территорий народов региона с размером земельных угодий, находящихся в их фактическом пользовании. Но границы землепользования и землевладения не совпадали, так как общий недостаток земли вызывал необходимость арендных отношений между народами, и они в какой-то степени сглаживали земельно-территориальные проблемы. Однако декрет «О земле» запретил аренду. Арендная плата отменялась, а арендаторы наделялись правом обработки и хозяйственного использования ранее арендованных земель.

Предложение о ликвидации аренды обострило межнациональные отношения, ибо за счет урезки территории одного народа пополнялся земельный фонд другой этносоциальной общности. Национальный вопрос стал принимать конфликтный характер. В частности, из-за территориальных претензий резко ухудшились отношения между Кабардой и Карачаем.

Таким образом, новая политическая программа решения аграрного вопроса в области, предложенная большевиками, окончательно трансформировала земельный вопрос в территориальный. При этом наблюдалась устойчивая тенденция игнорирования исторических прав народов на отдельные участки земли. «В Терской Республике к таким понятиям, как «этническая территория», «этническая граница», наблюдался упрощенный подход» [24]. Такая политика делегитимизировала существующие этнические границы. В результате обострились аграрные и политические отношения в Терской области, став социальной основой для братоубийственной гражданской войны.

Сельские общества были предупреждены, что за нарушение установленных советской властью новых административно-территориальных границ нарушители будут караться по всей строгости революционных законов [25]. Тем не менее примеров нарушения советского законодательства было много. Конфискация земель у кабардинских князей и уорков и передача их крестьянам в какой-то мере решала проблемы землепользования и землевладения, поскольку шел процесс перераспределения земли внутри кабардинского социума. Передача же части кабардинских земель балкарским и карачаевским обществам вызвала жесткую реакцию бывшей элиты.

В апреле 1918 г. члены Горского правительства выступили с обращением к ряду государств Европы с просьбой о признании правительства Горской Республики. Тогда же представитель германского правительства, немецкий генерал фон Лоссов, специально командированный на Кавказ, поставил вопрос перед Горским правительством о необходимости объявления суверенности Горской Республики для последующего признания ее участниками намеченной в мае Батумской международной конференции.

11 мая 1918 г. на Батумской конференции была озвучена «Декларация об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской Республики)» [26]. Турция и Германия обещали Горскому правительству военную помощь, а в случае необходимости прислать вооружение и боеприпасы [27]. 13 мая 1918 г. правительство Горской Республики направило правительству РСФСР ноту об отделении ее от России. Нота была доставлена в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) РСФСР через германского посла в Москве графа Мирбаха. В своей ноте от 15 мая 1918 г. Советское правительство отказало в признании независимости Горской Республики, мотивируя свой отказ тем, что народы, проживающие на этой территории, на своих национальных съездах высказались за неразрывную связь с Российской Федерацией [28].

Военный комиссар Я.П. Бутырин на Третьем съезде народов Терека в г. Грозном 23–29 мая 1918 г. объявил о создании отрядов Красной Армии для того, чтобы «вывести горские массы из-под влияния сторонников турецкой ориентации» [29]. Там же было принято решение о переселении четырех станиц Сунженского отдела в Кизлярский и Пятигорский отделы и передачи их земель (35 тыс. десятин) горцам, в первую очередь жителям Ингушетии, Осетии, Чечни, Балкарии [30]. Это вызвало взрыв антисоветской агитации в казачьих станицах.

Правые эсеры и меньшевики пошли на контакт с казачеством и образовали в Терском Народном Совете свой блок, разорвав союзный «социалистический блок» с большевиками. Они стали открыто претендовать на политическое руководство терским казачеством, а меньшевик Г. Бичерахов занялся подготовкой восстания в Моздокском отделе.

По нашему мнению, только после начала практических действий Советской власти в решении аграрного и территориального вопросов гражданская война в Кабарде и Балкарии обрела социальную основу. Таким образом, постановка большевиками вопроса о наделении соседних обществ землей трансформировала земельный вопрос в территориальный и национальный.

Острота политических, социально-экономических и национально-правовых противоречий определила размах ожесточенной и длительной вооруженной борьбы на всем Северном Кавказе.

Библиография

1. Калмыков Б.Э. Статьи и речи / сост. Гугов Р.Х., Улигов У.А. Нальчик: Эльбрус, 1983. 239 с.
2. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2 / под ред. Х.Г. Берикетова и др. Нальчик: Эльбрус, 1965. 439 с.
3. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
4. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Гугов Р.Х., Татарокова Л.Б. и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.
5. Карданов Ч.Э. Из истории территориальных отношений Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эль-фа, 1993. 33 с.
6. Жанситов О.А. Противоправные действия Советской власти в Кабарде и Балкарии в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-е гг.: материалы научно-практической конференции. Нальчик, 11 мая 2007. С. 2–7.
7. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924-х гг.). СПб: СПбГУ, 2009. 224 с.
8. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразов. Изд-е второе. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. 295 с.
9. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост. А.Х. Кармов. Нальчик: КБИГИ, 2014. 168 с.
10. Революция 1905–1907 годов на Тереке: документы и материалы / сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе: Ир, 1980. 295 с.
11. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 493 с.
12. Письмо объединенного правительства «Юго-Восточного Союза» Центральному Комитету «Союза горцев» об объединении командования контрреволюционных войск Северного Кавказа для борьбы с революцией, 1 (13) января 1918 г. // Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Р.Х. Гугов, Л.Б. Татарокова и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 62.
13. Телеграмма Нальчикского окружного гражданского исполнительного комитета второму съезду народов Терека, 4 марта (19 февраля) 1918 г. // Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Р.Х. Гугов, Л.Б. Татарокова и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 95.
14. Сообщение из газеты «Народная власть» об открытии в г. Нальчике первого съезда трудящихся Нальчикского округа, 31 (18) марта 1918 г. // Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Гугов Р.Х., Татарокова Л.Б. и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 119–129.
15. Кажаров А.Г. Национально-политическое самоопределение народов Северного Кавказа в условиях революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Исторический вестник. Вып. X. Ч. I. Нальчик: КБИГИ, 2012. С. 153–189.
16. Варивода Н.В., Кажаров А.Г. и др. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860–1990-е годы // Исторический вестник. Вып. IX. Нальчик: КБИГИ, 2010. С. 449–466.
17. Кажаров А.Г. Вопросы землевладения и землепользования в условиях становления и развития государственности Кабардино-Балкарии в 1920-е гг. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность: материалы научно-практической конференции, 11 августа 2005 г. Нальчик: КБНЦ РАН, 2005. С. 122–143.
18. Выводы и рекомендации научно-практической конференции «Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность» (Нальчик, 11 августа 2005 г.) // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность: материалы научно-практической конференции, 11 августа 2005 г. Нальчик: КБНЦ РАН, 2005. С. 152–154.
19. Жанситов О.А. Противоправные действия Советской власти в Кабарде и Балкарии в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-е гг.: материалы научно-практической конференции. Нальчик, 11 мая 2007. С. 2–7.
20. Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 1997. 175 с.

21. Из доклада Г.К. Орджоникидзе в Совете Народных Комиссаров «Год Гражданской войны на Северном Кавказе», 10 июля 1919 г. // *Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.)* / сост. Гугов Р.Х., Татарокова Л.Б. и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 355.
22. Айшаев О.О. Терские казаки, боровшиеся против большевиков и Советской власти в 1917–1918 гг. // *Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х гг.* Вып. 5. Нальчик, 2011. С. 4–12.
23. *История Дона и Северного Кавказа (1917–2000 гг.)* / под ред. В.И. Афанасенко, А.В. Венков и др. Нальчик: Ростовский университет, 2004. 381 с.
24. Кажаров А.Г. Из истории этнотерриториальных отношений в Терской Республике в 1918 г. // *Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки.* Вып. 6. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2001. С. 5–8.
25. Карданов Ч.Э. Из истории территориальных отношений Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эль-фа, 1993. 33 с.
26. Декларация об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской Республики), 11 мая 1918 г. // *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.) (документы и материалы)* / сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразов. Изд-е 2-е. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. С. 76.
27. Договор об установлении дружественных отношений между Императорским Германским правительством и правительством Горской Республики, не ранее 11 мая 1918 г. // *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.) (документы и материалы)* / сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразов. Изд-е второе. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. С. 76–77.
28. Из ноты протеста правительства РСФСР германскому послу в Москве графу Мирбаху по поводу признания «независимости» Закавказской и Горской республик, отторжения их от России, 15 мая 1918 г. // *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.) (документы и материалы)* / сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразов. Изд-е 2-е. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. С. 77–78.
29. Из доклада военного комиссара Я.П. Бутырина на третьем съезде народов Терской области о создании отрядов Красной Армии, 26 мая 1918 г. // *Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.)* / сост. Р.Х. Гугов, Л.Б. Татарокова и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 169–170.
30. Резолюция третьего съезда народов Терека по земельному вопросу, 29 мая 1918 г. // *Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.)* / сост. Р.Х. Гугов, Л.Б. Татарокова и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 172–174.

**РОЛЬ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НАЛЬЧИКСКОГО
ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Дзагова Л.Н.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

d.l.1990@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов формирования и хозяйственного развития немецких колоний Нальчикского округа Терской области в последней трети XIX–начале XX века. Извлеченные из архивных источников ЦГА КБР эмпирические данные являются основанием для анализа и оценки роли немецкого населения в экономической жизни региона и свидетельствуют о достаточно высоком уровне его предпринимательской активности.

Ключевые слова: Нальчикский округ Терской области, последняя треть XIX–начало XX в., немцы, немецкие колонии, экономическое развитие.

**ROLE OF GERMAN IMMIGRANTS IN THE ECONOMIC LIFE OF THE NALCHIK
DISTRICT TEREK REGION IN THE LAST THIRD XIX–EARLY CENTURE**

Dzagova L.N.

Kabardino-Balkarian State University

The article investigates the formation and economic development of German colonies Nalchik District Terek region in the last third of XIX–early XX century. Lessons from archival sources CSA KBR empirical data are the basis for the analysis and assessment of the role of the German population in the economic life of the region and demonstrate a high level of its business activity.

Keywords: Nalchik district Terek region, last third of the XIX–beginning of XX century, germans, german colonies, economic development.

В последней трети XIX–начале XX в. Нальчикский округ Терской области являлся местом проживания различных этнических групп. Наряду с коренными жителями переселенцы из других регионов в значительной степени влияли на все сферы жизни общества. Одним из элементов этнической структуры Нальчикского округа являлись немецкие колонисты, которые сыграли определенную роль в экономическом развитии региона.

Вопрос о миграции немецкого населения на Северный Кавказ в XIX в. достаточно хорошо изучен в историографии. Первые немецкие колонисты, выходцы из Саратовской губернии, поселились близ укреплений Нальчик в 1852 г. Впоследствии это поселение назвали в честь императора Александра II – Александровской колонией. В 1859–1860 гг. колонии было нарезано 1500 десятин удобной и неудобной земли «по числу наличных» 92 «ревизских душ». А в 1862 г. в Александровскую колонию прибыло еще 59 немецких переселенцев из Саратовской губернии [1].

С расселением немецких колонистов на Центральном Кавказе российская администрация связывала большие надежды на распространение прогрессивных методов ведения хозяйства среди горского населения [2]. Однако на первых порах ожидаемый эффект не был достигнут. Так, в переписке середины 1860-х гг. начальника Терской области генерал-адъютанта Лорис-Меликова с канцелярией главнокомандующего армией на Кавказе отмечалось, что Александровская немецкая колония по способам ведения хозяйства не сможет служить достойным примером горскому населению края, следовательно, надежды, возлагаемые на переселенцев в улучшении способов хозяйствования, не оправдались [3]. Лорис-Меликов видел несколько причин такого положения дел. Одна из них состояла в том, что переписка по водворению немецких колонистов около крепости Нальчик велась более 8 лет, и первые переселенцы в ожидании конечного решения их судьбы не обустроивались на новом месте жительства. Основная же причина низкой экономической эффективности этой немецкой колонии заключалась, по мнению начальника Терской области, в том, что первые немецкие переселенцы были не из Германии, а из Саратовской губернии, и многие из них не обладали даже элементарными навыками ведения сельского хозяйства [4]. Еще одна причина виделась в том, что достаточно длительное время немцы жили очень изолиро-

ванно, не шли на контакт с местным населением и мало перенимали их опыт ведения хозяйства в привычных природно-климатических условиях. К такому же выводу, проанализировав состояние Александровской немецкой колонии в 1864 г., приходит и председатель комиссии по личным и поземельным правам туземцев Терской области Д. Кодзоков: «колонисты эти, никогда не видевшие Германию, ... не оправдали тех надежд, кои воображались при их поселении...» [5].

Со временем обозначенные трудности успешно преодолевались, и к концу XIX в. численность немецкого населения в Нальчикском округе существенно возросла. По мнению исследователей, одним из факторов активной миграции явилась массовая продажа кабардинских частных землевладений и низкая арендная плата за землю. В результате на купленных и арендованных участках земли в Нальчикском округе Терской области были образованы следующие немецкие колонии: Гнаденбург (1881 г.), Куркужино-Атажукинская колония (1884 г.), Гофнунгсфельд (1908 г.) и колония Эбен-Эцер (1909 г.) [6].

К 1900 г. в Нальчикском округе Терской области проживало 1090 немцев, в 1905 г. – 1404, в 1910 г. – 2125, в 1915 г. – 2442 [7]. Таким образом, только за первые пятнадцать лет XX в. численность немецкого населения в округе возросла в 2 раза.

Адаптация немецких колонистов к местным климатическим и социальным условиям происходила постепенно. Следует отметить, что при этом они являлись трансляторами специфических видов хозяйствования, несвойственных коренному населению.

В конце XIX–начале XX века в Нальчикском округе уже начинается распространение сельскохозяйственных знаний и подготовка специалистов сельского хозяйства. Согласно источникам, именно в немецких колониях получили распространение наиболее передовые способы землепользования: применяли июльский пар, причем бороновали вслед за вспашкой, а для сенокоса держали отдельно 3–5-летнюю залежь. «У наиболее старательных хозяев при комбинации с разными пропашными севооборот растягивался на 5–6 лет...». Применялось чередование культур: пар майский (или июльский) – пшеница (или лен) – пшеница (или люцерна) – картофель – яровые. На хутора: толока – бахча – озимь – картофель – яровые [8].

Исследователи отмечают, что основу хозяйства немецких переселенцев составляли огородничество, садоводство, табаководство и частично зерновое земледелие. Немцы выращивали ранние сорта овощей, чтобы до наступления летней жары и засухи они окрепли – капусту, картофель, огурцы, дыни, арбузы, морковь, артишоки, салат и цветы на продажу [9]. Например, в колонии Гнаденбург занимались производством пшеницы, ячменя, кукурузы, конопли, горчицы, картофеля, арбузов, дынь. Практиковалась и сдача земли в аренду. Так, в 1904 году 83 десятины земли на сумму 283 р. было сдано в аренду [10]. Занимались колонисты и пчеловодством. За 1904 год было собрано меда 25 пудов на сумму 200 р., воска – 1 пуд на сумму 20 р. [11]. В 1910 году число рамочных ульев составляло 12 [12].

Отдельное место в хозяйстве немецкого населения отводилось виноградарству и виноделию, которое сыграло большую роль в развитии предпринимательского слоя. В Гнаденбурге немцы выращивали высшие сорта винограда [13]. К началу XX в. в распоряжении этой колонии имелось более 100 дес. виноградников, с которых колонисты получали хорошие урожаи до 400–500 пудов с десятины, и продавали в виде винограда и вина [14]. В 1904 году общая площадь виноградников в этой колонии составляла 120 десятин, в этом году было собрано 20577 пудов винограда и выделано 9566 ведер вина и сула [15]. В это время в Гнаденбурге ежегодно продавалось вина на сумму 13000 рублей [16]. Однако в связи с тем, что немцы старались производить как можно больше вина, не заботясь о его качестве, в основном оно шло на изготовление спирта [17]. В Александровской колонии в 1894 году виноградные сады имелись у П. Гудермеля, Я. Шварца, Г. Вельца, Г. Шлюнда, Ф. Кейбеля, И. Гудермеля, Г. Шнайдера, И. Рудермента, Я. Фолтка и др. [18].

Определенные успехи немецкое население достигло в товарном скотоводстве. В конце XIX века в Нальчикском округе прославился так называемый немецкий скот, который преимущественно встречался в немецких колониях, как в больших хозяйствах, так и у частных лиц [19]. При переселении на Северный Кавказ немцы приводили с собой симментальский (швейцарский) или красный немецкий скот, который отличался высокой молочной продуктивностью. Не последнюю роль играли хорошие условия ухода и содержания скота. Товарное молочное производство расширялось в немецких колониях, что было обусловлено высоким спросом увеличивающегося городского населения на молочные продукты.

По свидетельству современников, население Нальчика получало молочные продукты от немецких жителей. Н. Ф. Грабовский отмечал, что «немцы, далеко не имеющие столько скота, как кабардинцы, и вообще поставленные в менее выгодные жизненные условия, снабжают Нальчик всем необходимым в домашности» [20]. Обработка шерсти, шкур и кожи была в немецких колониях настолько качественной, что их покупали с удовольствием за границей [13]. Получило развитие и производство скота на продажу. Так, в 1904 году в колонии Гнаденбург содержалось 384 лошади, 471 голова крупного рогатого скота и 258 свиней. Из них в этом году было продано 66 лошадей на сумму 4303 р. и 36 голов крупного рогатого скота на сумму 1995 р. [21].

Что касается развития промышленного производства в конце XIX–начале XX в., то его успехи не были столь заметны, как, например, во Владикавказском округе. Тем не менее архивные документы позволяют выявить факты предпринимательской активности немецкого населения Нальчикского округа. Согласно статистическим данным, в 1884 году в слободе Нальчик работало 3 кирпично-черепичных завода; одна маслобойня И. Филиппова; два гончарных завода, принадлежавших выходцам из Дагестана; 4 водяные мельницы на р. Нальчике, из которых одна принадлежала жителю Александровской колонии Я. Сайбелю. В самой Александровской немецкой колонии имелась одна водяная мельница [22].

В 1904 году в колонии Александровской зафиксировано уже 3 мукомольные мельницы [23], в колонии Гнаденбург – водяная и ветряная мельницы [24], а в селении Ново-Ивановское – одна мукомольная мельница, также принадлежавшая немцу [25].

Постепенно в немецких колониях Нальчикского округа формировался предпринимательский слой. По данным за 1914 г., житель колонии Гнаденбург П.В. Брандербург владел складом земледельческих орудий и машин, а Г.Ф. Зингер и Г.Г. Розенбурер владели мануфактурно-бакалейными лавками [26].

С возрастанием роли Нальчика как торгового центра Кабарды немецкое население округа все активнее вовлекалось в торговую деятельность. Торговля развивалась быстрыми темпами во многом благодаря ярмаркам, которые проходили в Нальчикском округе в разное время. Колонисты принимали активное участие в ярмарках и базарах Северного Кавказа. Продавали не только излишки своего домашнего производства, но и производили продукцию специально для продажи. Например, жители Александровской немецкой колонии торговали в большом количестве продуктами питания. Если оставались излишки, то скупщики приезжали за ними из Владикавказа. Высокий спрос имели «масла, считавшиеся высококачественными» [20].

По источникам известно, что в 1880 году в слободе Нальчик проживала немецкая семья, которая занималась мясной торговлей. В кабардинском селении Коново немец Б. Фридман организовал мелочную торговлю [27].

Также по архивным материалам можно проследить, что отдельные представители немецкого населения Нальчикской слободы занимались стекольным, сапожным, малярным, портняжным и часовым ремеслом, а также являлись арендаторами базарных площадей [28].

Приведенный фактологический материал позволяет сделать следующие выводы. Немецкому населению кавказская администрация отводила «культуртрегерскую» (букв. носители культуры) роль. Создание образцовых экономий и применение улучшенных способов хозяйствования должно было способствовать экономическому развитию местного населения. Однако на первых порах переселенцы столкнулись с определенными и трудностями, но уже к концу XIX в. их роль в экономике Нальчикского округа становится весьма заметной.

Прежде всего немецкие колонисты заняли те экономические ниши, которые не были освоены местным населением. Так, они заложили основу для развития молочно-товарного направления в животноводстве, которое получило развитие в Нальчикском округе благодаря распространению симментальской породы крупного рогатого скота. Кроме того, в немецких поселениях занимались свиноводством, но общее количество свиней было невелико, вероятно сказывался ограниченный сбыт в условиях мусульманского окружения.

Земледелие немецких колонистов отличалось применением правильных постоянных севооборотов и расширенным возделыванием овощных культур, в том числе и на продажу. Большое внимание немецкие поселенцы уделяли садоводству. С учетом местных климатических условий они выращивали различные сорта винограда и достигли наилучших результатов в области виноделия среди прочего населения округа.

Заметную экономическую активность и предпринимательский дух немцы проявили в ярмарочной торговле, ремесле и кустарной промышленности. Правильный выбор хозяйственной ниши и узкая специализация в самых перспективных и доходных отраслях экономики Нальчикского округа обеспечили им успех на внутреннем рынке. Таким образом, роль немецких колонистов в экономической жизни Нальчикского округа Терской области в последней трети XIX–начале XX века была довольно существенной несмотря на незначительное их количество в общей структуре населения.

Библиография

1. Дзагов Р.Н. Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX–начало XX века). Нальчик: КБИГИ, 2009. 164 с.
2. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР). Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 17об., 18.

3. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 18, 18 об.
4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 802. Л. 5.
5. ЦГА КБР. Ф.И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 18 и об.
6. Дзагов Р.Н. Немцы в этнокультурном пространстве Кабардино-Балкарии: история и современность // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 5 (49). С. 150–156.
7. Терский календарь на 1900 г. Владикавказ, 1899; Терский календарь на 1905 г. Владикавказ, 1904; Терский календарь на 1910 г. Владикавказ, 1909; Терский календарь на 1915 г. Владикавказ, 1914.
8. Христианович В.П. Сельскохозяйственные районы Кабарды. Воронеж, 1929. 214 с.
9. Корнилова М.В. Немецкие поселения на Северном Кавказе в XIX–начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2006. 212 с.
10. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 649. Т.2. Л. 192.
11. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 649. Т.2. Л. 196.
12. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 791. Л. 145.
13. Агаева Э.Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы Российско-Германской научной конференции. М., 1995. С. 120–130.
14. Морев Н.И. Виноградарство и виноделие в Пятигорском отделе Терской области // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Выпуск IX. Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области. Ч. 1. Тифлис, 1901.
15. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 649. Т. 2. Л. 196.
16. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 791. Л. 145 об., 146.
17. Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878.
18. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп.1 Д. 292. Т. 2. Л. 140.
19. Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 г. Владикавказ, 1914.
20. Грабовский Н.Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 3. Тифлис, 1870. Отд. IV. С. 1–28.
21. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 649. Т. 2. Л. 198.
22. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 43. Л. 74.
23. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 641. Л. 5 об, 6.
24. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 649. Т.2. Л. 200.
25. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 641. Л. 27.
26. Терский календарь на 1915 г. Владикавказ, 1914.
27. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 125. Л.3.
28. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп.1 Д. 125. Л. 12–14.

ФОЛЬКЛОР И ФЕНОМЕНЫ СОЗНАНИЯ ЧЕРКЕШЕНКИ XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

Коновалов А.А., *Кумахова З.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*kzaira@list.ru

Статья посвящена проблеме выявления феноменов сознания черкешенки XIX–начала XX вв. Для раскрытия данного вопроса весьма продуктивными источниками являются народные песни, пословицы и поговорки. Анализ данного вида фольклорных источников позволяет раскрыть категории мировоззрения черкешенки, формировавшие ее картину мира.

Ключевые слова: феномены сознания, картина мира, черкешенка, фольклор.

FOLKLORE AND PHENOMENA OF CONSCIOUSNESS OF THE CIRCASSIAN WOMAN OF THE XIX–THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Konovalev A.A., Kumakhova Z.H.

Kabardino-Balkarian State University

The article is devoted to the issue of the identification of phenomena of consciousness of the Circassian woman of the XIX–the beginning of the XX century. National songs, proverbs and sayings are very productive for the revelation of this issue. The analysis of this type of folklore sources allows opening the categories of outlook of the Circassian woman forming her picture of the world.

Keywords: phenomena of consciousness, picture of the world, Circassian woman, folklore.

В современной науке происходит обновление содержательного пространства, переосмысление научной проблематики, смещение фокуса исторических исследований. На первое место выходят ранее считавшиеся несущественными категории: картина мира, повседневность, ментальные представления, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки [1]. В свете происходящих изменений стала явной недостаточность изучения только внешних характеристик жизни черкесской женщины. Заявляет о себе необходимость исследования внутреннего мира черкешенки и ее взгляда на мир и себя. Более того, на постнеклассическом этапе развития гуманитарного знания именно субъективность выходит на авансцену, что позволяет выявить феномены сознания и типологизировать категории мировидения черкесской женщины XIX–начала XX в.

Источниками, несущими в себе отпечаток эмоций черкешенки, являются различные виды народных песен и пословицы. Через изучение народных песен выявляются идеальные образы в мировоззрении черкесской женщины, а пословицы наглядно иллюстрируют бытовые, повседневные ситуации.

Адыгский просветитель XIX века Адыль-Гирей Кешев утверждал, что из всех произведений народного творчества песня служит наиболее полным и верным выражением отличительных свойств народного характера. Вот почему при изучении бытовых особенностей какого-либо народа исследователи обращаются к песням как к одному из главнейших пособий, сохранившихся в его памяти.

Песня, утверждал просветитель, приобретает значение исторического документа даже в таких странах, где письменные памятники сохранились с древнейших времен. Понятно, что она должна быть рядом «с изустными преданиями, единственным достоверным источником при исследовании прошлой жизни всякого народа, не имевшего никогда письменности, каковы, например, кавказские туземцы» [2].

Одним из важнейших феноменов картины мира адыгской женщины следует считать мужчину. С первых минут жизни ее готовили к замужеству, напевая ей колыбельные, песни первого шага. В девочку закладывали качества идеальной жены, снохи, матери и, что занимало немаловажное место в жизни адыгов, прививались представления о стандартах красоты черкешенки.

Основная тематика адыгских колыбельных песен – это радость родителей, их мечты о прекрасном будущем для ребенка. Создателями и исполнителями колыбельных песен являются женщины, в основном матери и бабушки. Понятно, что содержание песен связано с их миром переживаний.

Спи, спи моя лохматая куколка
Моя лохматенькая, малюсенькая,

Чьи глаза карие,
Чье лицо – бледное луна,
Чье лицо блестит как солнце [3].

В последующей жизни тема красоты и благонравия, скромности и достоинства получает продолжение в виде поздравительных песен – тостов невесте:

Чтобы всегда красивой была,
Чтобы всегда счастливой была
Мы желаем невесте
Чтобы немало рожала детей
Чтобы рожала одних сыновей
Мы желаем невесте [4].

В песнях прослеживается идеальный образ мужчины, за которого следует выходить замуж, оговаривались качества, которыми должен был обладать будущий муж, чтобы в свою очередь быть достойным девушки.

Как пелуан, мой шао храбрый
Ты выше – о горе! всех смелых.
Шашкою ловко владеешь,
Уоркам набегамы служишь,
Как пелуан, мой шао славный [5]!

В рамках этого феномена прослеживается отношение черкешенки к таким чертам характера, как гордость и честь, смекалка, остроумие и т.д., причем имеется в виду не только их присутствие в мужчинах, но и в самой женщине, девушке.

Особой категорией сознания черкесской женщины была война и отношение к ней. Через нее прослеживаются феномены смерти, мужества, ценности жизни. Кавказская война оказала огромное влияние на жизнь и сознание черкешенки XIX века. Фольклорными источниками, в наибольшей степени позволяющими изучить это влияние, являются песни-плачи (гъыбзэ). Призванные оплакивать погибших участников войны – адыгов, они при внимательном и детальном анализе предоставляют исследователю обширный материал. Это качества, ожидаемые от мужчин-воинов, многочисленные сюжеты где описываются совершенные ими подвиги, за которые их увековечили в народной памяти.

Песни-плачи позволяют проследить изменение отношения к привычным, обыденным вещам под влиянием разрушительной войны. В этой связи заслуживает внимания изменение отношения к детству в колыбельных песнях. Эти песни становятся не просто способом укачать ребенка, постепенно они начинают оказывать целенаправленное влияние на характер будущего воина. В сына теперь закладываются не просто качества достойного адыга, его растят как воина-мстителя гяурам, убившим его отца.

Умер отец твой, а я осталась.
Хоть и не стала бы смерти бояться,
Буду теперь героя растить,
Бесстрашного богатыря,
Кабарде моей защитника [5].

Другая песня повествует о плененном царскими войсками горце и о горе, испытываемом его возлюбленной, которой не милы стали все украшения и золото, если жизнь возлюбленного в опасности.

Черная гармошка в руках Нуры.
Кабаны жиреют на тучной земле.
Взяли милого друга Дауга.
Дорогой снимаю перстень,
Бросаю в подол я перстень [5].

Песня очень ясно передает настроение, испытываемое исполнительницей. Такие метафоры, как «черная гармошка», «кабаны жиреют на тучной земле» выражают ее скорбь, гнев и ненависть к захватчикам.

В «Песне-плаче о жителях Лабы» повествование ведется от имени женщины. Отношение к изображаемому событию в ней выражено через восприятие женщин, вынужденных принимать непосредственное участие в сражении и переносящих все ужасы плена. В песне последовательно раскрываются злодейства солдат, их бессердечие, жестокое обращение с населением.

Река уносила детские трупы:
Ханний, жена брата моего мужа.
На вид чернявая, тоненькая.
Шелковистые ее две большие косы
Служат уздечкой для гяуров.
Когда посмотрим в конец аула,
То река несет детские трупы [5].

Существенными категориями сознания черкесской женщины являются богатство, любовь, труд и т.д. Переплетаясь между собой, накладываясь одно на другое, эти феномены образовывали целостную картину мира.

Для выявления феноменов сознания черкешенки XIX–начала XX века весьма продуктивным источником являются пословицы. Пословица – это синтезированная, закодированная в специфические форму и структуру информация, содержащая выводы и закономерности, касающиеся разнообразных сторон бытия; это, как отмечалось в литературе, мировоззрение, нравственная, этическая, наконец, эстетическая система, свойственная данной этнокультурной традиции.

Следует подчеркнуть, что в кабардино-черкесском языке пословицы и поговорки говорят в основном о женщине вообще, но выделены и небольшие группы пословиц и поговорок, характеризующих жену, вдову, дочь, мать [6].

К группе пословиц с положительной характеристикой можно отнести следующие: «Ныбжьэгъум ягъэпуда лъыр фызыфЫм кыдехыж» (престиж мужа, подорванный друзьями, восстанавливает жена), «Уи фыз ламэ, уи щЫльэныкъуэ гуэшуаш» (Скончалась жена – не стало половины тебя), «Фыз зимыІэ щІалэрэ шхуэ зыпщІэхэмыль шырэ» (Мужчина без жены, что конь без уздечки) и т.д. [7].

Весомость жанра пословицы, поговорки, как впрочем и других паремий, в культуре бесписьменного в прошлом народа несоизмеримо выше, нежели у народов, обладающих письменностью, ибо именно на эти лапидарные, емкие, обладающие мощным смысловым потенциалом формы ложится общая для всего фольклора функция коммуникации, трансформации культурной традиции [6].

Конечно, далеко не всегда сюжет фольклорного произведения в точности воспроизводит реальные события, и не всегда содержащиеся в песне или преданиях оценки объективны и исходят из подлинного положения вещей. Но в любом случае в народном творчестве выражаются мировосприятие и интерпретация конкретных событий, свойственные огромной массе простых людей [5].

Воспоминания человека, прошедшие через его сознание, отражают его «видение» событий, не обязательно совпадающее с «видением» других людей или с реальностью. В то же время субъективность может быть достоинством устных источников, предоставляя широкое поле для исследований в области формирования и трансформации исторического сознания, а также ментальности народа [8].

Таким образом, исследование фольклорных источников позволяет выстроить картину мира черкешенки и выделить наиболее яркие категории ее мышления, феномены, формировавшие ее сознание. Различные формы фольклора и категории сознания черкешенки развивались коэволюционно, взаимно влияли друг на друга. Фольклор как неотъемлемая часть жизни адыгского общества в серьезной степени формировал личность черкешенки с самого раннего возраста и на протяжении всей жизни. Черкешенка же в свою очередь оказывала воздействие на фольклор как посредством его применения в повседневной жизни, так и принимая участие в его формировании.

Библиография

1. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
2. Кешев Адыль-Гирей. Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 123–142.
3. Мижаев М.И. Детский песенный фольклор адыгов // Сборник статей КЧНИИ. 1973. Вып. VII. С. 112–124.
4. Песни живших до нас: из народной лирики кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд., 1966. 190 с.
5. Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 237 с.
6. Кудаева З.Ж. Адыгские пословицы и поговорки. Нальчик: Эльбрус, 1997. 45 с.
7. Темирчиева Р.С. К вопросу «женщина-мать» и «женщина-жена» в пословицах русского и кабардино-черкесского языков // Перспектива-2008: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2008. Т. 1. С. 152–156.
8. Цикушева С.Я. Устные источники в работах Ш. Ногмова и Хан-Гирея / науч. ред. Э.А. Шеуджен // Вопросы теории и методологии истории 2007. Вып. 6. С. 105–127.

УДК 930.1

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВА XIX В. В СОВРЕМЕННОМ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АДЫГОВЕДЕНИЯ**

Кузьминов П.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

petrakis_hist@bk.ru

В статье рассматриваются концепции историков и правоведов, анализирующих нормы обычного права и их роль в общественной жизни адыгов XIX в. Особое внимание в анализируемых работах уделено реформированию правовой системы народов Северного Кавказа в 60–70-е гг. XIX в., когда была проведена модернизация права с целью подготовить постепенный переход адыгов к российскому судопроизводству. Обоснована роль коронного правительства в формировании новой правовой системы.

Ключевые слова: концепция, реформы, адат, шариат, система права, полиюридизм.

**PROBLEMS OF THE RIGHT OF XIX CENTURY IN THE MODERN
HISTORIOGRAPHICAL DISCOURSE OF ADYQ STUDIES**

Kuzminov P.A.

Kabardino-Balkarian State University

In the article examined the concepts of historians and legal scholars who analyze the norms of customary right and their role in public life Circassians of XIX century. Particular attention in the analyzed works is paid to reform of the legal system of North Caucasus in the 60–70-s XIX century, when the right was modernized with the aim to prepare a gradual transition Circassians to the Russian legal proceedings. Substantiates the role of the crown government in the formation of a new legal system.

Keywords: concept, reform, adat, shariat, the legal system, the poliyuridizm.

Недостаточное внимание к проблемам права в советской исторической науке обусловило пристальное внимание современной научной общественности к этой стороне жизни адыгских народов. За последние два десятилетия защищены десятки диссертаций, опубликованы сотни статей и книг. Поскольку весь корпус историографических источников рассмотреть невозможно в рамках данной статьи, то остановимся на наиболее важных для науки.

Целью нашего исследования является историографический анализ научных работ по истории права адыгов XIX в.

Среди массы работ, посвященных данной проблеме, выделим две группы трудов: статьи, диссертации и монографии историков и правоведов. Их объединяют хронологические и территориальные рамки, методы и предмет исследования. При этом историки стремятся выявить новые документальные материалы по исследуемой теме, с помощью которых они реконструируют систему права, а юристы обращают внимание на анализ законодательных актов, пытаясь понять смысл «буквы и духа» закона.

Изменение традиционной судебной системы у западных черкесов в пореформенный период исследовала Ф.Я. Азашикова [1]. Новым и, на наш взгляд, продуктивным приемом изучения проблемы стал «текстологический подход к адату, т.е. рассмотрение адата с точки зрения текстолога». Оригинальным является подход соискателя к источникам, при котором помимо традиционных норм права рассматриваются Коран и сунна. Это было важно, по мнению диссертанта, потому что вопреки общепринятому мнению, они не являются основными источниками шариатского права черкесов. Простое текстуальное сопоставление священного писания и зафиксированных этнографами практических действий шариатских судов на Кавказе показывает, утверждает исследовательница, что доля прямых совпадений очень мала, поскольку адат сложился как институт вне связи с исламом [1].

Проведя анализ адатов, диссертант пришла к выводу о том, что черкесские адаты к началу XIX в. сложились как стройное и удовлетворяющее потребности общества право. Текстовое оформление адатов позволило структурировать их, выделив гражданское, уголовное, избирательное и судебное право, а также право, распространяющееся на собственность.

Институт частной собственности и имущественного права был чрезвычайно развит у черкесов, причем это касалось не только разделения собственности внутри семьи, между мужем и женой, но и внутри рода. Основным видом собственности была собственность на землю, скот, сельскохозяйственные угодья и пастбища. Данный вид собственности подразделялся на собственность общинную и собственность личную, что нашло отражение в целой группе адатов. Эти данные подтверждают выводы советских ученых о феодальных отношениях адыгов в конце XVIII в.

Все правонарушения черкесов, по мнению Азашиковой, можно разделить на ряд категорий: во-первых, преступления против собственного рода; во-вторых, против чужого рода; в-третьих, преступления как таковые. Наиболее тяжкими считались преступления, наносящие ущерб роду в целом.

Завершая анализ традиционной системы судопроизводства, автор приходит к обоснованному выводу, что полная независимость адатских, шариатских и княжеских судов, а также их абсолютная авторитетность в Черкессии были весьма относительны и требовали реформирования [1]. Конкретики о векторе изменений нет, но сама акцентуация вопроса о закономерности правовых преобразований примечательна.

Проанализировав «Временные правила о горских словесных судах», Азашикова считает, что самым большим достижением судебной реформы на Северо-Западном Кавказе была попытка совмещения российского законодательства с местными национальными и религиозными обычаями. Но попытка судебной реформы на Кавказе так и не была реализована в полной мере, поэтому она не могла дать ожидаемого результата. Реально независимой ветвью власти суды на Северо-Западном Кавказе так и не стали. Добавим, что не стали реальной властью они и в центральных губерниях России.

С расшифровки понятия «правовой плюрализм» начала свое исследование И.Л. Бабич [2], поставив задачу изучить правовую культуру адыгов. Освещая институты традиционной правовой системы, исследовательница считает, что «приняв российское подданство, адыгские народы в течение долгого времени не испытывали значительного давления со стороны российской администрации». Понадобилось 30 лет (1793–1822), чтобы навязать кабардинцам новое административно-правовое учреждение – Кабардинский временный суд, который «при рассмотрении гражданских дел должен был использовать нормы адата, при разборе уголовных – уголовное законодательство Российской империи, семейных – нормы шариата» [2]. Автор «забыла» упомянуть, что это были самые сложные годы взаимоотношений Кабарды и России, в ходе которых отмечены мощные антироссийские выступления, карательные походы Глазенапа, Булгакова, Ермолова в район Центрального Кавказа, миграцию десятков тысяч кабардинцев за Кубань, потери государственного суверенитета и т.д.

Опираясь на работы предшественников и архивные материалы, И.Л. Бабич анализирует работу шариатского, медиаторского и сельского судопроизводства в пореформенный период. По ее наблюдениям, «в адыгской общине сельские суды не стали действенным судебным органом» [2], но причины этого не указывает.

Окружные суды в 1871 г. были заменены на горские словесные суды. Для рассмотрения спорных ситуаций, имевших место в адыгских обществах, были созданы четыре суда, пишет автор. Так, в Кубанской области Екатеринодарский суд рассматривал дела чемигуевцев, бжедугов, шапсугов, натухаевцев; Майкопский – кабардинцев, абадзехов, темиргоевцев, абазин; Баталпашинский – кабардинцев, абазин, абадзехов, карачаевцев, бесленеевцев, ногайцев. В Терской области – Нальчикский суд – кабардинцев и балкарцев. Для определения сферы их деятельности были опубликованы «Временные правила для горских судов Кубанской и Терской областей», которые действовали до 1917 г. [2]. В словесных судах применялись обычно-правовые институты доказательств виновности: принятие очистительной присяги и институт свидетелей, которые клялись на Коране в том, что обвиняемый невиновен. Российские юристы считали эту систему крайне неэффективной, поскольку горцы с готовностью давали ложные присяги для спасения родственника или товарища. По мнению И.Л. Бабич, это свидетельствует не столько о неуважении к присяге как таковой, сколько о неуважении к российскому судопроизводству. Та же присяга применялась в медиаторском суде и была эффективным средством решения судебных ситуаций. В Горский словесный суд адыги обращались редко, поскольку «бытовало мнение, что такое обращение позорно, поэтому общинники к жалобщикам относились плохо» [2].

Наиболее популярным, отвечающим традиционным правовым представлениям адыгов, утверждает исследовательница, был медиаторский суд, который в пореформенный период определял степень нанесенного ущерба и установление размеров компенсации.

Содержание монографии И.Л. Бабич легло в основу защищенной докторской диссертации [3]. Характеризуя правовую политику России на Северо-Западном Кавказе, автор утверждает, что в 1860-е г. она заключалась в решении двух основных задач: во-первых, создании определенной административно-общественной системы, которая была бы способна поддерживать правопорядок в адыгской общине, во-вторых, включении адыгов как субъекта Российского государства в общегосударственную общественно-

административную правовую систему и приобретении ими всех прав и обязанностей российского подданного. Об этом свидетельствует, по мнению исследовательницы, проведение преобразований в сельском общинном управлении и появление должности сельского старшины. Во-вторых, сельский сход в пореформенное время, с одной стороны, продолжал оставаться традиционным адыгским общественным институтом управления, а с другой – был узаконен российской администрацией [3]. Но указанные положения не раскрывают заявленного принципиального тезиса о субъектности адыгов и включении их в государственную административно-правовую систему. Ведь приведены положения только о статусе сельского схода, который не имел права голоса в решении проблем всего народа.

Важнейшим направлением правовой реформы, подчеркивает Бабич, была модернизация права с целью подготовить постепенный переход адыгов к российскому судопроизводству. Это утверждение исследовательницы стало хрестоматийным, которое широко используется исследователями. С этой целью были сохранены ключевые нормы адата, шариата в судопроизводстве и введен российский контроль над их деятельностью [3].

Рассматривая проблему распространения на горское население Северного Кавказа принципов российского права, принятых в 1864 г., В.Н. Мальцев скрупулезно изучил «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», их деятельность и пришел к выводу, что государство приложило максимум усилий для интеграции горцев в правовое пространство России.

Суть проблемы, стоящей перед исследователями горских словесных судов, сводится, по его мнению, к ответу на вопрос, насколько необходимы были реформы горских правовых отношений и следовало ли правительству как можно быстрее вводить на Кавказе общероссийские правовые нормы и судопроизводство или, наоборот, опираться на местные горские законы, т.е. пойти по тому пути, который в настоящее время находит выражение в идеях «полиюридизма» [4].

Разброс мнений отечественных историков в оценке правовой политики правительства в регионе существует потому, считает ученый, что при исследовании проблемы, как правило, историки не обращали внимания на особенности введения российских принципов административно-судебного устройства горцев на разных этапах создания имперских структур власти в северокавказском регионе [5]. При всех колебаниях правительственного курса, считает ученый, основным направлением в выработке юридически приемлемых для горского населения законов оставалось «распространение основ гражданского управления». Задача была крайне сложна, ведь необходимо было привить горцам, воспитанным на основе традиционного правосознания, чуждые ему российские правовые нормы. И если данная задача до конца выполнена не была, то во многом «не из-за невосприимчивости горцев к российским законам, а из-за излишнего консерватизма российской власти и её непоследовательности» [4].

В.И. Мальцев убежден, что механически, путём немедленной отмены местных законов, без учёта особенностей правовой ситуации в национальных районах Российской империи и поспешным распространением судебных уставов 1864 г. проблема правовой интеграции не могла быть решена в принципе. Необходим был учёт интересов населения региона на основе постепенного его «вписывания» в социально-политическую структуру государства.

С распадом СССР юристы все чаще стали обращаться к историко-правовым проблемам. На стыке гуманитарных наук появляются многочисленные исследования, которые позволили углубить представления о прошлом. Так, юрист Т.В. Фарои занялась изучением малоизученных вопросов правового регулирования системы государственного управления и самоуправления на Кубани [6].

Правовая концепция России на Северном Кавказе была обусловлена, по мнению Т.В. Фарои, гибкой, пластичной, компромиссной, маневренной политикой, нацеленной на постепенное «встраивание» норм и институтов традиционного права в российское правовое пространство и плавную интеграцию разных правовых систем – российской православной и мусульманской [6].

Историко-правовой анализ адатного права и судопроизводства народов Северного Кавказа провела Л.Х. Сатушиева. Автор правомерно связала эволюцию норм обычного права с исламизацией горских обществ под влиянием Османской Турции в первой половине XIX века, когда мусульманское право, проникнув в повседневность горцев, обусловило функционирование брачно-семейных и наследственных отношений в горском обществе [7].

Освещая порядок заключения брака путем умыкания невесты в первой половине XIX века, автор подчеркивает, что распространение исламских свадебных церемоний в повседневной жизни адыгов носило прогрессивный характер, поскольку начало складываться правовое оформление брака, горец после похищения невесты обязан был в тот же день совершить исламский обряд неках. При сохранении адатного калыма в горском обществе появился махр – норма мусульманского права, обеспечивающая материальное положение жены. В отличие от калыма, который шел в пользование родителей невесты, махр шел в пользу невесты, она получала его после вступления в брак от мужа. Он был ее собственностью и

при разводе оставался у нее. Одновременно начали распространяться нормы мусульманского права в области наследования, что в значительной степени улучшило материальное и социальное положение горских женщин. Согласно шариату, женщинами выделялась 1/8 доля наследства [7].

Подводя итоги, Л.Х. Сатушиева констатирует, что в течение всего XIX века горский адат терял свои лидирующие позиции. Искусственное сохранение Россией горского адата на Северо-Западном Кавказе лишь тормозило развитие горского общества. Заслужкой российской администрации диссертант считает попытку создать единую правовую организацию на Северном Кавказе.

Тематически близка работе Л.Х. Сатушиевой диссертация А.П. Волгиной, которая поставила цель изучить обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX–XX вв. Анализ адатов первой половины XIX в. привел А.П. Волгину к выводу, что «обычное право народов Северного Кавказа являлось развитой и достаточно совершенной системой норм, которая специфическим образом и с учетом уровня развития регулировала различные виды общественных отношений» [8]. Этот постулат дореволюционной историографии явно архаичен в рамках современного исследования [9].

Обычай и его правовые модификации в контексте юридической антропологии народов Северного Кавказа в XIX в. исследовала в докторской диссертации Л.Г. Свечникова. Наше внимание в данном труде привлекли разделы «Административные преобразования в регионе в XIX в.» и «Судоустройство и судопроизводство» [10].

Рассматривая сельскую общину горцев как основную структурную часть горского общества, исследовательница утверждает, что почти до конца XIX века сельская община народов Северного Кавказа сохраняла пережитки архаических форм общины – родовой и соседской, характерными чертами которой являлось совместное поселение членов бывших родов, экзогамия внутри них, взаимопомощь родственников, общинный характер землевладения и землепользования [10]. В принципе, данный тезис верно отмечает сохранение устаревших черт родового общества у народов Северного Кавказа, но также верно и то, что он характерен и для общин российских губерний.

Констатация архаики горцев была типична для ряда авторов дореволюционного и отчасти советского кавказоведения, но чтобы отстаивать данное положение в начале XXI в., нужны серьезные историко-правовые факты, доказывающие правоту автора, но они не приведены. Утверждение исследовательницы, что в XIX в. «уровень общественного развития большинства горских народов Северного Кавказа находился на стадии разложения родовых отношений, государственность у них только начала складываться» не выдерживает критики. Формы государственности, как и общественных отношений, могут быть самыми разными. Главное здесь все-таки институты власти, выполняющие роль государственных учреждений, регуляторов общественных отношений, которые как раз и освещаются в диссертации. Об этом сегодня много пишут историки и правоведы всех республик Северного Кавказа [11–14].

Таким образом, рассмотренный материал позволяет утверждать, что проблема права стала одной из ключевых в адыгovedении. Ее различные сюжеты монографически исследовали историки, юристы, философы, политологи. Многообразие методов изучения, введение в научный оборот значительного количества новых документальных материалов позволили выявить неисследованные стороны правовой жизни адыгов в XIX веке.

Библиография

1. Азашикова Ф.Я. Изменение традиционной судебной системы у западных черкесов в ходе реализации реформы 1864 года: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1999. 23 с.
2. Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999. 238 с.
3. Бабич И.Л. Правовая культура адыгов (история и современность): автореф. дисс. ... д-ра. истор. наук. М., 2000. 52 с.
4. Мальцев В.Н. Политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской и Терской областях в конце 60-х–начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Вып. № 8. 2008. С. 3–12.
5. Кузьминов П.А. Эпоха преобразований 50–70-х гг. XIX в. у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик, 2011. 536 с.
6. Фарои Т.В. Правовое регулирование системы государственного управления и самоуправления на Кубани, конец XVIII–начало XX веков: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002. 24 с.
7. Сатушиева Л.Х. Механизм реализации адата на Северо-Западном и Центральном Кавказе: Историко-правовой анализ: XV–начало XX в.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 23 с.

8. Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX–XX вв.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 25 с.
9. Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50–70-х гг. XIX в. у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009. 236 с.
10. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.: автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. М., 2004. 53 с.
11. Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону, 2011. 160 с.
12. Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону, 2012. 288 с.
13. Государство и право народов Кавказа: проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа: материалы III международной научно-практической конференции / отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону, 2013. 232 с.
14. Право кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение (К 150-летию окончания Кавказской войны): материалы IV международной научно-практической конференции / отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону, 2015. 306 с.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316:008

МЕХАНИЗМ МАРГИНАЛИЗАЦИИ

*Елеева М.М., Тайсаев Д.М.

Северо-Кавказский государственный институт искусств

*marina-eleeva@mail.ru

В статье предпринята попытка классифицировать возможные пути групповой и личностной маргинализации. При этом даётся четкий каузально-мотивационный анализ становления маргиналов и возможных путей снижения маргинализирующего пресса. Предлагается модель маргинализации, обозначаемая авторами как «модель бутылочного горлышка», с целью решения проблемы демаргинализации.

Ключевые слова: маргинальность, маргинализация, демаргинализация, культура, положительная обратная связь, отрицательная обратная связь.

MARGINALIZATION MECHANISM

Eleeva M.M., Taisaev D.M.

North-Caucasian State Institute of Arts

In article attempt to classify possible ways of group and personal marginalization is carried out. Thus the accurate causal and motivational analysis of formation of outcasts and possible ways of decrease in a marginaliziruyushchy press is given. The model of marginalization designated by authors as «model of a bottle neck», for the purpose of a solution of the problem of a demarginalization is offered.

Keywords: marginality, marginalization, demarginalization, culture, positive feedback, negative feedback.

После выхода известного эссе Р.Э. Парка: «Человеческая миграция и маргинальный человек» [1] о феномене маргинальности написано немало работ. После многих лет обсуждения эта тема всё ещё себя не исчерпала. До сих пор нет даже конвенционально общепринятого мнения о том, что представляет собой маргинальность как явление. Даже такая, казалось-бы, давно отжившая трактовка маргинальности, когда она понимается как что-то аномальное, выпадающее из нормы, до сих пор сохраняет свою значимость.

Сейчас уровень понимания этого феномена всё ещё недостаточен для того, чтобы можно было строить прогнозы и влиять на процессы маргинализации. Одной из причин, возможно, является неясность механизма маргинализации. В публикациях встречаются лишь рассуждения сугубо гуманитарного характера. Связывают этот феномен, в частности, с пассивной реакцией некоторых людей на несоответствия внешнего мира миру внутреннему, с психологической регрессией, либо с глубокой рефлексией собственной значимости. Никаких попыток конкретного, рационально-эмпирического обоснования этого явления нам встретить не удалось. В данной статье предлагается возможная модель механизма маргинализации с позиции постнеклассической методологии.

Человек, как и все неравновесные системы, практически не реагирует линейно и адекватно на внешнее воздействие. Как отмечал Грегори Бэйтсон, есть большая разница в результате между пинком по камню и по собаке [2]. Главное отличие любой неравновесной системы (например собака) от равновесной (например камень) заключается в неадекватности реакции на внешнее воздействие. Она может быть либо неадекватно сильной (положительная обратная связь), либо неадекватно слабой (отрицательная обратная связь) [3]. В той же мере это относится и к человеку. Его реакции на внешние флуктуации чрезвычайно разнообразны, но все они могут быть сведены к следующим основным типам:

- 1) активно-приспособительная;
- 2) активно-защитная;
- 3) пассивно-приспособительная;
- 4) пассивно-защитная, адаптивная;
- 5) пассивно-защитная, инадаптивная

Активно-приспособительная реакция заключается в ряде мер на адаптацию к флуктуационному воздействию путём включения самого себя в среду в качестве не антагонистичного ей, а уже гармонично включенного в неё. Из всех форм ответа на пресс факторов маргинализации эта форма является самой успешной, при которой если маргинальность и имеет место, то очень быстро уходит через активную демаргинализацию, исходящую от самого человека. И только в самых редких случаях, когда воздействие со стороны общества особенно враждебно, такой человек может самостоятельно не выйти из внутренней маргинализации. Впрочем, в последнем случае такая реакция неизбежно переходит в активно-защитную форму.

Активно-защитная реакция также заключается в волевом целенаправленном ответе на внешнее отрицательное воздействие. Но таковой ответ на внешний вызов будет выражаться уже не в приспособлении к внешнему воздействию, а напротив, в активном противодействии ему, не включении себя в качестве гармоничной части в новую чуждую среду, а в создании собственной, изолированной от этого начала автономной среды. Здесь сам процесс маргинализации может перейти в неконтролируемый процесс всё большей нелинейно растущей маргинализации, когда отчуждение общества приводит человека к ещё большей закрытости от него, что приводит общество к ещё большему отчуждению и т.д. (причинно-следственная петля по принципу положительной обратной связи). Такие люди могут быть как чрезвычайно опасны для общества, поскольку такие ответы часто связаны с отклонениями (девиантное) в поведении, так и напротив, чрезвычайно полезны, если удастся найти приложение их агрессивной активной позиции в качестве противодействия окружающему отчуждению общества от себя. Если удастся найти способ сублимировать психическое напряжение, тогда это не только снимет нарастание маргинализационного фона, но и даст возможность реализации вполне позитивных созидательных начал. Именно эта категория людей требует особенно пристального внимания со стороны общества и именно здесь демаргинализация особенно актуальна.

Пассивно-приспособительная реакция. Пассивные формы реакций на маргинализацию, в отличие от активных форм, чаще бывают опасны не столько обществу, сколько самому человеку. Поэтому в подобных случаях гораздо чаще требуется не общество спасти от маргинала, а самого маргинала от общества. Пассивная реакция, в отличие от активной, не предполагает каких-либо противодействий, а является попыткой, ничего не предпринимая, только лишь включиться в новый культурный ритм, отдаться новому течению. Человек пытается приспособиться к чуждому окружению, не меняя самого себя, в отличие от активных форм, и не влияя на источник маргинализации, в отличие от пассивно-защитной реакции (см. ниже).

Приспособительная позиция чаще всего спасает человека от маргинализации, хоть и не сразу, помогает ему так или иначе включиться в новую среду и влиться в неё, не противопоставляя себя ей. Но это зависит от целого ряда факторов, связанных как с самим человеком, так и с обществом. Проблема в данном случае решается легко, но только при участии самого общества, в противном случае, сам человек не способен выйти из порочного круга все более глубокой маргинализации, когда отторжение обществом маргинала вызывает ещё большую его маргинализацию, после чего отторжение становится ещё более сильным, и т.д.

Пассивно-защитная адаптивная реакция. Маргинал в данном случае ненавязчиво, мягко пытается выпутаться из нарастающего отчуждения обществом. Пытается самостоятельно найти компромисные, неантагонистичные модели поведения, влияющие на сам источник воздействия. Здесь маргинализация протекает мягче, и человек теоретически готов самостоятельно выбраться из этой петли всё большей маргинализации в ответ на воздействие со стороны общественного окружения. Такие люди довольно легко могут ответить успешной демаргинализацией в случае если среда не будет отвечать агрессивным воздействием. Тут достаточно действовать по принципу «не навреди».

Пассивно-защитная инадаптивная реакция. При такой модели поведения, маргинал просто замыкается в себе. Он не пытается найти решение проблемы собственной отчужденности, а напротив, ещё больше закрывается. Когда говорят и пишут о маргиналах, то чаще всего подразумевают именно эту модель маргинализации, однако, как мы видим, она далеко не единственная. Как и прочие пассивные модели маргиналов, эти чаще представляют опасность только для самих себя, если маргинализирующее давление извне перманентно и без резко усиливающихся всплесков.

Попыток дать рациональное обоснование непосредственного механизма маргинализации личности и социальных групп практически не было. Во всяком случае мы встречали в различных публикациях

только общие рассуждения вроде: «замыкание в собственном личностном пространстве», «внутреннее отчуждение», «глубокая рефлексия на почве осознания чуждости окружения» и т.д. Как и почему это происходит, не объясняется. Мы попытаемся дать объяснение механизма маргинализации посредством феномена, который проявляется, по нашему образному выражению, в эффектах «бутылочного горлышка» и «песочных часов».

«Эффект бутылочного горлышка» и «эффект песочных часов». Такое явление, как «эффект бутылочного горлышка», довольно хорошо известно в синтетической теории эволюции (СТЭ). Это явление «генетического дрейфа», когда при резком сокращении численности снижается и генетическое разнообразие популяции [4]. Насколько нам известно, никто ранее не приводил доводов в пользу действия подобного эффекта на маргинализирующиеся личности и общества. В случаях катастрофического сокращения численности популяции она как бы проходит через узкое бутылочное горлышко, и остаётся лишь небольшая часть особей (в пределе одна пара). Затем численность популяции вновь может восстановиться, но по понятным причинам генетическое разнообразие при этом необратимо снижается. Аналогичному испытанию подвергается, по нашему мнению, и внутренний духовный мир маргинала.

Когда человек попадает в чуждую для себя культурную среду, его духовные и моральные приоритеты, привычки, реципрокные модели поведения, симпатии и антипатии и т.д. подвергаются серьёзному испытанию на адекватность в новом культурном пространстве. То есть, выражаясь кантовским языком, его старые максимы вступают в конфликт с новыми императивами. Действие «эффекта бутылочного горлышка» в данном случае связано с тем фактом, что человеку подчас терять многие свойства характера и привычки намного легче, нежели приобретать новые, особенно с возрастом. Он попросту отбрасывает за ненадобностью ненужный балласт «духовного багажа», оставляя только «ручную кладь» того, что наиболее дорого, либо прошедшее испытание на прочность. Получается, что человек и здесь как бы проходит через бутылочное горлышко, и выходит в гораздо более узком мире внутреннего комфорта.

Не все личности так реагируют. Некоторые довольно легко находят замену в новых ментальных формах культурного общежития. В последнем случае мы получаем «эффект песочных часов», когда после демаргинализации личность вновь наполняется разнообразными формами социальной адаптивности, только теперь уже в новом для себя культурном окружении. Но маргиналами остаются лишь те, кто так и остался в своём зауженном горлышке.

Понимание – это первый шаг к решению проблемы, а проблема чрезвычайно сложна, особенно в современную эпоху, когда маргинализуется значительная часть общества. Необходимо только лишь «эффект бутылочного горлышка» свести к «эффекту песочных часов». Остаётся только выяснить, как это сделать, и разработать соответствующие сценарии.

Библиография

1. Park R.E. Human migration and the marginal man // *American Journal of Sociology*. Chicago, 1928. Vol. 33, № 6. P. 881–893.
2. Бэйтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии: пер. с англ. М.: Смысл, 2000. 476 с.
3. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1968. 326 с.
4. Алтухов Ю.П. Генетика популяций и сохранение биоразнообразия // *Соросовский образовательный журнал*. 1995. № 1. С. 32–43.

ТРАДИЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Культурбаева Л.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

dadali@yandex.ru

В статье исследуются особенности преемственности традиций как одного из базовых факторов социальной эволюции.

Ключевые слова: социум, традиции, новации, социальное развитие, преемственность, нравственность, ценностные установки и ориентации, мировоззрение, дискурс.

TRADITION IN SOCIAL EVOLUTION

Kulturbayeva L.M.

Kabardino-Balkarian State University

The article examines the characteristics of continuity of tradition as one of the basic factors of social evolution.

Keywords: society, tradition, innovation, social development, continuity, morals, values and orientation, ideology, discourse.

В духовном состоянии и развитии социума существенную роль играют традиции, которые выступают скрепом преемственности, определяющей генетическую связь времен и поколений. На опыте традиций основывается общечеловеческая культура, а также становление и развитие искусства, политики, философии, литературы, нравственного воспитания человека и общества и других сфер его духовной жизни.

По свидетельству истории нравственное воспитание складывалось и осуществлялось, с одной стороны, в системе традиций общечеловеческой культуры, с другой – на основе моральных норм и императивов, унаследованных в социальном опыте, в жизни предыдущих поколений. Поэтому в истории каждого народа есть яркие, непреходящие страницы как паттерны человеческого общежития.

Люди стремятся глубже осмыслить истоки поступков своих предшественников, их общественную и историческую общность, ибо без осмысления и осознания прошлого невозможна объективная оценка настоящего для творческого подхода в решении предстоящих проблем в будущем. Фактор преемственности традиций в процессе исторического развития является основой и механизмом непрерывного самобновления и постоянного совершенствования общественных отношений.

Вместе с тем необходимо учитывать наличие и объективных трендов прогрессивного характера в феномене традиций. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что прогрессивные традиции содержат не только консервативную преемственность, но и новации. На это обращает наше внимание и Г.В.Ф. Гегель, который писал: «Традиция не есть неподвижная статуя... Она живет и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше отходит от своего истока» [1].

С точки зрения гегелевской диалектики каждое новое поколение «уплотненно» наследует все, что явилось результатом предшествовавшего саморазвития, ибо оно не может снова пройти полностью весь пройденный путь. С позиций диалектики марксовского типа, новое, зарождаясь в недрах старого, творчески усваивает положительное и прогрессивное, что есть в старом, для своего дальнейшего развития. Оба подхода в равной мере свидетельствуют о том, что невозможно адекватно постичь и всесторонне осмыслить настоящее, а также прогнозировать перспективы будущего, не постигнув узловые моменты в развитии прошлого.

В современных же условиях, на наш взгляд, происходит разрыв в преемственности поколений, что ведет к утрате духовных ценностей и наступлению периода духовной деградации. В молодежной среде появляются индивидуумы, которые довольно цинично заявляют: «Сегодня другое время, и мы совсем другие. Проживем и без национальных традиций, которые, возможно, были хороши, но канули в лету» [2].

Такая точка зрения и вытекающая из нее позиция не только отрицает роль преемственности традиций, но и нивелирует глубинное содержание феномена «традиций». «Традиция как социальная форма выражения общего закона преемственности, – указывает Ф.С. Эфендиев, – обладает устойчивостью, ко-

торая позволяет аккумулировать культурный опыт, осуществлять его передачу, а динамичность способствует обогащению, взаимодействию традиций с другими явлениями общественной жизни. Формируясь на протяжении многих веков, традиция вбирает в себя весь накопленный исторический опыт, всю мудрость народа, становясь неотъемлемым элементом его духовной культуры. Она является связующим звеном между прошлым и настоящим, представляющим собой ту силу, без сохранения которой невозможны национальная общность, этнокультура и укрепление национальных отношений» [3].

Традиции оказывают значительное влияние на чувства и эмоции, мысли и поступки людей, превращают морально-этические нормы поведения в устойчивые убеждения личности. Усвоение и соблюдение этих норм, закрепленных в обычаях и традициях, дает ценностную ориентацию личности и служит основой формирования мировоззрения в его сущностных аспектах: мироощущения, мировосприятия и миропонимания. Поэтому традиции в системе целевых и нормативных представлений и установок выражают сущностное ядро человеческого бытия, мотивируя деятельность и поведение людей, и существуют они лишь в сфере духовно-мировоззренческой и материально-социальной реальности.

Ответом же на отрицание позитивной роли традиций в современном бытии социума могут явиться слова П. Штомпки о том, что традиции – это совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, т.е. это все то, что не было уничтожено, выброшено и разбито. В данном случае традиция равносильна наследию – тому, что реально сохранилось от прошлого [4].

С точки зрения современного подхода, «традиции и обычаи – это объективные явления, представляющие собой отражение исторических, экономических, социальных условий, многообразных связей и взаимоотношений людей в обществе, их отношение к окружающей природной среде» [5].

В социальной философии термин «традиция» выступает как одна из фундаментальных категорий, благодаря которой происходит накопление, хранение, обогащение и передача социального опыта, способствующие непрерывному поступательному развитию общества в течение длительного исторического периода. Если брать традиции в общенаучном дискурсе, то ее выражением будет выступать «социокультурная традиция». Социокультурная традиция является универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимой для существования социальных индивидуумов стабильности. Без действия этого механизма совместная общественная жизнь людей была бы невозможна.

Традиции в ее социокультурном измерении – это исторически сложившиеся, передаваемые от поколения к поколению системно связанные устойчивые нормы, принципы, правила поведения, предписания, формы и способы общения, мировоззренческие установки, ценностные ориентации, убеждения, представления (универсалии) во взаимоотношениях, воплощенные в сознании, направленные на формирование личности и охраняемые поколенческим общественным мнением. Традиция – это носительница исторической информации предыдущих эпох, связи времен и поколений в историко-культурном творчестве. Она содержит в себе идеи, нормы, принципы, взгляды прошлого в развитии духовной культуры. Будучи универсальным историческим и культурным феноменом, традиция позволяет соответствовать эпохе своего времени и осуществлять свою жизнедеятельность в определенном социально-территориальном пространстве.

Таким образом, традиции являются важнейшей стороной, механизмом преемственности и проявлением диалектической взаимосвязи между традиционной (прошлой) и современной духовной культурой. Через традиции передаются духовные и материально-производственные отношения, а также экономические, политические, семейные, морально-нравственные, эстетические и другие виды отношений в развивающемся обществе.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Философские сочинения. Т. 9. М.-Л., 1982. 316 с.
2. Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993. 140 с.
3. Эфендиев Ф.С. Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 329 с.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.
5. Матханова Э.И. Бытовые традиции в современных условиях. Улан-Удэ, 1965. 147 с.

УДК 1

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КБР

Машезова Л.Р.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Schah_Lana@mail.ru

В исследовании затронута проблема культурно-художественного уровня современной молодежи, предпринята попытка показать современную культурную ситуацию в Кабардино-Балкарии, художественное восприятие молодежи и отражение внутреннего мира на окружающей их действительности.

Ключевые слова: современная молодежь, ценностные ориентации, культурный уровень, художественные ценности.

SOCIOCULTURAL SHAPE OF MODERN YOUTH OF KBR

Mashezova L.R.

Kabardino-Balkarian State University

In this research the issue of cultural and art level of modern youth is touched, an attempt to show a modern cultural situation of the republic, art perception of youth and reflection of an inner world on the reality surrounding them is made.

Keywords: modern youth, valuable orientations, cultural level, art values.

Исследование ценностных ориентаций молодежи отражает ее адаптированность к новым социальным условиям и ее инновационный потенциал. От того, насколько прочно будет сформирован ценностный фундамент, во многом зависит будущее состояние общества. Культурное и духовно-нравственное состояние молодежи является одним из важнейших критериев определения уровня и качества распространенности принципов гражданского общества, а провинции всегда являлись очагом духовных и этнонациональных ценностей любого народа. Исходя из этого, необходимо направить основное внимание на формирование культурных ценностей как первоосновы любого общества. Ведь именно они определяют сферу человеческой жизнедеятельности, интересы, потребности, социальные отношения, нравственные идеалы.

Молодежь представляет собой одну из основных социальных групп нашего общества. Ценности и нормы, утвердившиеся в сознании молодого человека и выявленные в процессе его самооценки, в целом составляют определенную картину о том, как он соотносит себя с миром и какие возможности видит для самореализации в этом мире и т.д.

Молодое поколение не только постепенно вливается в ряды более взрослого, но и принимает непосредственное участие в общественных процессах, происходящих в стране. В зависимости от того, какие интересы, взгляды, ценности преобладают в молодежной среде, происходит дальнейшее социально-экономическое, политическое и культурное развитие общества и государства в целом. Особенно актуален этот вопрос на современном этапе.

Сегодня ценностные ориентации молодежи носят довольно подвижный характер. Их динамика зависит от различных факторов: политических, культурных, экономических, социально-демографических характеристик людей, уровня их социализации. В этой неоднозначности реализуются разноплановые жизненные позиции.

На изменение идеалов и ценностей оказывает влияние культурная среда, сложные общественные явления, а также неоднородность политических и экономических процессов. Приоритеты, казавшиеся ранее незыблемыми, сменяются другими под воздействием сегодняшних реалий. Появляется новый спектр ценностных ориентаций, значит, разрушаются старые идеалы и формируются новые.

Как отмечает В.Е. Семенов, несмотря на произошедшие изменения в обществе, в ценностных ориентациях молодежи продолжают доминировать целевые жизненные установки на получение привлекательной и престижной профессии, хорошей и интересной работы [1].

Известно, что при формировании собственной системы ценностей молодые люди ориентируются не только на общественную аксиологическую систему, но и на выбранные ими самими образцы для подражания [2].

В современной культурной ситуации трансляция художественных ценностей происходит в значительной степени посредством массовой коммуникации, особенно радио, телевидения, Интернет. Поэтому мощным индикатором духовно-нравственного состояния общества в настоящее время, в условиях аморализма, царящего в СМИ, является нравственный контроль за содержанием телевизионных программ. Н.А. Кебина указывает на социальную неоднородность молодежи. Кроме того, средства массовой информации делают свое дело, во многом предвосхищая и предопределяя оценки, предпочтения, даже программируя возникновение некоторых потребностей молодых людей [3].

Раньше молодое поколение стремилось быть похожим на космонавтов и геологов, воспитывалось на благородных поступках литературных героев. Сегодня литературные персонажи редко служат образцом для подражания. Чаще дети мечтают походить на марвеловских супергероев (Бэтмана, Человека-Паука, Железного Человека, Капитана Америки и т.д.). Это также говорит о том, что все чаще книги, особенно среди школьников, заменяются компьютером и телевидением с их смешанным и ложным плюрализмом.

Благодаря современным изобретениям возникла практически неограниченная возможность приобщения к художественным ценностям и достижениям человеческой культуры различных категорий населения, живущих в противоположных концах земного шара. Однако для большей части молодежи неведомы многие шедевры мировой художественной культуры – «Монна Лиза» Л. Да Винчи, «Сикстинская мадонна» Рафаэля Санти, «Звездная ночь» В. Ван Гога, поэзия У. Шекспира, Ш. Бодлера, Дж.Г. Байрона, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И. Бродского, проза О. Бальзака, Э.-М. Ремарка, Г. Гессе, А. Экзюпери, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, музыка А. Моцарта, Г. Малера, Л. Бетховена, К. Дебюсси, П.И. Чайковского, фильмы Л. Висконти, И. Бергмана, Ф. Феллини, С. Параджанова, Р. Хамдамова, О. Иоселиани и многое другое. Зато читают и смотрят «Сумерки», «Дневники вампиров» и «50 оттенков серого», слушают каких-то Ньюш, Натали и расплодившуюся безликую кавказскую эстраду.

О массовой культуре и её негативном влиянии на формирование личности пишет Ю.А. Васильчук: «результатом развития мировой культуры стала активная и деятельная личность. Сегодня молодежь воспитывается на героях вульгарных кино- и телебоевиков» [4]. Данное высказывание не без здравого смысла. В боевиках и комиксах как проявлениях современной культуры нет главного – многообразия жизненных отношений личности, обуславливающих противоречивость личностного смысла. Множественность форм деятельности приводит к множественности смыслов, образов «Я». Поступки выявляют конфликтный смысл «Я», который активизирует работу самосознания. Одни и те же обстоятельства и их последствия несут, как правило, и позитивный, и негативный смысл [3]. И.Н. Михеева считает, что внутренние преграды служат либо противодействующим мотивом (препятствуют достижению важных целей), в таком случае образ «Я» наполняется негативным личностным смыслом, либо, наоборот, способствуют достижению целей, т.е. «Я» приобретает позитивный личностный смысл [5].

В сравнении с советским периодом существует спад интереса к чтению книг, в особенности «серьезной литературы». Зато заметен рост внимания к журналам развлекательного характера [6]. А ведь значение литературы для формирования личности трудно переоценить. Г. С. Сковорода заметил, что если бы мы... учились на опыте и всматривались в жизнь других как в зеркало, то значительно меньше касались бы нас слова «опыт – наставник дураков» [7]. Именно литература способствует внутреннему воспитанию, облагораживанию души, развитию высокой нравственности молодого поколения.

Человек вне культуры лишается смыслообразующих основ жизни. Наметившиеся тенденции к социокультурному регрессу молодежи сегодня, к сожалению, не компенсируются государственными мерами по улучшению качества ее жизни. У современной молодежи в большинстве случаев нет идеала, а ведь самоопределение молодого человека осуществляется во многом через сравнение, отождествление себя с неким идеалом. Отсутствие такового и приводит к кризису идентификации, когда человек теряет осознание своего предназначения в обществе. Л.П. Ионин отмечает, что это порождает чувство неуверенности и тревожности, психоматические синдромы, острые депрессии, психозы и ведет к разрушению биографии [8]. Отсутствие идеала может заменяться поклонением звездам шоу-бизнеса или спорта – своеобразной «идологизацией».

Сегодня пути решения проблем молодежи видятся не столько в совершенствовании государственной молодежной политики, сколько в решении фундаментальных вопросов развития российского общества. Ценности добра, свободы и достойного продолжения своего рода не подвержены влиянию перемен в обществе. А вот отношение к правде, красоте и, что особенно настораживает, к жизни – весьма неоднозначное. Кафедрой социологии и социального управления Тюменского государственного

университета под руководством профессора В. В. Гаврилюка проводилось исследование для выявления ценностной картины молодежи. Анализ показал, что 71 % респондентов считают «не всегда нужным стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение». Для 77 % красота не является той ценностью, которая важна в нашем обществе, «спасти мир» сегодня не могут ни правда, ни красота [2].

Это говорит о том, что молодежь усвоила основной принцип рыночных отношений. Какую бы сферу она ни затрагивала: экономическую, политическую либо духовную: «главное – инициатива, предприимчивость и поиск нового». Уже по этим двум выборам мы можем сделать вывод, что перед нами обновленное поколение, освободившееся от контроля обычаев и норм, принятых большинством. Оно пойдет по пути поиска нового, приобретая при этом, возможно, не только положительный опыт.

Молодежь ругали всегда – и в папирусах Древнего Египта, и в письмах и эссе древних греков можно встретить сетования на то, что «молодежь пошла не та», что утрачена прежняя чистота нравов и т.д., и т.п. Вот и сегодня со всех сторон доносятся упреки молодежи в аморальности, в отказе от традиционных для россиян ценностей, в меркантилизме и т.п. Насколько справедливы эти упреки? [9].

Так что же все-таки происходит с нашей молодежью в начале XXI века? Какие жизненные ценности, социальные установки предпочитают молодые люди, на какие образцы они ориентируются? Судя по опросам участников в возрасте от 18 до 30 лет различных групп социальных сетей Вконтакте и Фейсбук («Республика – общее дело», «Ла Баррака», «Международный творческий опен-эйр «Атажукин Сад», «Европа Плюс Нальчик 102.2 FM [Official community]»), молодежь КБР обладает существенным духовно-нравственным потенциалом. Об этом свидетельствует сделанный выбор в сфере литературы, искусства, кино и театра. Ответы на вопросы были чрезвычайно разнообразны, назывались сотни имен людей искусства, в основном из мира литературы, кино и музыки. Среди поэтов и прозаиков лидировали Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков, А.С. Пушкин, Э.-М. Ремарк, Дж.Р. Толкиен, Ф.С. Фицджеральд (вероятно, следствие экранизации Б. Лурмана в прошлом году «Великого Гэтсби с Л. Ди Каприо»). Далее назывались Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов. Из современных литераторов преобладали иностранные писатели – Анна Гавальда, Джоанн Харрис, из отечественных чаще всего упоминали Л. Улицкую, Т. Толстую и В. Пелевина.

Артистический мир был представлен в основном зарубежными актерами, причем американцев было подавляющее большинство, так как американское кино царит на российском телевидении и в нашем кинопрокате. К чести опрошенной молодежи, среди ее любимых певцов на первых местах были не поп-певцы, а представители авторской песни (где главное – текст) – Виктор Цой, Владимир Высоцкий, группа «Би-2», Земфира и др. Отраднo, что не вся молодежь поглощена поп-музыкой в таких масштабах, как порой думается. А вот классики музыки упоминаются довольно мало. Зато наблюдается оживление к аутентичной музыке. Правда, небольшими темпами. Совсем недавно на сайте «Афишаволна» была размещена статья о молодых энтузиастах из КБР Булате Халилове и Тимуре Кодзокове и их лейбле Ored Recordings, который выпускает традиционную музыку народов Кавказа, записываемую прямо в глухих селениях [10].

Таким образом, основополагающим фактором работы с молодежью должно стать, прежде всего, духовно-нравственное воспитание современного молодого человека.

В заключение можно сказать, что в русле молодежной политики необходимо проделать большую духовно-нравственную работу по воспитанию и социализации подрастающего поколения, консолидации и сплочению молодежи, утверждению принципов социальной справедливости и нравственности, поскольку без основополагающих ценностей развитие личности и общества не представляется возможным.

Как писал один из выдающихся гуманистов XX в. А. Швейцер «как сейчас, так и во все последующие времена объяснить превратности судьбы можно только тем, что мы пытались удовлетвориться культурой, оторванной от этики» [11].

Библиография

1. Семенов В.Е. Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодежи // СоцИс. 2007. № 4. С. 37–43.
2. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // СоцИс. 2002. № 1. С. 96–105.
3. Кебина Н.А. Молодежь Казахстана сегодня завтра // СоцИс. 2004. № 3. С. 107–112.
4. Васильчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке. Фактор культуры // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 24–29.

5. Михеева И.Н. Амбивалентность личности: морально-психологический аспект. М.: Наука, 1991. 127 с.
6. Бутенко И.А. Подростки: чтение и использование компьютера // СоцИс. 2001. № 12. С. 84–91.
7. Сковорода Г.С. Соч. в 2 т. Сер. Философское наследие. Т. 2. Киев, 1973. 483 с.
8. Ионин Л.П. Идентификация и инсценировка // СоцИс. 1995. № 4. С. 3-4.
9. Бояк Т.Н. Духовно-нравственные ценности сельской молодежи (на материалах Бурятии и Читинской области) // СоцИс. 2009. № 4. С. 117–122.
10. Павперов А. «Это не идея, это звук»: лейбл Ored Recordings об аутентике и смерти фольклора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volna.afisha.ru/heroes/eto-ne-ideya-eto-zvuk-leybl-ored-recordings-ob-autentike-i-smerti-folklor/> (дата обращения: 08.03.2015).
11. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993. 512 с.

РОЛЬ СИНЕРГЕТИКИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ

Ашнокова Л.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

dadali@yandex.ru

В статье показано значение синергетики в эффективном решении проблемы возникновения живого в результате процесса самоорганизации. Анализируется континуальный тип самоорганизации, отличный от когерентного, так как к прогрессивной эволюции способны только элементарные микроскопические открытые системы с континуальной самоорганизацией.

Ключевые слова: происхождение жизни, синергетика, когерентная и континуальная самоорганизация.

THE ROLE OF SYNERGY IN ADDRESSING THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF LIFE

Ashnokova L.M.

Kabardino-Balkarian State University

The article shows the importance of synergy in the effective solution of the problem of origin of life in the process of self-organization. Analyzed the continuum type of self-organization, non coherent, so as to progressive evolution can only elementary microscopic open system with continuous self-organization.

Keywords: origin of life, synergy, coherent and continuous self-organization.

Самый важный процесс самоорганизации и образования устойчивой структуры в природе был процесс спонтанного возникновения жизни на Земле. Вопросами самоорганизации на разных уровнях развития занимается, как известно, синергетика, разрабатываемая Г. Хакеном. Хакен пишет: «Мы называем систему самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру» [1]. Хакен сосредотачивает свое внимание на явлениях, которые сопровождаются образованием макроскопических структур с когерентным типом самоорганизации. При образовании диссипативных структур процесс самоорганизации идет в системах, состоящих из большого числа взаимодействующих элементов. Следовательно, самоорганизация определяется совместным, кооперативным взаимодействием множества составляющих систему компонентов. Таким образом, синергетику можно рассматривать как теорию возникновения новых качеств на макроскопическом уровне. Синергетика изучает переход от хаоса к порядку, сопровождающийся возникновением устойчивой структуры, что может интерпретироваться как коренное, качественное изменение, приводящее к появлению нового. Из различных движущихся объектов при определенных условиях возникают системы взаимосвязанных компонентов с устойчивой структурой. Следовательно, процесс самоорганизации проявляется как взаимодействие случайности и необходимости, что находит свое выражение в действии как вероятностно-стохастических, так и строго детерминистских законов.

В рамках синергетики изучаются сложные самоорганизующиеся макроскопические системы с когерентным типом самоорганизации, их внутренние свойства как источник саморазвития. При этом акцент делается на целостность систем: целое отражает свойства частей, но в то же время обладает свойствами, которых нет ни у одной из частей. Целостные характеристики возникают и существуют лишь как результат совокупной взаимосвязи и взаимозависимости всех частей. Синергетикой впервые делается попытка описать саморазвитие мира в соответствии с его внутренними закономерностями с опорой на результаты целого комплекса точных наук. На основе синергетики возможно сформулировать необходимые и достаточные условия в математических моделях, которые обеспечивают самоорганизацию материи. Хакен полагает, что основным вопросом синергетики является вопрос о том, существуют ли общие принципы, управляющие возникновением самоорганизующихся структур и функций. И следующим образом отвечает на этот вопрос: «Основные принципы допускают весьма простое объяснение, но применение их к любой реальной системе требует значительных специальных познаний» [1].

Синергетика дает общий подход или указывает направление исследований. Ее задача – выявление общих идей, общих методов и общих закономерностей процессов самоорганизации в различных областях знания. Она обеспечивает ученых определенной научной установкой. Но детально описать процесс

самоорганизации материи, приводящей к возникновению жизни в ходе последовательной химической эволюции – это дело конкретного исследователя. По этому поводу Е.И. Князева поясняет: «Синергетика обеспечивает только общие рамки исследования, ментальную схему или эвристический подход к конкретному научному исследованию. Конкретные приложения синергетических моделей к сложным системам предполагают дальнейшие детальные научные исследования. Такие исследования могут быть успешно проведены только при глубоком знании соответствующей научной дисциплины» [2]. Она отмечает, что синергетика показывает не только как исследовать, но и что исследовать. Задачей синергетики является определение процессов самоорганизации, которые происходят в природе и обществе, законов, управляющих этими процессами, и условий протекания самоорганизации. Синергетика также исследует роль хаоса в процессе эволюции – когда он может играть позитивную роль, а когда он нежелателен и деструктивен.

Подобное понимание роли синергетики в решении проблемы происхождения жизни является определяющим принципом. В науке появилась тенденция представить синергетику как готовый ответ на многие сложные вопросы, отмечается возрождение мистификации явления самоорганизации и самой синергетики. А.П. Руденко пишет: «При таком подходе синергетика вообще теряет научный статус, мифологизируется и постепенно превращается при все большем и большем вкладе гуманитариев в некоторое качественное и эмоциональное видение отдельных эффектов самоорганизации в их неразделенном с организацией виде в сложных системах; превращается в особое движение в науке о становлении бытия, в философию надежды, в отдельную область культуры, которая начинает существовать наряду с настоящей научной синергетикой, философией, религией, мифологией и искусством» [3].

В настоящее время в науке сложились два подхода в оценке физической сущности явления самоорганизации в открытых системах. Это подход И. Пригожина, который уже рассматривался, и подход с позиций эволюционного катализа А.П. Руденко. Эти подходы были предложены практически одновременно и независимо друг от друга. Руденко по этому поводу пишет: «Оба этих подхода одинаковы в оценке антиэнтропийной сущности процесса самоорганизации, но сильно различаются в понимании условий, причин и движущих сил самоорганизации, а также в установлении связи с прогрессивной эволюцией, с сущностью и возникновением жизни. В последнем отношении их можно назвать альтернативными» [3].

В теории диссипативных структур И. Пригожина и в развитой его последователями синергетике рассматривается только явление самоорганизации само по себе и для случая макросистем, как уже указывалось, то есть только в общем виде указывается объект изменений. Однако как и почему происходят эти изменения, каков их внутренний механизм, теория Пригожина, по мнению Руденко, не только не дает, но и в принципе не может дать. Руденко полагает, что появившаяся волна работ о самоорганизации привела к большой путанице в понимании самого явления самоорганизации, его причин и механизма. Он отмечает, что многие забыли при этом, а некоторые даже просто и не подозревали, что наряду с когерентной существует континуальная самоорганизация, и, принимая когерентную самоорганизацию за единственную форму самоорганизации, сильно обеднили мир.

Континуальная самоорганизация не просто еще один тип самоорганизации, но и наиболее важный вид, с которым связана способность индивидуальных микроскопических открытых систем к прогрессивной эволюции. Руденко подчеркивает: «Игнорирование континуальной самоорганизации при исследованиях когерентной самоорганизации делает последние поверхностными и непродуктивными, так как сама суть когерентной самоорганизации не может быть понята в отрыве от континуальной самоорганизации, ибо... часто она может быть кооперативным эффектом взаимодействия множества однородных индивидуальных микрообъектов с внутренней континуальной самоорганизацией» [4].

Когерентная самоорганизация является производной от континуальной, и она не может проявиться без исходной континуальной самоорганизации множества компонентов. Общее у этих двух типов самоорганизации заключается в их сути, связанной с затратой энергии на внутреннюю полезную работу против равновесия, и направленностью процесса от равновесия к неравновесию.

А.П. Руденко полагает, что переход от теории когерентной самоорганизации макросистем к теории прогрессивной эволюции микросистем невозможен по ряду причин. К прогрессивной эволюции способны только элементарные микроскопические открытые системы с континуальной самоорганизацией. Как уже отмечалось, когерентная самоорганизация есть эффект кооперативного взаимодействия множества индивидуальных систем с континуальной самоорганизацией. Континуальная самоорганизация отличается от когерентной по механизму. Механизм когерентной самоорганизации связан с кооперативным взаимодействием множества однородных компонентов, приводящим к синхронизации внутренних процессов и их когерентному поведению. Такой механизм, как известно, Г. Хакен назвал синергетическим. Характеризуя механизм континуальной самоорганизации, Руденко пишет: «Механизм континуальной

самоорганизации связан с механизмом базовой реакции и образованием промежуточного неравновесного функционально неделимого объекта – кинетического континуума веществ и реакций – с системно-динамическими связями разнородных компонентов. Такой механизм следует назвать синкретическим» [3]. Поэтому, если наука о когерентной самоорганизации названа Хакеном «синергетикой», то, по мнению Руденко, науку о континуальной самоорганизации следует назвать «синкретикой». Главное различие двух типов самоорганизации, согласно Руденко, заключается в том, что объекты с континуальной самоорганизацией способны к прогрессивной эволюции с естественным отбором новых качеств, а объекты с когерентной самоорганизацией способны к линейной эволюции без формирования новых качеств. Руденко полагает, что сущность прогрессивной эволюции состоит в саморазвитии континуальной самоорганизации индивидуальных объектов при положительном приращении общей и полезной мощности обменного процесса, причем континуальная самоорганизация, отражающая неповторимые видовые признаки систем на каждой стадии и уровне эволюции, является главным условием не только динамического существования каждого вида индивидуальных систем, но и их прогрессивной эволюции с естественным отбором наиболее прогрессивных изменений.

В заключение можно сказать, что к анализу соотношения когерентной и континуальной типов самоорганизации можно применить системный подход. Системный подход исходит из того, что специфика системы не исчерпывается особенностями составляющих его элементов, а коренится прежде всего в характере связей и отношений между определенными элементами. Последовательная предбиологическая эволюция представляет собой целостную неорганичную систему, элементами которой выступают элементарные открытые каталитические системы. Микроскопические элементарные открытые каталитические системы, объекты с континуальным типом самоорганизации являются далее неразложимыми элементами предбиологической эволюции, характеризуемой когерентным типом самоорганизации. Это еще раз подчеркивает, что все системно, мир есть система систем.

Библиография

1. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах М.: Мир, 1985. 404 с.
2. Князева Е.И. Саморефлективная диалектика // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 98–110.
3. Руденко А.П. Самоорганизация и прогрессивная эволюция в природных процессах в аспекте концепции эволюционного катализа // Российский химический журнал. 1995. Т. 39, № 2. С. 62–76.
4. Руденко А.П. Самоорганизация и синергетика // Синергетика. Труды семинара. Т. 3. М.: МГУ, 2000. С. 61–74.

УДК 316.811

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ СЕМЬИ

Шаваева О.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

shavaevao@mail.ru

Осуществлен анализ системы ценностей современной северокавказской семьи, показана их трансформация с развитием общества.

Ключевые слова: система ценностей современной северокавказской семьи, трансформация семейных ценностей.

THE VALUE ORIENTATION OF MODERN NORTH CAUCASIAN FAMILY

Shavaeva O.A.

Kabardino-Balkarian State University

The analysis of the system of values of modern North Caucasian family, showing their transformation with the development of society.

Keywords: the system of values of modern North Caucasian family, transformation of family values.

Развитие товарного хозяйства, становление капитализма привели к становлению нуклеарной семьи. На Северном Кавказе этот процесс начинается позже, чем в Западной Европе и Центральной России. В настоящее время индустриализация, научно-технический прогресс изменили производство материальных благ. Многие семейные функции передаются другим социальным институтам (в первую очередь – производство и распределение материальных благ). С вынесением производства за пределы семьи семья перестает быть хозяйственной ячейкой. Экономические и хозяйственные основы, которые поддерживали патриархальную семью, оказались подорванными.

По мере урбанизации и индустриализации значение общественных институтов и средств социализации постоянно возрастает. Воспитание становится общественным, государственным делом, требующим планирования, управления, координации различных общественных институтов. Происходит унификация образа жизни, что не может не затронуть и семью как важнейший институт общества.

Северокавказская семья в настоящее время не может вернуться к той модели, которая сложилась два века назад. Модернизация затронула все сферы ее жизнедеятельности, что привело к широкому многообразию моделей семьи. Постепенное социально-экономическое развитие общества привело на Северном Кавказе к становлению нуклеарной семьи, состоящей из двух поколений, то есть родителей и несовершеннолетних детей. Создание условий, которые необходимы современной северокавказской семье для адаптации к изменениям общества, важно не только для самой семьи, но и для всего общества, для утверждения идей демократии и правового государства в самосознании северокавказских народностей. Морально-этические нормы, система семейных ценностей, выработанные в традиционном северокавказском обществе, составляют и сегодня основу существования современной семьи. Но следует отметить, что среди городского населения, где преобладают нуклеарные семьи, стираются старинные обычаи, ценности, слабеет связь между поколениями. В селах, где сохраняются трехпоколенные семьи, жизнь подчиняется во многом традициям. Сегодня жизненно важно формировать в обществе ценности семьи, ребенка, ответственного родительства, позитивного восприятия института устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью, активизировать деятельность институтов гражданского общества и развития общественно-государственного партнерства в сфере поддержки семьи и детства.

В. Гадаев подчеркивает, что новая историческая эпоха обусловила целый ряд существенных изменений во всех сферах жизни кавказских горцев, в том числе и в семейной сфере. Гадаев пишет, что наблюдается эрозия традиционных смыслов горской семьи. Если горской семье ранее был присущ приоритет духовного над материальным, устремленность к высшим ценностям, то сегодня духовно-ценностный код горцев дает трещину [1].

Изучение разных аспектов семьи в современных условиях, уровня брачности, формы заключения брака и форм самого брака позволяет констатировать снижение уровня брачности у народов Северного Кавказа. Это положение в значительной степени обуславливается последствиями бурно происходящих процессов урбанизации и демократизации, которые дают о себе знать в целом ряде новых форм регуляции семейно-брачных отношений как на бытовом, так и на психологическом уровне.

Изменились нормы многодетности в традиционной семье. Происходит уменьшение детей в семье, особенно в городах. Малодетность современных семей подрывает их жизнеспособность, не развивает в них разнообразные внутрисемейные отношения, что не способствует сплоченности семьи.

Сложная социально-экономическая ситуация в стране отразилась на уровне рождаемости в северокавказских семьях. Если еще в начале 1990-х годов на Северном Кавказе отмечался естественный прирост населения, то в последние годы наблюдается резкое снижение рождаемости и повышение смертности. Например, в 1991 г. уровень рождаемости в Дагестане составлял 25,4 на 1000 человек, в 1997 – 19,8, в 2000 – 17,6. Если естественный прирост населения на 1000 человек составлял в 1990 году 19,9 человек, то в 2000 году – 9,9, в 2011 – 12,9. Хотя мусульманская религия отрицательно относится к регулированию рождаемости, иметь в настоящее время большое количество детей в семье, значит обрести семью на бедность, материальные трудности, что отразится и на будущем детей. Лыткина Т. С. Отмечает, что сложности материального обеспечения, отлучение отца от семьи с целью поиска доходов, ориентация на иной уровень жизни, дифференциация общества приводят к изменению института многодетной семьи. Желательное количество детей в семье теперь держится на отметке двое-трое, супруги предпочитают регулировать репродуктивный процесс [2]. Тем не менее, невзирая на все трудности, согласно результатам переписи населения России 2010 года, максимальный естественный прирост имеют Чечня, Ингушетия, Дагестан, Тыва.

А.В. Верещагина и М.М. Шахбанова полагают, что те народы, которые в большей степени сохранили элементы народной культуры, в значительной степени характеризуются традиционным типом демографического поведения, а изменения, произошедшие в социальной, экономической и политической сферах общества в советский и постсоветский периоды, не затронули глубины традиционной культуры народов Северного Кавказа. А.В. Верещагина и М.М. Шахбанова провели социологическое исследование и пришли к выводу о зависимости демографического поведения семьи от традиционных форм брака. Можно констатировать, что хотя в семейной жизни кавказских народов произошли перемены, они не носят кардинальный характер. Авторы пишут: «Результаты исследования показали, что этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи заключается в доминировании традиционного типа демографического поведения, значимыми элементами которого являются многодетность, ролевая асимметрия с мужчиной во главе рода и семьи, традиционный взгляд на состав и функции семьи» [3]. Уважение к старшим остается незыблемым законом, но отношение к молодым и в семье, и в обществе стало определяться не столько их возрастом, сколько образованием, отношением к труду, общественной деятельностью.

В настоящее время балкарская и кабардинская семья также претерпели значительные изменения, которые были вызваны общими социально-экономическими переменами, происходящими в стране. Уважение к старшим является и сегодня важнейшей традицией, которая строго соблюдается. В то же время в КБР существует большое количество пожилых людей, нуждающихся в домах престарелых, чего в прошлом никогда не было. В Нальчикском доме-интернате для престарелых и инвалидов Министерства труда и социального развития КБР в 2009 году находилось 182 человека, в 2010 – 187, в 2011 – 179, в 2012 – 173, в 2013 – 155.

За последние годы в КБР понизился уровень стабильности семьи, что объективно выразилось в резко возросшем уровне разводов. Шортаева И. Х., характеризуя современное состояние семьи в КБР, пишет: «К сожалению, в настоящее время и среди мужчин, и среди женщин стало бытовать представление о беспоследственности развода. В чем-то это представление является как бы реакцией на его мнимую неизбежность. За последние годы оно окрепло и выросло до того, что в определенных кругах населения появилось нечто вроде моды на развод. И хотя она вовсе нетипична для современной кабардинской семьи, нынешние супруги все-таки довольно легко относятся к разводу, считая его незатруднительной и не имеющей последствий процедурой» [4]. На 1000 человек населения в Кабардино-Балкарии приходится в 2010 году 8,2 браков, 2,7 разводов; в 2011 году 8,4 браков, 3,0 разводов; в 2012 году 7,9 браков, 3,0 разводов.

В настоящее время в КБР есть сиротство, чего раньше никогда не было. Например, мониторинг численности новорожденных детей, оставленных в родильных, лечебных учреждениях за 2005–2013 годы демонстрирует: в 2005 году было оставлено 76 детей, в 2006 – 59, в 2007 – 37, в 2009 – 23, в 2010 – 24, в 2011 – 25, в 2012 – 12, в 2013 – 26.

В КБР, как и по России в целом, наблюдается феномен социального сиротства. Социальное сиротство – это явление, обусловленное наличием в обществе детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения их родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими и т.д.

Основными причинами социального сиротства являются:

- злоупотребление родителями спиртными напитками, наркотиками;
- невысокий доход семьи;
- чрезмерная занятость родителей на работе;
- наличие большого количества бытовых проблем в семье;
- неумение или нежелание родителей заниматься воспитанием, образованием и развитием своих детей;
- жестокое обращение с детьми (физическое или психологическое насилие).

Современная осетинская семья сталкивается с теми же проблемами, что и другие семьи. Она также претерпевает серьезные изменения, связанные с модернизацией жизни в стране в целом. Новые реалии вынуждают пересматривать устаревший уклад. Следует отметить повышение экономической активности женщины в городской семье, что в значительной мере объясняется нехваткой средств для поддержания определенного уровня жизни семьи.

В заключение можно сказать, что урбанизация и распространяющаяся массовая культура влияют на систему семейных ценностей северокавказской семьи, что приводит к унификации образа жизни. В ситуации социального кризиса именно семья становится гарантом стабилизации общества. Представляется важным восстановить утраченные северокавказские семейные традиции. Северокавказская модель семейного воспитания может и должна послужить эффективным средством воспитания ребенка в современных условиях. Современная северокавказская семья, уходя своими корнями в семью прошлого, сохраняет и развивает национально-исторические ценности и тем самым аккумулирует многовековой опыт поколений, что оказывает существенное влияние на стабилизацию духовно-нравственных основ общества. Но в то же время семья со всем спектром ее функций, ценностей претерпела существенные изменения.

Библиография

1. Гадаев В. Институт кавказской семьи: некоторые особенности его трансформации // Россия и мусульманский мир. 2014. № 3. С. 56–68.
2. Лыткина Т.С. Трансформация семьи и домашнего хозяйства. Опыт социоэтнического описания жизни табасаранцев // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 118–126.
3. Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 72–85.
4. Шортаева И.Х. Проблемы изучения семьи и семейного быта кабардинцев на современном этапе // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 9. Нальчик, 2002. С. 30–42.

МОЛОДЕЖЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Гамидова Н.В.

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

nat-gamidova@yandex.ru

Статья посвящена выявлению и раскрытию понятия «молодежь» и ее роли в российском обществе, которая кардинально меняется и связана с целым рядом внутренних и внешних вызовов.

Ключевые слова: молодежь, мобильная часть социума, государственная молодежная политика, социальные функции воспитания, групповая саморефлексивность, ценностные ориентиры молодежи, индикатор происходящих перемен.

YOUTH AS A SOCIAL GROUP

Gamidova N.V.

Adyghe Republican Institute of humanitarian studies

The aim of this article is to identify and disclose the situation of youth in the Russian society, which is changing dramatically, due to several internal challenges.

Keywords: youth, the mobile part of the society, state youth policy, social functions of education, group selfreflexive, value orientations of youth, the indicator of change.

Выбор молодежи как объекта исследования обусловлен тем, что именно молодежь является той социальной группой населения, которая в наибольшей степени отражает гипотетическую перспективу развития общества, объективно и критически оценивает происходящие в обществе события и явления. Под молодежью понимается социально-демографическая группа, характерной чертой которой является становление социальной зрелости, адаптация к миру. В Конституции РФ нет отдельных пунктов, посвященных молодежи, отсутствует и само определение молодежи, однако в федеральных законодательных актах к молодежи отнесены граждане от 14 до 30 лет. Молодежь занимает важное место в общественных отношениях, производстве материальных и духовных благ. Можно сказать, что ее положение в обществе зависит от государственной молодежной политики, под которой понимается деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических условий и гарантий для развития молодежи.

Одно из первых определений понятия «молодежь» было дано в 1968 г. В.Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодёжи могут колебаться от 16 до 30 лет» [1]. Позднее более полное определение было дано И.С. Коном: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [2].

В науке существуют различные возрастные типологии выделения молодежи. В силу объективных демографических и социально-экономических процессов (в разных регионах России) за нижнюю границу «юношеско-молодежного» возраста обычно принимается 14–15, за верхнюю – 29–30 лет. По классификации ООН, молодежью считаются люди от 14 до 25 лет. Таким образом, юность и молодость считаются целостным периодом становления человека. В основе понятия «молодежь» лежат этапы развития человека и соответствующие им особенности формирования личности, реализации ее потенциала, потребностей и возможностей. На вопрос о возрастных границах молодежного возраста в социологии нет однозначного ответа. Например, «Рабочая книга социолога» выделяет следующие периоды в жизни человека: до семи лет, 8 – 15, 16 – 17, 18 – 25, 26 – 30, 31 – 40, 41 – 50, 51 – 60, 61 год и старше [3]. Маршак А.Л. указывает только верхний возрастной предел – до 30 лет [4]. Более точно определяет молодежный

возраст Б.А. Ручкин: «Общепринятые для российской действительности границы понятия «молодежь» определены в интервале от 15 до 29 лет, т.е. в 15 лет. Естественно, целостный процесс социализации и индивидуализации молодежи разграничивается на определенные временные этапы. Условно: подростки – до 18 лет, молодежь – 18–24 года, молодые взрослые – 25–29 лет» [5]. Авторы сборника «Молодежь России» дают следующее определение понятия «молодежь России»: «социально-демографическая группа общества, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе. Возрастные границы понятия «молодежь» лежат в интервале от 15 до 29 лет включительно» [6].

В исследованиях, посвященных изучению становления личности, юношеский возраст рассматривается учеными с различных точек зрения: деятельности, особенностей общения, психологии, с позиций развития саморегуляции жизнедеятельности. Психологическое содержание юношеского и молодежного возрастных этапов формирования личности в большей степени связано именно с развитием самосознания, решением задач личностного и профессионального самоопределения. Основным компонентом социальной ситуации развития в рассматриваемый период Л.И. Божович считает определение своего места в жизни: «в юношеско-молодом возрасте необходимо так или иначе решить проблему своего будущего» [7]. В качестве общей психологической тенденции развития в юности Л.И. Божович выделяет коренные изменения в содержании и соотношении основных мотивационных параметров. В связи с необходимостью самоопределения возникает потребность в том, чтобы разобраться в окружающем мире и в самом себе, приобретающая самостоятельное значение. Этот процесс является формированием мировоззрения, что представляет собой выработку собственных взглядов в области науки, общественной жизни, морали, построение собственной картины мира.

Таким образом, ученые определяют молодежь как социально-демографическую группу общества, выделяемую на основе совокупности характеристик, особенностей социального положения, обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе. Общепринятой становится точка зрения, согласно которой молодежный возраст начинается с изменением объективных условий жизни, общественного положения. Сущность самого понятия «молодежь», таким образом, приобретает социальную природу. Следовательно, при определении понятия «молодежь» важно учитывать социальные критерии, не ограничивая его рассмотрением антропологического и возрастного содержания. Поэтому большинство современных исследователей в основу определения молодежи кладут несколько критериев.

Наиболее полно интегративный подход к пониманию молодежи реализован в современных социально-психологических концепциях. Важной характеристикой молодых людей является восприятие себя именно как «молодых», как обладающих статусом и особенностями молодежи, в отличие от детей и взрослых. Для юноши осознание принадлежности к молодежи осуществляется через осознание факта некоторой психологической общности с другими членами данной социальной группы. Именно это самовосприятие позволяет говорить о молодежи как о социальной группе. Следовательно, молодежь как реальная социальная группа обладает тремя основными признаками коллективной субъектности: взаимосвязанностью, совместной активностью и групповой саморефлексивностью. Исходя из представления о молодежи как субъекте социальной деятельности можно утверждать, что общность содержания деятельности молодежи порождает и общность ее психологических характеристик, ее групповое сознание.

В Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года под молодежью понимается «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)» [8]. В документе также отмечается: глобальные тенденции убедительно доказывают, что стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь. Молодежь России как наиболее восприимчивая и мобильная часть социума поддерживала прогрессивные реформы и претворяла их в жизнь. Патриотические устремления молодежи развивали науку и промышленность, обеспечившие рост экономики и улучшение качества жизни. Новые вызовы, связанные с изменениями в глобальном мире, новые цели социально-экономического развития страны требуют системного обновления, развития задач и механизмов государственной молодежной политики. Приоритеты Российской Федерации ориентированы на укрепление воспитательной роли семьи, общества и государства. Российская молодежь все ярче демонстрирует активную позицию по развитию гражданского общества. Формируются меха-

низмы создания молодежью общественных благ. Отмечается, что в 2014 году в Российской Федерации проживают 33,22 млн граждан в возрасте от 14 до 30 лет.

В «Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г.» подчеркивается: «Демографический прогноз Росстата до 2030 г. показывает, что в ближайшие годы в России произойдет резкое сокращение численности молодежи с 35,2 млн человек (2012 г.) до 25,6 млн человек (2025 г.), или на 27,3 %. При этом речь идет как о трудовой деятельности молодежи после завершения образования, так и о воспроизводстве населения – резкое сокращение численности молодежи в детородном возрасте ставит вопрос о социальном и экономическом развитии Российской Федерации уже за пределами 2050 г. В самых продуктивных возрастах (23–30 лет) сокращение численности молодежи составит от 36,1 % (30 лет) до 50 % (25 лет), а по остальным возрастам будет превосходить 40–45 %» [9]. В Стратегии также отмечается, что в предстоящие годы положение молодежи в российском обществе претерпит кардинальные изменения, что продиктовано целым рядом внутренних вызовов. Следствием демографического спада 90-х годов станет резкое снижение населения России молодежного возраста (14–30 лет). «Динамика численности молодежи такова: 1995 г. – 35,2 млн человек, 2000 г. – 38,3 млн человек, 2005 г. – 39,5 млн человек, 2010 г. – 36,6 млн человек. Согласно прогнозируемым данным, к 2025 г. общая численность молодежи сократится до 25 млн человек, что окажет крайне негативное влияние на социально-экономическое развитие Российской Федерации» [9]. Исследователи указывают, что согласно последним переписям населения РФ численность молодежи уменьшается в связи с сокращением рождаемости в 1990-е годы. Н.Е. Маркова отмечает: «За восемь лет, прошедшие между последними переписями населения Российской Федерации (2002–2010 гг.) численность молодежи уменьшилась более чем на 1 млн человек – с 32,3 млн до 31,1 млн» [10].

В заключение можно сказать, что молодежь – это относительно самостоятельная социально-демографическая группа, обладающая комплексом специфических свойств и признаков, позволяющих идентифицировать ее как целостную социальную общность, состоящую из различных элементов. Можно выделить наиболее типичные подходы к определению молодежи на основании различных критериев. Возрастные определения молодежи наиболее распространены, однако большинство ученых отказываются от установления жестких возрастных границ при определении молодежи. Возраст следует использовать как один из критериев в сочетании с другими критериями. Особенности молодежи определяются ее промежуточным социальным положением, психологическими характеристиками данного возрастного периода, типом общественного устройства, культурой и свойственными данному обществу особенностями социализации.

Библиография

1. Лисовский В.Т. Эскиз к портрету: жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М.: Молодая Гвардия, 1969. 208 с.
2. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
3. Рабочая книга социолога. М., 1977.
4. Маршак А.Л. Особенности социокультурных связей социально дезориентированной молодежи // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 94–97.
5. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 90–98.
6. Молодежь России. Тенденции. Перспективы. М.: Молодая гвардия, 1998. 168 с.
7. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: ПИТЕР, 2008. 399 с.
8. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 29 ноября 2014 г. N 2403-р. 8 декабря 2014 г. Интернет-портал «Российской Газеты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru>.
9. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. 8 декабря 2014 г. Интернет-портал «Российской Газеты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru>.
10. Маркова Н.Е. О государственной молодежной политике в Российской Федерации // Народонаселение. 2013. № 2. С. 17–19.

ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Гамидова Н.В.

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

nat-gamidova@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы формирования менталитета молодежи в трудах мыслителей Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима: Пифагора, Гераклита, Сократа, Демокрита, Платона и др.

Ключевые слова: молодежь, менталитет молодежи, нравственность, мудрость, социальные функции воспитания, политическая социализация, ценностные ориентиры молодежи, молодежное сознание.

THE PROBLEM OF YOUTH MENTALITY OF ANCIENT PHILOSOPHY

Gamidova N.V.

Adyge Republican Institute of humanitarian studies T.M. Karaseva

In the article the problems of formation of mentality of youth in the writings of thinkers of the Ancient East, Ancient Greece and Rome: Pythagoras, Heraclitus, Socrates, Democritus, Plato, etc.

Keywords: youth, youth mentality, morality, wisdom, social functions of education, political socialization, values youth, youth consciousness.

Актуальность исследования менталитета молодежи обусловлена противоречивостью и динамизмом современного общественного развития. Размышления о молодежи имеют глубокие исторические корни и впервые нашли свое отражение в трудах мыслителей Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима.

Цель настоящей статьи – выявление и раскрытие истоков знания о менталитете молодежи, определение наиболее значимых факторов, выделенных античными мыслителями при формировании поведения молодых людей в обществе.

Вопросы воспитания и образования молодых людей, служения их обществу и государству освещались в трудах Пифагора, Платона, Аристотеля, Цицерона и других выдающихся философов античности.

Пифагор предложил ряд правил для воспитания молодых людей. Самым важным является правило «Уважай закон», которое в первую очередь означает уважение к родителям, сдержанность и немногословие. Плутарх в своей работе «О воспитании» приводит и другие правила Пифагора, которые способствуют обучению добродетели: «Не ешь мелануры», что говорит о необходимости «...оградить юношей от встреч с плохими людьми, чтобы к ним не прилепилось от них ничего плохого». Интерес вызывают и другие правила поведения: «Не ступай по лестнице дальше последней перекладины», то есть, заботься прежде всего о справедливости и не преступай ее границ. «Не садись на землемера», то есть, избегай праздности и старайся самому заработать себе на жизнь. «Не подавай руки каждому», то есть, не дружи с кем попало. «Не носи узкого кольца» – необходимо обеспечить себе жизнь свободную, не связанную никакими узами. «Не руби огонь мечем», то есть, не дразни того, кто в гневе, это тебе не на пользу; разгневанному лучше уступить. «Не грызи свое сердце», то есть, не мучай свою душу и не допускай, чтобы она сама себя пожирала заботами. «Избегай бобов», то есть, сторонись государственной деятельности (в старину на выборах голосовали при помощи бобов). «Не бросай еду в ночной горшок» означает, что не стоит говорить хорошие слова тому, у кого душа грязна, ведь слово – это пища души и оно не должно быть измарано людскими пороками. «Дойдя до цели, не оборачивайся», то есть, если ты должен умереть и уже видишь конец своей жизни, принимай это со спокойствием и не падай духом» [1].

Таким образом, в «пифагорейских братствах» воспитание и обучение молодых людей представляло собой хорошо продуманную, отлаженную систему, которая была призвана упорядочить и гармонизировать их поведение, менталитет.

Другой известный философ античности Гераклит полагал, что свойством человека является обучаемость и способность к освоению нравственности, считал, что всем людям дано познавать самих себя и быть целомудренными. Каждый человек способен к обучению, познанию истины и совершенствованию.

нию. У человека есть два основных орудия познания: ощущения и разум. Через органы чувств обучающийся «вступает в контакт с объемлющим и приобретает рациональную способность». Критерий истины не в том, что «узнают на опыте», а во всеобщем, которое следует научиться слушать и понимать и о котором следует уметь правильно говорить: «Кто намерен говорить с умом, те должны крепко опираться на общее для всех...» Разум, а не чувства, свидетельствует об истинности или ложности явления. Кто не владеет этим искусством, того нельзя считать образованным: «Должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно». Цель умственного воспитания – познание замысла, которым все управляется посредством всего. По Гераклиту, «мудрость... в том, чтобы говорить истину и действовать согласно природе, осознавая», Для этого нужен длительный процесс обучения. Мыслитель утверждал: «Многознание уму не научает. Разумение – величайшая добродетель, и мудрость состоит в том, чтобы говорить правду и действовать в согласии с природой, ей внимая» [2].

Демокрит придавал огромное значение воспитанию, которое ведет к обладанию мудростью, то есть тремя дарами: «хорошо мыслить», «хорошо говорить», «хорошо делать». В формировании мировоззрения и миропорядка важную роль играют родители, которые всецело должны посвятить себя воспитанию детей. Процесс воспитания и обучения – сложный, но благодарный труд, который преобразует природу человека. Качества, необходимые для гражданина, создаются воспитанием, обучением. Целью жизни и для молодых, и для старых Демокрит считал хорошее расположение духа, удовольствие, которое подчинено мере. В. В. Асмус дает следующую характеристику этики Демокрита: «Этика Демокрита просветлена разумом и оптимистична. Если источник ошибочного действия в отсутствии или недостатке знания, то это значит, что в жизни людей нет никаких недостатков и зол, которые не могли бы быть устранены и побеждены. Все дело в приобретении необходимых знаний. Человеку принадлежит – в возможности – весь мир, и нет никаких границ для его совершенствования» [3].

Большую роль семьи в формировании менталитета молодежи подчеркивал Плутарх: «Часто я ругал отцов, которые сами позволили испортиться характеру своих детей тем, что хотя и оплатили им в детстве учителей с воспитателями, в юношеском возрасте все пустили на самотек, в то время как именно в это время необходимо быть даже более осторожным и внимательным, чем в детстве. Кто не знает, что провинности детей – мелки и легко исправляемы. Что это? Невнимание к воспитателям, проказы с учителями, непослушание. Проступки же юношей, напротив, часто бывают отчаянными и серьезными: несдержанность в еде, воровство отцовских денег, игра в кости, кутежи, попойки, волокитство за девушками и соблазнение замужних женщин. Потому то и необходимо обуздывать их желания и держать их под постоянным вниманием... Умные отцы поэтому в этом возрасте должны быть внимательными и бдительными, вразумляя сыновей поучениями, угрозами, просьбами, советами, обещаниями, намеками и примерами того, как одни из любви к роскоши кончили плохо, а другие благодаря сдержанности добились славы и почестей [1].

Согласно Сократу, главной среди жизненных целей человека должно быть нравственное самосовершенствование. По Сократу, человек обладает разумным сознанием, направленным к добру и истине. Мысль Сократа о решающем значении знания для этического поведения человека, формирования нравственного менталитета выражена в диалоге Платона «Протагор». Главной ошибкой Сократ считал мнение большинства людей, полагающих, «будто многие, зная, что лучше всего, не хотят так поступать, хотя бы у них была к тому возможность, а поступают иначе» [4]. По Сократу, счастье человека состоит в устранении противоречия между личным и общественным бытием. Акцент на личных интересах, их противопоставление интересам ближних ведут к душевному разладу и дисгармонии с обществом.

Платон подчеркивал значение социальных функций воспитания. Его цель – сделать совершенным молодого человека гражданином, умеющим справедливо подчиняться или начальствовать. В идеальном обществе руководитель дела образования является первым лицом государства. Государство опекает будущих матерей, заботясь, чтобы они вели здоровый образ жизни. Платон провозглашает принцип всеобщего обязательного обучения: «Стар и млад должны по мере сил получить образование». Таким образом, для развития менталитета молодежи Платон считал необходимым разностороннее образование. На вопрос: «Каким будет воспитание?» Платон отвечает: «Для тела – это гимнастическое воспитание, а для души – мусическое. И воспитание мусическое будет у нас предшествовать гимнастическому» [5]. Платон полагал, что хорошее душевное состояние своими добрыми качествами обуславливает наилучшее состояние тела. Платон отводил большую роль искусству как средству нравственного воспитания, которое оказывает эмоциональное влияние на подрастающее поколение, а также на все слои общества.

Большой вклад в исследование проблем молодежи внес Аристотель. В своем труде «Политика» он писал: «Вряд ли кто будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этот предмет находится в пренебрежении, и сам государственный строй терпит оттого ущерб» [6]. Аристотель полагал, что менталитет мо-

лодежи должен характеризоваться добродетелью, что является главной задачей государства. Он приходит к выводу: «А так как все государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех граждан нужно тождественное воспитание, и забота об этом воспитании должна быть заботой государственной, а не делом частной инициативы» [6].

Монтень высоко оценивал методы воспитания Аристотеля, которые он применял к Александру Македонскому. Монтень пишет: «Я согласен с Плутархом, что Аристотель занимался со своим великим учеником не столько премудростью составления силлогизмов и основами геометрии, сколько стремился внушить ему добрые правила по части того, что относится к доблести, смелости, великодушию, воздержанности и не ведающей страха уверенности в себе. С таким снаряжением он и отправил его, совсем еще мальчика, завоевывать мир, располагая всего лишь тридцатью тысячами пехотинцев, четырьмя тысячами всадников и сорока двумя тысячами эки» [7].

Аристотелю принадлежит одна из первых попыток дать возрастную периодизацию развития человека от рождения до 21 года, когда он становится полноправным членом общества. Менталитет молодежи, согласно Аристотелю, должен определяться добродетелью. Воспитатель прежде всего развивает душу, которая имеет три части, выполняющие различные функции: растительную, животную, разумную. Поэтому необходимо три вида воспитания, соответствующие трем видам души: физическое, умственное, нравственное. Аристотель подчеркивал важную роль учителей, которые должны уметь закалять молодежь физически и духовно. По мнению Аристотеля, судьба государства зависит от политической и моральной закалки молодого поколения, законы не будут иметь никакой пользы, если граждане не научатся государственному порядку, не будут воспитаны в государственном духе. Недисциплинированность одного члена общества – это дисциплинированность всего государства.

Аристотель полагал, что цель воспитания молодежи в достижении совершенного человека. Совершенный человек направляет свою деятельность на достижение нравственного совершенства. Условием его достижения является добродетель. По Аристотелю, человеческая добродетель – это способность верно ориентироваться, выбирать надлежащий поступок, определить местонахождение добра. Это умение Аристотель выражал посредством понятия «середины». Аристотель утверждал: «Каждый знающий избегает излишества и недостатка, ищет среднего пункта и стремится к нему, и именно среднего не по отношению к делу, а к себе самому. ... добродетель ... должна стремиться к среднему» [6]. Человек должен стремиться к совершенству, так как совершенный человек обо всем судит правильно и во всем ему открывается истина.

По мнению Цицерона, государство должно воздействовать на процесс становления молодого поколения определенными мерами. Основу государства он усматривал в правильном воспитании молодежи [8]. Задачей государства является воспитывать из молодых людей идеальных граждан. Обязанности идеального гражданина, согласно Цицерону, обусловлены необходимостью следования таким добродетелям, как познание истины, справедливость, величие духа и благопристойность. Гражданин не только не должен сам вредить другим, нарушать чужую собственность или совершать иные несправедливости, но, кроме того, обязан оказывать помощь потерпевшим несправедливостью и трудиться для общего блага.

Воспитанию молодежи уделил большое внимание Сенека. Основным методом воспитания молодого поколения он считал самодвижение к божественному идеалу. Основным понятием, характеризующим процесс воспитания у Сенеки, выступает «норма». Воспитатель-философ в своей педагогической деятельности не должен допускать отклонений от нормы, а своим поведением в жизни должен утверждать ее. Основное средство воспитания – назидательные беседы-проповеди с наглядными примерами из жизни и истории.

Сенека был сторонником энциклопедического образования и высказывал идею о безграничном прогрессе человеческого знания. Традиционные «семь свободных искусств» он не считал основными школьными дисциплинами. Конечной целью воспитания Сенека считал подготовку юношества к жизни и деятельности в «сообществе богов и людей». В «Нравственных письмах к Луцилию» он определяет высшее благо как то, что честно: «Только то и благо, что честно, а все остальные блага ложные и поддельные» [9]. Для воспитания молодежи нужны добрые наставления, как и добрые примеры.

Таким образом, мыслители Древнего мира подразумевали под молодостью особую фазу человеческой жизни, для которой свойственны неопытность в житейских делах, максимализм позиций. Государство и семья должны заниматься вопросами воспитания и образования молодых людей, формирования менталитета для служения обществу и государству.

Библиография

1. Плутарх. О воспитании детей // Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Т. 1. Л.: АН СССР, 1961–1964. 1042 с.
2. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1969. 937 с.
3. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2001. 543 с.
4. Платон. Протагор // Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1968. 486 с.
5. Платон. Государство // Соч. в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. 698 с.
6. Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
7. Монтень М.Э. Опыты. М.: Правда, 1991. 657 с.
8. Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. М.: Наука, 1991. 218 с.
9. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. 460 с.

ПРОБЛЕМА ЭТНОСА И ЭТНИЧНОСТИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ НАУКИ

Шокалова А.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

a.shokalova@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы этничности и ее роли в современных условиях. Крах существовавших в недавнем прошлом концептуальных дискурсов «плавильного котла» и «мультикультурализма» приводят к необходимости поиска новых подходов к этносу и этничности на основе формирующейся методологии современного научного познания.

Ключевые слова: этнос, этническое поле, этничность, сложные саморегулирующиеся и самоорганизующиеся системы, постнеклассическая наука, синергетика, междисциплинарность и трансдисциплинарность.

THE PROBLEM OF ETHNICITY IN POSTNONCLASSICAL SCIENCE PARADIGM

Shokalova A.H.

Kabardino-Balkarian State University

The article is devoted to the investigation of the problem of ethnicity and its role in modern conditions. The collapse of the conceptual discourses of the «melting pot» and «multiculturalism», existed in the recent past, lead to the necessity to find new approaches to ethnicity and ethnicity-based emerging methodology of modern scientific knowledge.

Keywords: ethnose, ethnic field, ethnicity, complex self-regulating and self-organizing systems, post-nonclassical science, synergy, interdisciplinarity and transdisciplinarity.

В условиях современного исторического процесса, связанного с процессами глобализации, наблюдается значительный интерес к проблемам этноса и этничности. Это связано с повышением роли этноса в общественных процессах, с устойчивыми тенденциями сохранения этнической целостности, физического и социокультурного его выживания. Данные феномены противоречат теоретико-методологическим представлениям о неуклонном понижении и в конечном счете – полном нивелировании этнического фактора в прогрессивном общественном развитии человечества. Резко обострившиеся межэтнические отношения в различных регионах мира привели к необходимости замены концептов «*плавильного котла (тигля)*» и «*мультикультурализма*». Подобной заменой, по мнению некоторых авторов, может явиться теория «*этнического плюрализма*» [1]. Это обстоятельство подводит нас к необходимости переосмысления роли этноса и этничности в условиях глобализирующегося мира.

Особенностью современного состояния разработок методологических основ исследования проблем этноса и этничности является поиск концептуального узла нового дискурса. Таким концептуальным узлом, по нашему мнению, может стать *социальная синергетика*, выступающая междисциплинарной областью исследования сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся социальных систем, позволяющая учитывать не только статику, но и динамику этноэволюционных процессов.

Предтечей социальной синергетики можно признать с определенными оговорками теорию этногенеза Л.Н. Гумилева. И, несмотря на то, как неоднозначно было воспринято научным сообществом эта концептуальная структура, в методологическом плане она предвосхитила некоторые базовые положения, которые впоследствии легли в основу современного социально-гуманитарного познания [2].

Вместе с тем следует иметь в виду и те наработки в западной этнологической науке, которые связаны с возможностями плюралистических подходов к проблемам этногенеза. Так, по мнению Р.Т. Хаустовой, стоит учитывать, прагматический менталитет Запада, который не проявляет особого интереса к абстрактной социально-философской теории. «Некоторые постмодернистские концепции в той или иной степени не признают даже *объективный характер* этнических общностей, намеренно игнорируют всю историю, кроме новейшей» [3].

Наиболее адекватно отличие подходов отечественных от западных исследователей в решении проблем этногенеза и этноэволюции выразил Н.Г. Скворцов. «Там, где британцы видели статичность и свя-

занность, – пишет он, – советские этнографы усматривали социальное явление в процессе изменения, включающее в себя элементы прошлого и перспективы будущего его состояния» [4].

В данной связи именно обращение исследователей к методологии, предложенной Гумилевым, позволяет представить этносы, с одной стороны, как особый социум самоорганизующихся систем, который способен своими действиями создавать и поддерживать свою системную целостность, с другой, – защищать эту системную целостность от воздействий извне, со стороны внешних условий бытия этноса. Сама же история этноса предоставляет обширный материал для возможностей его интерпретации с позиций трансформации методологии Гумилева в методологию «социальной самоорганизации и саморазвития», связанную с нелинейными механизмами этногенеза, которые подобны *синергетическим закономерностям структурообразования*. Именно самоорганизация выступает той основой, которая обуславливает и этноэволюцию.

Однако самоорганизационные процессы этносоциальных систем возможны лишь при достижении ими определенной степени сложности. «Этнос как сложная система представляет собой социальный организм, вид, биогеоценоз, – указывает Гумилев, – которые подчиняются той же закономерности, даже с учетом того, что они построены по принципу иерархии: подсистемы образуют системную целостность – суперсистему; суперсистемы – гиперсистему и т.д.» Таким образом, наличие всеобщих связей, создающих динамические стереотипы, более или менее устойчиво, но никогда не вечно. «Этнос, – продолжает далее Гумилев, – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической Среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы ... Структура этноса всегда более или менее сложна, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость, благодаря чему он имеет возможность пережить века смут, смут и мирового увядания» [2].

Таким образом, этногенез, в результате которого возникает новая историческая социальная система, обусловлена процессами самоорганизации, связанными с деятельностью определенной – пассионарной частью его членов. С точки зрения процессов самоорганизации в этноэволюции можно выделить два основных аспекта. Первый аспект – это процессы, которые приводят к согласованному взаимодействию элементов этнического целого в процессе совместной их жизнедеятельности. Второй – процессы коэволюционного характера – взаимообусловленной эволюции этноса и природного ландшафта, с одной стороны, этноса и социальной среды, с другой. Однако перспективы этноэволюции через процессы самоорганизации связаны не только со способностью этноса достаточно согласованно выполнять ту или иную совокупность действий, а прежде всего – его способностью создавать для себя оптимальные для выживания и развития условия, т.е. выступать как самоорганизующаяся система. Система называется самоорганизующейся, если она способна на основании оценки взаимодействия внешней среды путем последовательного изменения своих свойств прийти к некоторому устойчивому состоянию, когда воздействия внешней среды окажутся в допустимых пределах. По отношению к этносу это означает, что в новых исторических условиях он способен так изменить свою культуру и внутреннюю структуру, чтобы сохраниться как целое не только в физическом, но и в культурном смысле [5].

Адаптация этноса к новым условиям жизни в эпоху глобализации требует и организационных перестроек, связанных как нравственными основами общества, так и с изменением характера политических организаций и общественных учреждений. Все это приводит к необходимости учета не только самоорганизационных процессов, но и организующих воздействий на мотивационную сторону жизнедеятельности этноса. В данной связи проблема состоит в необходимости согласования самоорганизационных процессов с организующими воздействиями в этноэволюции. В этом отношении представляет эвристическую ценность предложенный Гумилевым принцип «*этнического поля*», которым обеспечивается координированное взаимодействие многочисленных элементов целого. «Именно благодаря наличию этнического поля не рассыпаются на части этносы, разорванные исторической судьбой и подвергшиеся воздействию разных культур» [2].

Вместе с тем необходимо отметить, что этнос наряду со способностью к самоорганизации, приводящей к образованию новых структур, также обладает способностью к саморегуляции. «Может показаться странным, – пишет Гумилев, – то, что мы приписываем этносу способность к саморегуляции. Однако этнос в историческом развитии динамичен и, следовательно, как любой долгоидущий процесс, реализуется с наименьшими затратами энергии, чтобы поддерживать свое существование. Прочие отсекаются и затухают. Все живые системы сопротивляются уничтожению, т.е. они антиэнтропийны и приспособляются к внешним условиям, насколько это возможно. А коль скоро некоторая сложность структуры повышает сопротивляемость этноса внешним ударам, то неудивительно, что там, где этнос при рож-

дении не был достаточно мозаичен, как, например, в Великороссии XIV–XV вв., он стал сам выделять субэтнические образования, иногда оформлявшиеся в виде сословий» [2].

В заключение обратимся к важнейшему, с нашей точки зрения, вопросу о *механизмах* многообразных форм самоорганизации в этноэволюции.

По всей видимости, эти многообразные формы самоорганизации требуют индивидуального подхода, несмотря на наличие в самоорганизационных процессах общих механизмов. Как указывали основатели синергетического подхода, не существует универсального закона, из которого можно было бы вывести заключение относительно поведения всех без исключения самоорганизующихся систем [6]. В данной связи мы ограничимся рассмотрением тех механизмов – «параметров порядка», которые выполняют ведущую роль на том или ином этапе развития этноса.

К таким «параметрам порядка» можно отнести:

- независимые интеллектуальные элиты (интеллигенция, административно-чиновничий аппарат, предприниматели и др.);
- общественные движения, народные фронты, неформальные объединения, которые, выступая фактором внутриэтнической консолидации, значительно повышают его организационный потенциал;
- этнические общности (в психологическом, социокультурном, территориальном и иных аспектах), связывающие субъекты этноса;
- локальные субкультуры как группы с высоким уровнем согласованности в мировидении, а также общими представлениями о ценностях и смысле жизни, правилах и нормах поведения и др.;
- «надлокальные» круги общения, в которых происходит формирование и развитие общеэтнических слоев культуры, которые в кризисных ситуациях могут влиять на формы и интенсивность проявления этнического самосознания;
- традиции, которые равно взаимодействуют с общественной и природной средой;
- подсознательные установки, стремления, интересы субэтносов, детерминирующие поведение этнических масс;
- социально значимые информационные потоки, связанные с выработкой новых ориентиров, поддержания своих жизненных ценностей, норм, правил поведения и т.д. [1].

Мы осознаем, что это не все факторы, выступающие в качестве «параметров порядка» в этноэволюции. Необходимы дальнейшие исследования в этой области.

В качестве обобщения можно констатировать, что концептуальный подход к такому феномену как этническая реальность связан с необходимостью использования всех методологических возможностей формирующейся постнеклассической науки:

- во-первых, это междисциплинарный и трансдисциплинарный подходы на основе синтеза естественно-научного и социально-гуманитарного знания;
- во-вторых, проблемноориентированность – фокусирование научных исследований на основе консолидации научного сообщества вокруг основной проблемы;
- в-третьих, ценностная ориентация исследований;
- и, в-четвертых, интерпретация результатов в поисках смысла исследуемой проблемы.

Библиография

1. Шевлоков В.А., Болотоков В.Х. Синергетическая концепция этноса: постановка проблемы // Мир этноса: аспекты и методы исследования. 1999. С. 30–57.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. 560 с.
3. Хаустова Р.Т. Проблема этногенеза в постнеклассической науке: дисс. ... канд. философ. наук. Нальчик, 2004. 152 с.
4. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. 184 с.
5. Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М., 1990. С. 5–39.
6. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М., 1991. 240 с.

ПОСТАНОВКА И АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Лурье А.Г.

*Институт по переподготовке и повышению квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета*

infoippk@sfedu.ru

В статье показано, что введение концепта социальной критики в проблемное поле социально-философской рефлексии вызвано тем, что развитие социальной теории в условиях сложного общества предполагает критическое рассмотрение как социальных процессов, так и концептуальных оснований самой теории. Необходимость в концептуальном теоретическом анализе феномена социальной критики обусловлена аксиоматикой развития критического мышления. Проблемное поле, включающее разнообразие сюжетов, связанных с изучением явления социальной критики, постепенно позиционируется в социальном познании и требует своего социально-философского осмысления в применении к реалиям модернизируемого российского общества.

Ключевые слова: социальная критика, социально-гуманитарное знание, критическая социальная теория, интеллектуальный дискурс, идеология социальной критики.

STAGING AND UPDATE PROBLEMS OF SOCIAL CRITICISM IN THE SOCIAL AND HUMANITIES

Lurie A.G.

Political Sciences and Law of the Institute of Retraining of Southern Federal University

The paper shows that the use of the concept of social criticism in the problem field of social and philosophical reflection is because of the fact that development of social theory in a complex society requires a critical examination of social processes, and conceptual foundations of the theory itself. The need for a conceptual theoretical analysis of the phenomenon of social criticism is due to the axiomatic development of critical thinking. Problem field, which includes a variety of subjects connected with the study of the phenomenon of social criticism, is gradually positioning in social cognition and requires social and philosophical understanding of the realities in the context of the modernizing Russian society.

Keywords: social criticism, social and humanitarian knowledge, critical social theory, intellectual discourse, ideology of social criticism.

Постановка и актуализация в социально-гуманитарном знании проблемы социальной критики диктуется соображениями, связанными с особенностями проявления данного явления в российской социальной реальности и насущной необходимостью его дальнейшей концептуально-теоретической проработки. Введение соответствующего концепта в проблемное поле социального познания вызвано соответствующими проявлениями состояния и основных трендов социального процесса, когда те или иные общественные силы и социальные субъекты стремятся затормозить его развитие и нейтрализовать социальные нововведения.

Проблемное поле, включающее разнообразие сюжетов, связанных с изучением явления социальной критики, постепенно позиционируется в социальном познании и требует своего социально-философского осмысления в применении к реалиям модернизируемого российского общества при исследовательском акценте на широком спектре понимания термина и феномена социальной критики как в области прикладных дисциплин, так и в сфере социально-философского знания.

При этом, как пишет философ У.В. Болотова, в российском обществе вследствие кардинальных трансформаций сложилась ситуация, вызывающая потребность критического осмысления происходящего. Возможность и способность критического анализа прошлого позволяет лучше понять нынешнюю действительность и очертить контуры будущего мироустройства [1].

Социальный философ С.В. Рудановская исходит из того, что в основе социальной критики в течение всей человеческой истории лежит несогласие со сложившимся порядком вещей; это – неразумные социальные установления, бездушность человеческих взаимоотношений, несправедливость распростра-

нения знания, власти и материальных благ. Недаром всякий социальный критик руководствуется верой в возможность социальных трансформаций, в дееспособность новаторских идей, замыслов и проектов, а социально-критический дискурс не позволяет мириться с социальной инерцией, выявляет сбои в функционировании социума и экстраполирует последствия подобных сбоев на повседневную жизнь [2].

Согласно той же С.В. Рудановской, критическая позиция сама по себе может обнаружить новые аспекты социальной реальности, отличающейся подвижностью и многообразием интерпретаций, от которых во многом зависит восприятие и осмысление новой социальности. В силу этого исследование социальной критики может способствовать не только приращению знания о процессах социальной действительности, но и формировать сами знания в рамках «живых» процессов социальной коммуникации. Данный подход обладает эвристической значимостью, поскольку позволяет включить в исследовательское пространство пласты человеческого существования, связанные с экзистенциально-личностными и социально-практическими обстоятельствами. Тем самым по-новому могут быть поставлены вопросы о том, что есть социальное, каким образом оно находит отражение в человеческом сознании, как соотносятся реальное и воображаемое [3].

Переживаемое российским обществом время – это период кризиса традиционных связей, утраты социокультурной идентичности индивидами и общностями, когда человек вынужден как бы заново определять свое место в социальной реальности, формировать собственные жизненные стратегии, включаться в адекватные поведенческие и коммуникативные структуры.

Современное общество становится информационным, оставляя в истории индустриальные и постиндустриальные эпохи. Эти процессы сопровождаются утверждением новой среды обитания, иных социальных и моральных ценностей, иной повседневности, нового образа жизни. Меняется сама движущая сила социальных перемен [4].

Современная социальная теория сталкивается с проблемой понимания и интерпретации новой социальной реальности, которая находится в процессе «освобождения» от репрессивности привычных культурных форм и фрагментов былой социальности.

Именно из этого исходит А.Ю. Козлов, когда пишет о том, что трансформация социальной теории в современную эпоху предполагает критическое рассмотрение как социальных процессов, так и парадигмальных оснований самой теории. Социальная критика, выступая в качестве вида освоения социальной действительности, рассматривает альтернативные варианты развития социальной реальности, что дает возможность постоянно соотносить возможное и наличное, критически переосмысливать то, что происходило и происходит [5].

Социальная критика во многом базируется на критическом мышлении. Исследователи обращают внимание на то, что последнее выступает доктринальной основой, призванной способствовать осмыслению интересов человека, которые он преследует в процессах социальной модернизации. Основные цели во многом могут восприниматься как декларативные, но они дают возможность осознания того идеала, который будет существовать в обществе [1].

С критическим мышлением связывают способность к формулировке новых, полных смысла вопросов, к выработке разнообразных подкрепляющих аргументов, что неизбежно предполагает значимость оценочного компонента. Критическая социальная теория как ряд подходов, течений и дискурсов, анализирующих и критикующих состояние общества на основе социально-гуманитарного знания, также позволяет встраивать в теоретическое пространство феномен социальной критики, отождествляемый с критической позицией индивида в отношении социальной реальности.

По своей природе критическая социальная теория выступает, согласно В.Н. Фурсу, как специфический режим теоретической деятельности, являя собой сложный феномен, возникший на перекрещивании трех линий детерминации, когда приходится говорить: о кризисе философской рациональности вследствие преодоления «модели сознания», что требует самоопределения философии в профанной среде; об изменении характера когнитивной репрезентации социальной реальности вследствие распада «организованного модерна», что требует включить контур философской рефлексии в социально-научные знания; о кризисе «современности», стимулирующей глубокое переосмысление идеи модерна [6].

Теоретическое осмысление феномена социальной критики в социально-гуманитарном знании отражено в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов: философов, социологов, политологов, историков.

Среди отечественных выделяются работы А.Б. Баллаева, А.И. Карагодина, В.М. Косякова, С.Б. Рощинского [7]. Новейшие исследования различных проблем и аспектов социальной критики – это работы С.В. Рудановской, В.Н. Фурса, А.Ю. Козлова.

В.Н. Фурс исходит из того, что в рамках «нового мирового беспорядка», в которые помещен современный человек, социальная критика (или критические установки) становятся созвучными актуаль-

ному опыту социального бытия с его неровностью развития, аритмией, высоким уровнем социальной неопределенности. Он исходит также из постулата о существовании трех типов социальной критики, которые различаются по степени последствий: а) социальная критика, соотносимая с политическими проектами; б) социально-критическая позиция как самостоятельная форма практики, в своих интерпретациях подвергающая сомнению некоторые доминирующие в социуме и культуре толкования, схемы восприятия, оценки; в) социальная критика выступает обозначением лишь более углубленного исследования, – это, скорее, эвристический прием для понимания того, как на самом деле устроена социальная жизнь [8].

Обосновывая обращение к изучению феномена социальной критики, С.В. Рудановская исходит из необходимости ответить на целый спектр социально-философских вопросов, представляющих для человека эвристическую ценность и социально значимый смысл: проблема конфликта человека с окружающей его действительностью, его борьба за свою интеллектуальную и политическую свободу на фоне самодовлеющих социальных детерминант. Тем самым критическая концептуализация современной социальности превращается в своеобразный способ критической рефлексии, которая изначально присуща философскому познанию [3].

А.Ю. Козлов полагает, что социальная критика в качестве одного из вариантов освоения социальной действительности заслуживает особого внимания, прежде всего в контексте современной гуманитарной ситуации, в силу того, что транзит от модерна к постмодерну пока еще не завершен как в теории, так и в социально-политических практиках [5].

В зарубежной литературе выделяются работы американского философа и мыслителя М. Уолцера, посвященные исследованию различных аспектов социальной критики. М. Уолцер исходит из того, что социальная критика выступает в качестве работы, которая ведется «изнутри» общества «инсайдерами» – людьми, приверженными данному сообществу, но подвергающимися сомнению и критической оценке разнообразные параметры политики и социальных практик социума. Критик – это «универсально мыслящий интеллект» [9].

Говоря о целях и задачах социальной критики, М. Уолцер формулирует их следующим образом – критиком выставляются на всеобщее обозрение ложные условности своего собственного общества, выражаются наиболее глубокие идеи людей о должном жизненном существовании [9]. Отсюда и его характеристика критики как деятельности, одинаково присущей всем обществам, существовавшим в истории и существующим сейчас. При этом лишь ныне критический дискурс получает широкое распространение, что обусловлено распространением современной демократии [9].

Современные социокультурные интенции, тренды и условия формирования новой социальной реальности как следствия российской модернизации в существенной степени актуализируют проблемы, связанные с социальной критикой, в качестве интеллектуального дискурса осмысления опыта российских модернизаций и его отображения в процессах сценарного моделирования.

Постановка и актуализация в социально-гуманитарном знании проблематики социальной критики выводит на новые сюжеты и грани социокультурной трансформации российского общества на современном этапе модернизационных преобразований. При этом речь приходится вести об идеологии социальной критики и состоянии отечественных социальных наук.

Целью идеологии является конструирование системы представлений, способных сплотить ту или иную социально-политическую общность, предложить ей определенный образ мира и самое себя, мобилизовать на решение жизненно важных для нее проблем, оправдывать и защищать взгляды, поступки и образ жизни людей, входящих в эту общность. Тем самым идеология выступает в качестве механизма идентификации и защиты частных интересов, оправдания частного бытия [10].

Идеологический формат социокультурного кризиса обусловлен тем, что идеологии – это всегда востребованные обществом и формируемые элитами констелляции идей, которые могут включать в себя элементы научных теорий, мифов, утопий, религиозных учений. Именно в подобном формате набирает силу социальная критика.

С.В. Рудановская недаром исходит из того, что решение социальных проблем в социальном и интеллектуальном пространстве критики начинается на уровне дискурса, призванного донести до аудитории те или иные идеи и тем самым трансформировать прежде всего повседневное знание. При этом, по ее мнению, можно выделить несколько альтернатив трансляции социально-критических идей. Первая заключается в том, что социальная критика способна выступать как форма необходимого знания, требующего веры в постулаты этого знания и следование его велениям. Вторая сводится к тому, что социальная критика несет в себе и элементы незнания, предполагая сложность и неоднозначность исторической ситуации, а не только элементы знания [3].

В этом отношении феномен социальной критики находит свое отражение в координатах современного состояния отечественных социальных наук. Гуманитарии и обществоведы являются носителями

такого типа знания, который не вписывается в структуры технократического миропонимания, и поэтому должны быть готовы к принятию данного положения вещей как своего рода неизбежности, своего рода «дежавю» [11].

Известный социолог и социальный философ Л.Д. Гудков, как многие другие эксперты и аналитики, констатирует, что сегодня социальные науки в России отодвинуты на периферию общественного внимания. Общество не испытывает нужды в соответствующем социальном знании, не проявляет интереса к интерпретациям происходящего [12].

В.В.Селиванов пишет о кризисе социально-гуманитарных наук, который возник в связи с тем, что к середине XX века были исчерпаны ресурсы методологических знаний в сфере гуманитарной проблематики, чтобы осуществить дальнейшее движение вглубь гуманитарной культуры. Это еще раз подчеркивает, что гуманитарные науки пока что не изобрели свой микроскоп, благодаря которому смогли бы проникнуть в тонкие структуры человеческого интеллекта, духовной жизни, духовного опыта [13]. К тому же, как справедливо замечает Л.Ф. Шевцова, «трудно поддерживать огонь мысли в период общественной стагнации» [14].

Социальные науки интерпретируются как текстовая деятельность, осуществляемая в определенной социокультурной среде. Идеи бытуют в «концептосфере» общества, то есть в текстах, визуальных рядах, речевых действиях и т.п. [15]. Однако, если общество переживает кризис, то это отражается и на состоянии духовно-интеллектуального пространства. К тому же в условиях нарастающей всемирной открытости существенно трансформируется и усложняется сама социальная реальность, меняются отображающие ее конструкторы и модели, что ведет к серьезным изменениям в стратегиях и практиках исследования этой реальности.

В периоды радикальных общественных изменений перед властными элитами всегда встает потребность в создании новых официальных моделей исторического прошлого, поскольку апелляция к историческому прошлому служит важным легитимационным фактором новых политических институтов. Недаром одной из самых актуальных в сегодняшней России стала имперская тема. Реставрация имперской темы сопровождается возрождением антизападничества и великодержавия. Тем самым идеология и практики властвующей элиты, то есть тех, кто причастен к принятию решений, свидетельствуют, что в ходе социальной модернизации советское прошлое в различных его ипостасях находит свое проявление практически во всех сферах жизни общества.

В переходную «смутную» эпоху, когда рушатся старые ценности и рациональное начало отступает под натиском иррациональных сил, происходит усиленное производство мифов, которые искажают взгляд как на реальную действительность, так и на общественное (в том числе историческое) сознание значительной части населения. А общество, обращенное в прошлое, не способно к подлинной социальной модернизации.

Таким образом, постановка и осмысление различных аспектов социальной критики в социально-гуманитарном знании связаны с выявлением теоретико-методологических оснований и уточнением проблемного поля исследования.

Концептуальная рефлексия подходов в изучении феномена социальной критики позволяет высветить и актуализировать сюжеты, связанные с социокультурными изменениями в российском обществе, определить смысловые контуры проблемного поля исследования. Тематика социальной критики реализуется в когнитивных координатах, когда критическая позиция способна выявить новые аспекты и фрагменты социальной реальности, отличающейся подвижностью и многообразием интерпретаций. Тем самым осмысление социальной критики способствует как приращению знаний о социокультурных процессах, так и формированию самих этих знаний в пространстве социальной коммуникации.

Библиография

1. Болотова У.В. Критическое мышление в жизни современного общества: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Пенза, 2007. 21 с.
2. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
3. Рудановская С.В. Социальная критика: модели практического знания: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2003. 28 с.
4. Кудашов В.И. Философские аспекты трансформации ментальности // Интеллект, ментальность и духовность в глобальном мире / отв. ред. В.Ю. Колмаков. – Красноярск: Литера-принт, 2008. 228 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalistika.ru>.
5. Козлов А.Ю. Утопия как методология и форма современной социальной критики: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Воронеж, 2001. 26 с.

6. Фурс В.Н. Критическая социальная теория в западной философии 70–90-х гг. XX в.: типологическая реконструкция: автореф. дисс. ... докт. философ. наук. СПб., 2002. 28 с.
7. Баллаев А.Б. Формирование концепции социальной критики в творчестве К. Маркса. – Одесса, 1984. 249 с.
8. Фурс В. Критическое мышление сегодня. Публичная лекция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://n-europe.eu>.
9. Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 360 с.
10. Баталов Э. Наши вечные спутники // Независимая газета. 2008. 23 сентября.
11. Подвойский Д. Гуманитарии в «негуманитарном мире» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru>.
12. Гудков Л.Д. Положение социальных наук в России // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 123.
13. Селиванов В.В. Кризис методологий в гуманитарных науках // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 128–129.
14. Шевцова Л. Что охраняют наши охранители? // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 349.
15. Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005. 416 с.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СРЕДСТВО ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Шогенова М.Ч.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

shog-marina@yandex.ru

В статье уточняются особенности функционирования прецедентных высказываний в сознании современной языковой личности, характер которой детерминирован многообразием культур в одной пространственной и временной парадигме.

На основе материала результатов направленного эксперимента выделяются такие модели (паттерны) современной языковой личности, как биклассическая (образцовая) языковая личность, полубиклассическая языковая личность, биординарная языковая личность и псевдобилингвальная личность.

Ключевые слова: языковая личность, билингвальная личность, прецедентное высказывание, этнокультурная парадигма.

CASE STATEMENTS IN THE ETHNO-CULTURAL PARADIGM MODERN BILINGUAL PERSON AS A MEANS OF MODELING (EXPERIMENTAL RESULTS)

Shogenova M.Ch.

Kabardino-Balcarian State University

In the given article we clarify the specificity of functioning of precedent statements in the consciousness of a modern linguistic personality, the character of which is determined by the variety of cultures in the same spatial and temporal paradigm. On the basis of the material results of an experiment the following models (patterns) of a modern linguistic personality are singled out: biclassic (exemplary) linguistic personality, half-biclassic linguistic identity, biordinary linguistic identity and pseudo-linguistic personality.

Keywords: linguistic personality, bilingual personality, bicultural personality, precedent statement, ethno-cultural paradigm.

Личность является интегрирующим термином ряда современных гуманитарных дисциплин, направленных на решение проблем, связанных с жизнедеятельностью человека и, будучи ключевой категорией общественных исследований, имеет разную смысловую интерпретацию в зависимости от научной направленности его рассмотрения.

Модели (паттерны) личности неоднородны и отличаются тонкостью соединения компонентов, придающих ей уникальность и неповторимость. Тезис убедительно мотивируется при рассмотрении структурной организации языковой личности, в контексте которой важным (значимым) представляется культурный аспект рассматриваемого феномена. Ведь сознание, мышление, внутренний мир человека, особенности его восприятия окружающей среды, механизм отражения результатов наблюдений и приобретенных знаний в языке и через язык способствуют развитию в человеке культурного ядра, именуемого «когнитивной базой как составляющей культурного пространства» [1], специфика которого детерминирует эндогенный характер формирующейся языковой личности. Многие положения теории взаимоотношения личности, языка и культуры восходят к философской антропологии немецкого лингвиста В. фон Гумбольдта, который отмечал: «...О каком бы предмете ни шла речь, его всегда можно соотнести

с человеком...», а «...язык исходя из глубин духа, законов мышления и из человеческой организации в целом, все же воплощается в отдельной личности...» [2]. Эти мысли получили «второе рождение» в современной антропоцентрической парадигме, в которой «...с начала 90-х годов прошлого века стал интенсивно развиваться лингвокультурологический анализ взаимодействия языка и культуры» [3]. Проблема соотношения личности и культуры по сути становится реальной и возможной благодаря прежде всего языку как основному орудию личности в ее творениях и деятельности, как средству создания собственной, этнической культуры, ибо «между языком, национальной культурой и языковой личностью прослеживается глубинная аналогия... национальная культура существует, пока существуют значения слов национального языка, специфика национального речевого узуса, литература, написанная на национальном языке. Приведенные компоненты с необходимостью замыкаются на языковой личности в качестве субъекта речи и носителя национального характера» [4].

Свойства языка фиксировать мировоззренческий, философский и нравственный потенциал этноса, транслировать культурную память народа сквозь временную и пространственную парадигму в сознании языковой личности активизируются в том числе и благодаря явлению прецедентности как культурно-языкового средства воплощения и сохранения этнически маркированной ментальности, обладающей ценностным, поучительным, познавательным характером и являющейся индикатором когнитивных и коммуникативных особенностей личности. Этнокультурные прецедентные знания по своей природе уникальны и единичны и являются «...показателем принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [5].

Слово *прецедент* [от латинского слова *praecedens* – идущий впереди] означает «случай, поступок в прошлом, служащий примером или оправданием для последующих поступков того же рода» [6], что позволяет объяснить его содержание и отождествлять с проверенной, апробированной, удачно сформулированной, а потому часто воспроизводимой лексической единицей, насыщенной культурной информацией. В современном научном лингвистическом ключе явление прецедентности рассматривается как культурно-языковое явление, к числу которого «...относятся феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» и различают прецедентную ситуацию как «...эталонную, идеальную ситуацию, связанную с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу...»; прецедентный текст как «...законченный и самодостаточный продукт речевой деятельности...хорошо знаком любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества»; прецедентное имя – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией...»; прецедентное высказывание как «репродуцируемый продукт речевой деятельности» [1].

В настоящей работе объектом рассмотрения является прецедентное высказывание, которое понимается как показатель (индикатор) этнического мировидения, закрепляющийся в сознании личности «генерализованными высказываниями, аккумулирующими в виде формул, правил, афоризмов, сентенций сумму знаний о мире, и упорядоченными в индивидуальном тезаурусе» [5].

В связи с этим *актуальным* представляется уточнение специфики функционирования прецедентных высказываний в сознании современной языковой личности, характер которой детерминирован многообразием культур, взаимозависимостью и взаимовлиянием народов, условиями расширяющегося диалога цивилизаций в развивающемся глобальном мире, в котором необходимо сохранить этническую самобытность, культурную идентичность. По мнению исследователей, «языковая личность нового, современного поколения развивается на фоне таких тенденций, как

- актуализация значимости культурной принадлежности к русскому культурному пространству как к российской составляющей социально-культурного бытия;
- развитие культурно-исторических традиций с признаками архаизации;
- интегративные процессы, отражающиеся на культурно-языковом взаимодействии в социуме;
- активизация развития культуры мегаполисов;
- возрождение религиозной культуры и другие» [7].

Множественность, многогранность, а порой и неоднозначность подобных тенденций неминуемо моделируют макро- и микромиры языковой личности, намечают и определяют ее когнитивную деятельность, которая отражает как универсальное восприятие и понимание мира вообще, так и специфическое, обусловленное геофизическими, социальными, культурными, религиозными особенностями по меньшей степени билингвальной и бикультурной личности. Подобные тенденции предопределили *цель исследования*, которая заключается в рассмотрении особенностей функционирования прецедентных высказываний разных культур в языковом сознании билингвальной и бикультурной личности, какой являются в

своем большинстве представители полиэтнической и поликультурной Кабардино-Балкарской Республики. Название данного субъект РФ символизирует наличие в нем двух основных этнических групп – кабардинцев и балкарцев. Кроме них в республике проживают представители еще около семидесяти национальностей, среди которых 22,5 % населения (на втором месте после кабардинцев) составляют русские. Следовательно, Кабардино-Балкария – модель функционирования многообразных языков и культур, объединенных единством пространства и времени. Именно полилингвальный и поликультурный характер республики детерминирует условия формирования и развития билингвальной и бикультурной личности, которую представляем как «сложную когнитивную модель, синтезирующую две культуры, две картины мира, два языковых кода, следовательно, две коммуникативные системы» [8].

Однако степень знания языка(-ов) и «культурная» активность личности, владеющей двумя языками и изучающей две культуры, далеко не одинакова, что акцентирует вопрос о возможных типах (моделях) современной билингвальной и бикультурной личности. Поиск ответов на этот и другие вопросы, связанные с проблемой соотношения языка–культуры–личности, предопределил проведение эксперимента, направленного на определение разных типов билингвальной и бикультурной личности на фоне функционирования прецедентных высказываний в студенческом сегменте молодежи современной Кабардино-Балкарии. Выбор участников эксперимента обусловлен временными и социальными факторами, так как современное коммуникативное пространство молодого поколения за последние постсоветские десятилетия в значительной степени подвергается социально-культурной трансформации, которая предопределяет изменения не только в общественной жизни, но и сознании личности. Материалом исследования послужили данные, полученные из ответов 250 билингвов, которые являются носителями русского и кабардинского языков. Возрастной критерий респондентов, который колеблется от 18 до 21 года, был мотивирован тем, что в республике формирование двуязычия «предопределяется 1) возрастом языковой личности, 2) средой и условиями общения языковой личности (естественное, реальное общение или целевое, преднамеренное общение на конкретном языке), 3) социальным статусом языковой личности, 4) частотой востребованности языка, 5) уровнем «этнокультурности» [9], а некоторые из этих факторов нивелируются (сглаживаются) именно в одной возрастной, языковой и социальной группе, которой и является студенческое сообщество.

В качестве источников прецедентных высказываний были использованы фольклорные, художественные тексты [10], из которых «перешагнули» ПВ, а также лаконичные и мудрые фразы адыгского народного сказителя Ж. Казаноко [11]; их количество составило 30 прецедентных высказываний из русской культуры и 25 – из кабардинской культуры.

В соответствии с целевой направленностью в процессе эксперимента были использованы такие методы, как: свободный ассоциативный эксперимент, описательный метод, сопоставительный метод, метод количественного анализа, метод свободной классификации.

Респондентам было предложено дописать неполные прецедентные высказывания, чтобы максимально избежать погрешности в результатах; затем нужно было интерпретировать ПВ и соотнести их с ситуацией использования; оценить степень функционирования в собственной речевой деятельности. Предполагалось в эксперименте отразить 1) воспроизводимость ПВ, 2) их интерпретация, 3) использование ПВ. В настоящей работе представлены лишь некоторые результаты эксперимента, которые дают богатый материал и для дальнейших исследований.

В формат исследования были включены прецедентные высказывания из сказок как одного из ярких созданий фольклорной культуры. Прецедентные высказывания из сказочного мира выступают средством понимания специфики ментального мышления народа, а потому подчеркивается их значимость в структуре языковой личности.

Из русской народной сказки были выбраны прецедентные высказывания, которые, на наш взгляд, являются настолько узнаваемыми своей уникальностью и единичностью, что не было сомнений в их фиксированности в сознании исследуемой личности. Однако уже на первом этапе описания мы столкнулись с проблемой знания, понимания ПВ и степенью востребованности и активностью их использования. Например, рассмотрение прецедентного высказывания *по щучьему велению, по моему хотению* показал, что вторую часть респонденты продолжают следующим образом: ...*велению* (47 %); ...*по моему хотению* (11 %); ...*по волшебству* (4 %); ...*по моему желанию* (18 %); другие – разные ответы в целом составили в целом 20 %; при интерпретации ответы также весьма разнообразны: исполнение желания; откуда ни возьмись; скатерть-самобранка; золотая рыбка; появиться из воздуха; по мановению руки; потребляю; когда хочу, чтобы было все, но без меня, моего участия. 60 % «не используют; 30 % – используют»; 10 % – нет ответа. Полученные результаты по прецедентным высказываниям из русских сказок (всего было предложено 10 фраз) позволяют выявить острую проблему «невозможности точного воспроизведения» ПВ многими испытуемыми – больше половины опрошенных не смогли либо правильно

подобрать отсутствующие слова, либо продолжить фразу, хотя на этапе интерпретации большинство из них дали правильное или приближенное к правильному ответу объяснение. Считаем, что неумение воспроизводить прецедентное высказывание затрудняет и его активное функционирование в речевой деятельности личности. Современная молодежь (в частности, студенчество) знает и понимает значение ПВ из сказок, хотя частыми были неправильное объяснение, толкование; путались в источнике той или иной фразы; не единичны и случаи, когда респонденты совершенно неправильно интерпретировали данное высказывание; однако степень использования прецедентных высказываний в речи достаточно низкая, так как респонденты испытывают трудности в процессе их воспроизведения, а это не может обеспечить их функционирование; молодое поколение часто прибегает к трансформации высказывания.

В качестве языкового материала были выбраны и фразы из кабардинских сказок, культурный код которых для респондентов должен был быть более доступным и возможным. Например, использованы такие прецедентные высказывания, фразы, как *ШчыхькуцIрэ фо цIынэрэ* (каб.) – выражение, которое встречается в сказках и нартском эпосе со значением «изысканная, полезная еда, которая придает небывалую силу и мощь». Продолжение этой фразы вызывало у респондентов большие затруднения – для большинства респондентов (87 %) выражение совершенно незнакомо, хотя компоненты выражения ассоциируется с понятием еда, пища; 2 % написали правильное продолжение и дали буквальный перевод отдельных слов, то есть *куцI* – «мозги», *фо* – «мед», оставшаяся часть (11%) испытуемых в продолжении фразы использовала совершенно неуместные к данному ПВ слова, например, «мой друг», «сосед» и другие. На вопрос о частоте использования в речи лишь 3 % ответили «иногда», 46 % – ничего не ответили, а 51 % не употребляют никогда.

Фраза *уд фызыжь*, пожалуй, самая востребованное выражение среди респондентов. *Уд фызыжь* – это сказочный персонаж, напоминающий Бабу Ягу, ведьму из русской сказки; часто выступает в образе некрасивой, старой женщины, обладающей колдовскими чарами. Продолжение фразы особых затруднений у респондентов не вызывало – практически все ответили правильно, лишь 1 % подобрал контекстуальный синоним к слову *фызыжь* – *нанэ* (бабушка). В современном представлении данное ПВ символизирует грозную, злобную, суровую женщину или чрезмерно умную, много знающего человека, преимущественно представителя женского пола. Респонденты не только правильно определили значение фразы (97 %), но и отметили, что активно используют ее в речи, например, для характеристики конкретного человека и в процессе самопрезентации в разных электронных чатах.

В целом было предложено десять прецедентных высказываний из кабардинских сказок, однако лингвокультурные компетенции были проявлены именно в этих фразах, воспроизводимость которых, за исключением последней (*уд фызыжь*), была очень низкой, следовательно, и востребованность в речи также невысокая. Другими словами, знание прецедентных высказываний из сказок кабардинского народа, к сожалению, минимальное. Преобладающее количество респондентов (87 %) имеют смутное представление о предложенных фразах из текстов национальной сказки; чаще дается условный перевод на русском языке или искаженное понимание, что говорит о недостаточном уровне культурно-языковых компетенций респондентов в своей культуре, а именно в сказке.

Респондентам были предложены широко известные цитаты и из русской классической литературы, произведения которой составляют сокровищницу русской культуры. Это были прецедентные высказывания из произведений Д. Фонвизина, И. Крылова, А. Пушкина, М. Горького и других писателей. В общей сложности были обработаны ответы по 20 стимулам, которые также были квалифицированы по степени воспроизводимости, интерпретации и их использования в речевой деятельности личности. Например, стимул *Да только воз и ныне там...* – цитата из басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак». В понимании респондентов данная фраза оказалась более известной, чем многие другие, но все ответы содержательно ограничены и узки: среди правильных объяснений можно отметить лишь несколько (4 %) – «если все будут тянуть каждый в свою сторону, то ничего не выйдет»; «если нет единой линии, то ничего не получится»; «дело стоит, не продвигается»; «дело не продвигается»; «несогласованность, бездействие». В понимании других (31 %) это что-то приближенное и очень отдаленное: «пропала бричка», «это было очень давно», «ничего не изменилось», «очень давняя история»; другие (65 %) не дали ответа. Степень использования: 1) использую часто – 2 %; 2) не использую, но понимаю, так как часто слышу – 27 %; 3) – 71 % не использую и не слышу в речи.

ПВ *Не хочу учиться, хочу жениться!* – слова Митрофанушки из комедии Фонвизина «Недоросль» – вызвало эмоциональный отклик в сознании респондентов, что подтвердилось достаточно большим количеством правильного продолжения фразы – 77 % испытуемых верно воспроизвели предложенный стимул. Интерпретацию ПВ также в основном составили оценочные ассоциации – *бездельники хотят жениться, это про неумных людей, безответственность, маменькин сыночек, нежелание делать что-либо, лень, когда лень что-то делать, безнадежный вариант, ленивый человек*; несколько ответов «от-

сылали» к сказке «Дюймовочка» Г.Х. Андерсена: действительно, в этой сказке есть подобная фраза, но источником все же является пьеса Фонвизина. Но достаточно непредсказуемыми, неожиданными были ассоциативные ответы – *хочу быстро повзрослеть, мой друг такой, уж замуж невтерпеж*. Несмотря на это, из всех опрошенных лишь 5 % написали, что фраза используется в их речи.

Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» *Там русский дух, там Русью пахнет* также вызвала неоднозначное толкование и продолжение, хотя многие ответы были ассоциативными: *там леший бродит; русский парень в огне не горит; там родиной пахнет*. В других ответах сложно было понять логический аспект – *там...пахнет; пахнет; есть; духом пахнет; там бабы гуляют*.

По всем предложенным позициям в целом 70–80 % опрошенных не знают и не употребляют прецедентные высказывания из русской литературы.

Достаточно востребованными в речи являются и прецедентные высказывания, в которых воплощаются авторские афоризмы, которые также рассмотрены в контексте 1) воспроизводимости, 2) интерпретации, 3) использования прецедентных высказываний испытуемой личностью. Респондентам были предложены и фразы народного сказителя, одного из первых адыгских философов Жабаги Казаного, мудрые мысли которого, несмотря на вековые расстояния, активно употребительны в адыгской (кабардинской) культуре. Так, достаточно часто встречается фраза *Зэманым деклур лыфлиш*, в буквальном переводе означающая «Мужчина истинный лишь тот, кто в ногу с временем идет», употребляющаяся в ситуации, когда говорят о своевременности совершения дела, высказывании мыслей в соответствии с эпохой, нравственной основой общества, характеризуют преуспевающего в делах человека. В сознании испытуемых предложенный стимул обладает высокой степенью воспроизводимости лишь для 2 % испытуемых, 33 % респондентов интерпретировали как буквальный перевод с кабардинского на русский язык – «хорош тот, кто идет в ногу со временем», 65 % не дали ответа вообще. Лишь 2 % отметили, что используют в речи.

Стимул *Гупсыси псалъэ, зыплъыхъи тӀыс* (каб.) – букв. *прежде чем сказать, подумай, прежде чем сесть, оглянись* – употребляется в значении одного из принципов совершения обдуманных действий человеком. В сознании исследуемой личности данное выражение чаще отождествляется с буквальным переводом на русский язык; но даже в таком прямом контексте фраза несет в себе ценностный смысл, понимаемый большинством респондентов (75 %); лишь 25 % не дали ответа. 43 % отметили, что употребляют это ПВ в своей речевой деятельности.

Прецедентное выражение *УзэллалӀэр къолӀэлӀэж* (каб.) – букв. *тот, кому уделяется внимание, также окажет тебе внимание* – употребляется при характеристике взаимоотношений людей, которые должны быть взаимосвязаны в делах, и употребляет как основа успеха совершения какого-либо дела. В представлении респондентов данная фраза также часто носит характер перевода, но у определенной части (5 %) опрошенных ПВ ассоциируется с трудом: *во что вкладываешь труд, то и возвращается к тебе, то и получишь; то, над чем ты работаешь, потом работает на тебя; то, над чем ты трудишься, тебе пригодится* и т.п.; 1 % рассматривает данный стимул в контексте личностного начала человека и объясняет как *твое отношение вернется к тебе самому*.

В общей сложности были предложены 15 прецедентных высказываний из наследия Ж. Казаного. Все они носят нравственно-ценностный характер, объясняют многие человеческие поступки, по жанру напоминают пословицу, смысловое значение которой отличаются философской насыщенностью, что актуализирует их функционирование в современной жизни, а потому и в сознании личности (например, *не зывай к тому, что прошло; не стой к врагу спиной; мужчина – корень рода; верность слову – чести основа*). Однако описание и анализ полученных реакций показал, что современная молодежь воспроизводит лишь 2 прецедентных высказывания, пытается интерпретировать каждый стимул, используя чаще метод перевода на русский язык, но их употребление ограничено. Так, лишь 5 % отметили, что употребляют ПВ *гупсыси псалъэ, зыплъыхъи тӀыс, узэллалӀэр къолӀэлӀэж*.

Данный контекст позволяет выявить еще одну особенность в развитии билингвальной и бикультурной личности, а именно: степень знания двух систем языка и двух систем культур позволяет большей части опрошенных активизировать прежде всего лингвистические (языковые) компетенции в русском языке – не было ни одного случая, когда испытуемый отвечал на родном (кабардинском) языке. Интерпретация прецедентного высказывания национальной культуры, предложенного на кабардинском языке, осуществляется исключительно на русском языке, причем заменяется процессом перевода на русский язык. При этом степень воспроизводимости известных выражений на родном языке выше, чем степень воспроизводимости фраз из русской культуры. Такая тенденция актуальна и при сопоставлении уровня развития устной и письменной речи в структуре билингвальной личности. Предполагается, что устная речь на родном (кабардинском) языке в сознании исследуемых билингвов более развита, чем устная русская речь, в то время как письменная речь преобладает именно на русском, чем на родном

языке. Однако мы не исключаем и той тенденции, что «...соотношение собственной этнической и другой (иной) составляющей в структуре языковой личности может быть различным в зависимости от уровня владения индивидом тем или иным языком, от когнитивных способностей» [8].

Таким образом, результаты анализа ответов испытуемых по критериям степени 1) воспроизводимости, 2) интерпретации, 3) использования прецедентных высказываний билингвальной личностью позволяют выделить следующие модели респондентов-билингвов:

1 модель – *биклассическая (образцовая)* – билингвальная личность, в сознании которой гармонично «сосуществуют» ПВ как русской, так и этнической культуры и характеризуются равной степенью их знания и функционирования в речи – таких испытуемых в группе не оказалось;

2 модель – *полубиклассическая* – билингвальная личность, в сознании которой зафиксированы ПВ разных культур с преобладанием одной из них, статус монокультурности оценивается высоко – по нашим данным, это немногочисленная группа студентов (1 %);

3 модель – *биординарная* – билингвальная личность, в сознании которой формат русской и этнической парадигмы ПВ представлен, но содержит заметные лакуны, которые придают знаниям ПВ поверхностный, неглубокий характер – самая большая группа, которая составила 69 %;

4 модель – *псевдобилингвальная личность* – билингвальная личность, в сознании которой отсутствуют знания ПВ как русской, так и родной культуры – 30 %.

Таким образом, полученные результаты в целом подтвердили намеченную стратегию, аргументированность которой изложена в описании анализа ответов испытуемых, и помогают заключить следующие выводы:

- прецедентные высказывания – этнокультурные лексические единицы, 1) отличающиеся ментальной насыщенностью, национальным содержанием, 2) презентующие мировидение народа (личности), 3) кумулирующие его фоновые знания, 4) являющиеся своеобразной моделью воплощения культуры в сознании языковой личности, 5) ценные лаконичностью, сжатостью, но философской глубиной и культурной информативностью мысли;

- воспроизводимость, интерпретация и использование прецедентных высказываний из разных культур позволяют выделить типологию моделей билингвальной личности: 1) биклассическая (образцовая) языковая личность, 2) полубиклассическая языковая личность; 3) биординарная языковая личность; 4) псевдобилингвальная личность.

Библиография

1. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М.: Гнизис, 2004. 318 с.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. 452 с.
3. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4–42.
4. Седых А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности): дисс. ... дфн. Белгород, 2005. 418 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. 944 с.
7. Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Специфика формирования языковой личности россиянина в поликультурном контексте // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 90–93.
8. Башиева С.К. Формирование билингвальной личности как сложный когнитивный процесс // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал. Вып. XVI. Владикавказ, 2014. С. 150–155.
9. Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Factors of Bilingualism development in today's Kabardino-Balkaria: problem definition // European Reseach. 2013. V. (46), N 4–2. P. 845–851.
10. Ащукин Н.С., Ащукина М.Г. Крылатые слова (литературные цитаты, образные выражения). М.: Художественная литература, 1988. 528 с.
11. Жабаги сказал // Предания о Жабаги. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 146–147; Жэбэгъы жиӀащ // Къэзэнокъуэ Жэбэгъы. Нальшык, 1984. С. 170–172. (каб.).

ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ В ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Р. СЕМЕНОВА «СКРИПКА НАШЕЙ ЛЮБВИ»**Мафедзова Л.М.***Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова***linamafedzova@mail.ru**

Женский образ всегда был объектом пристального внимания художников, писателей и композиторов. Часто женский образ становился центральным в произведении (роман «Анна Каренина» Л. Толстого, повесть «Ася» И. Тургенева, повесть «Бедная Лиза» Н. Карамзина, роман «Лолита» В. Набокова, песня «Катюша» М. Исаковского, картина «Аленушка» В. Васнецова, картина «Боярыня Морозова» В. Сурикова, портрет «Гала» С. Дали и картина «Анна Мария», картины Э. Мане «Сюзанна» и «Нана»). А бывает, что этот образ входит в ткань художественного произведения как бы исподволь, через другие образы, например, через образ скрипки в цикле стихотворений Руслана Семенова «Скрипка нашей любви».

Ключевые слова: женский образ, символ, гендер, хронотоп, рефрен.**THE FEMALE IMAGE IN THE CYCLE OF POEMS P. SEMENOV «VIOLIN OF OUR LOVE»****Mafedzova L.M.***Kabardino-Balcarian State University*

Female image has always been the object of attention of literature, music, painting. Often the female form became central to the work (the novel «Anna Karenina» Tolstoy's story «Asya» Ivan Turgenev story «Poor Liza» of N.M. Karamzin, the novel «Lolita» by Vladimir Nabokov, the song «Katyusha» of M. Isakovskiy, painting «Alenka» of V. Vasnetsov, the picture «Boyar Morozova» of V. Suri Cova, portrait «Gala» and Dali painting «Anna Maria», paintings Manet «Suzanne» and «Nana»). And sometimes, it is that this image is part of the fabric of art as it gradually, through other Obra-PS for example, through the image of a violin in a cycle of poems Ruslan Semenov «Violin of our love».

Keywords: female image, symbol, gender, chronotope, refrain.

Музыка, музыкальные инструменты всегда были в центре внимания литературы, особенно поэзии. Стихи о скрипке сочиняют и любители, и маститые поэты, потому что скрипка – самый поэтический музыкальный инструмент. В стихах о скрипачах и о скрипке авторы пытаются передать и выразить возвышенную утонченность скрипичной музыки, таинственность, которой окружены скрипачи, и их взаимоотношения с инструментом, разгадать древние скрипичные секреты [1]. По мнению литературоведов, символический образ скрипки является «сквозным образом» в русской литературе («Скрипка Ротшильда» А. Чехова, «Гамбринус» А. Куприна, «Скрипка стонет под горой...» А. Блока, «Смычок и струны» И. Анненского, «Скрипка и немножко нервно...» В. Маяковского). Так, образ «скрипки» нашел свое отражение в творчестве Р. Семенова. Его стихи составили определенный этап в истории кабардинской русскоязычной поэзии. По идейному содержанию, глубине и выразительности образов, отображения национального мировоззрения кабардинского народа, художественному уровню Семенов является одним из видных национальных поэтов второй половины XX века на Северном Кавказе.

«Подобно осени, в поэзии Руслана Семенова есть несколько ориентиров, проявляющихся вновь и вновь. Именно они становятся ее главными символами. Это осень, скрипка, звезда, город, крона. Скрипку он связывает со многим, со скрипкой связан он сам, его сердце, осень, улицы города, любовь, смерть», – отмечает Н.А. Шогенцукова [2]. Скрипка – символ лирических воспоминаний, символ того в человеке, что связано с его прежним существованием. Поэт обыгрывает этот образ и экспериментирует со словом («первая скрипка оркестра», «первая скрипка любви»). Скрипка носит для Р. Семенова и личный характер. Дело в том, что перед домом, где жил автор, каждый день ходила девочка со скрипкой в руках. Он был незнаком с ней, но Р. Семенов не переставал любоваться ей, и эта картина отчетливо запечатлелась в памяти художника. Быть может, поэтому образ девочки со скрипкой имеет особое значение для автора и проходит через все его творчество, становясь символом молодости, чистоты, первой любви.

Сам Р. Семенов постоянно экспериментирует со стихом, пробует слово «на ощупь», ищет особую форму стихотворной речи. Такой стилистический прием, когда отдельное стихотворение напоминает этюд либо наброски к картине, способствует тому, что поэтическое пространство (часто детализированное) остается разомкнутым, хронотоп – подвижным (от человеческой души до границ Вселенной). Это не противоречие, а внутренняя суть поэтики Р. Семенова. Так, в зерне этой поэтики возникает женский образ. «Я думал / ты так далека, / Как звезда, что упала в колодец», «Ты и вправду была далека, / Как звезда, / что горит во Вселенной» [2]. Женский образ возникает через глаголы прошедшего времени. Нет никакой характеристики, просто мысль, облеченная в поэтическую форму через оригинальное сравнение. Часто, чтобы ввести в текст мысль о женщине, автор использует символ. Так рождается символ в пространстве поэтического текста «скрипка», пришедший из жизни самого автора (стихотворение «Скрипка нашей любви»). Р. Семенов рассказывает незамысловатую историю о первой любви, «при одном ее имени / голос у вас дрожит» [2]. Обратим внимание на личное местоимение. Автор пишет не от первого лица, а обращается через местоимение «вы» к каждому читателю, побуждая вспомнить через определенные детали историю своей первой любви. Поэт погружает лирического героя и читателя в ощущение первой любви, которая есть у каждого. «Первая скрипка любви» – вот и найдена поэтическая метафора, которая определила весь строй стихотворения. От строфы к строфе автор ищет то общее, что объединит в рамках одного художественного текста читателя и лирического героя: «Где она? / Кто это знает? / Знают, что вечно одна», «Грустная вечно / и тихая, / где-то живет она», она «слезы смахнув набежавшие / тонким смычком руки, / Мимо нашего детства / близко-близко пройдет» [2]. Автор, как-будто неспешно размышляя, ищет и находит то единственно верное («вас»), побуждая читателя через художественный хронотоп прийти по ассоциативным связям к своим воспоминаниям, к истории своей первой любви.

Продолжая музыкальную тему, развертывая поэтический образ скрипки как символа любви и женственности, Р. Семенов пишет стихотворение «Ты открыла мне сердце скрипичным ключом» [2]. Если задаться вопросом, о чем это стихотворение, то ответа не будет. Лирическую систему Р. Семенова чрезвычайно сложно разложить на отдельные составляющие: завораживает музыка стиха, необычные метафоры, сравнения, часто создающие многовариантность трактовки. Женщина – скрипка, сердце, открытое «скрипичным ключом» и «загорелое плечо», вот и весь образный строй стихотворения. Между тем поэтическое пространство его не статично: «открыла», «увидала», «смеется», «обнимая причалы» [2]. Все движется, спешит, развивается. Но несмотря на эти авторские метания, лирический герой все-таки хочет вернуться к прошлому. Р. Семенов реализует свой замысел в одноименном стихотворении «Возвращение». Нам сразу становится интересно, куда же возвращается поэт? Быть может, после долгого путешествия домой или после вынужденной разлуки к любимой, что ждет его? Версий может быть столько, сколько хватит фантазии у читателя. Но автор как мозаику складывает у нас в голове картину одним назывным предложением – «Утро...» [2]. А далее – ряд назывных предложений. Аллюзия с блоковским «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» очевидна. Но связь здесь более глубинная, чем просто подражание. Утро Р. Семенова – это всегда начало чего-то нового, например, нового трудового дня. Лирический герой воспринимает день через детали («телефон-автомат», «холодный киоск») [2]. Р. Семенов прибегает к такому приему, как рефрен. Повторяемость, рефренность – это всегда цикличность. Утро было как вчера, так оно будет и завтра. В жизни есть череда повторяющихся день за днем событий, только в какой последовательности – зависит от нас. Так, в стихотворении, как в песне повторяются строки, чередуются запев с припевами, сменяя лишь события происходящего. («Спит холодный киоск. Спит пока не разбудят...», «Вот на этом углу / Я стоял бы всю жизнь», «Вот на этом углу / Всю жизнь...») [2]. Спящий киоск в поэтической системе этого стихотворения становится символом стабильности жизни: так есть, так было, так будет. В поэтической речи Р. Семенова много гипербола, как и у Маяковского. С одной стороны, его взгляд устремлен в окно любимой, с другой, – во Вселенную, но все равно лирический герой не перестает свободно передвигаться от одного к другому («спит, пока не разбудят / Океаны забот», «На окне твоём спящем / Губы / замерзших / звезд») [2].

Вообще, человека 60-х годов не может не интересовать космическая тема: отсюда и космический масштаб его мировидения. Р. Семенов с очень большим интересом задумывался о звездах, о необъятной вселенной. Мы можем предположить, что Р. Семенова, несомненно, как человека творческого, интересовало искусство во всех его проявлениях. Это не только загадочное и манящее, скрытое или явное женское воплощение, переданное в образе скрипки. Автор в своих произведениях затрагивает не только музыкальный инструмент, но и музыку. Нельзя воспринимать инструмент отдельно, как вещь в интерьере. В данном случае скрипка воспринимается Р. Семеновым совместно с песней, с музыкой, которую она воспроизводит. Ведь только в удачно сложившемся тандеме таланта автора и музыкального инструмента в его руках рождается музыка, идущая от сердца, и создается неподдельное искусство. Р. Семенов в стихотворении «Вместо эпилога» говорит как раз о такой песне («Кто его в песне спел?») [2]. Он говорит о

безграничных возможностях творчества и искусства («Мир ему не предел»), как о нечто сильном и волнующем («Молния жизни и гром...») [2]. Кстати, автор обращает свой взор не только к скрипке, но косвенно к другому, не менее замечательному музыкальному инструменту – к пианино. Почему косвенно? Да потому что он напрямую не упоминает его в стихотворении «Белые горы. Желтый лист». Р. Семенов дает читателю лишь понять о существовании пианино через человека, играющего на нем – через пианиста («Утро доигрывает пианист / Или дает уроки ?..», «Прощай, пианист») [2]. Но, несмотря на это, автор с таким же трепетом и волнением относится к женщине, пускай он ее так и не называет («Спит на груди *ее*», «*ее* свет», «*ее* веки») [2], но она остается в его сердце: «Береги *ее* свет / Уйду – расцелуй *ее* веки!» [2].

Наверняка, Р. Семенов, включая в свои произведения образ «скрипки», хотел донести до читателей не только скрытый смысл этого слова. Его привлекала скрипка своей красотой, изящностью, таинственностью, и это, возможно, помогало автору проникнуть в её суть, познать сокровенные глубины этого замечательного и необычного инструмента. Скрытая метафора женщина-скрипка: что это? Скрипка, на которой можно играть, или скрипка, которую надо научиться (уметь) слушать, слышать и понимать звучащую мелодию. В стихах поэта нет ответа на этот вопрос. Через местоимение «нашей» в гендерном сознании автора объединяются два любящих сердца – «Скрипка нашей любви».

Библиография

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.skrpach.ru/articles>.
2. Семенов Р. «Пришел поклониться вам...». Жизнь и творчество. Нальчик: Эльбрус, 2008. 400 с.

НАЧАЛЬНАЯ ЙОТАЦИЯ КАК КОРРЕЛЯТИВА У СЛАВЯН И АДЫГОВ

*Кокова Б.Дж.¹, Коков Дж.Н.², Кокова Л.Дж.²¹Северо-Кавказский государственный институт искусств²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*skgii@mail.ru

В статье рассматривается коррелятива, создаваемая начальной йотацией в разносистемных языках. Ставится вопрос об отношении данного языкового явления к фреймовому подходу при выявлении фонетических типологий.

Ключевые слова: йотация, коррелятива, антропоним, реконструкция, фрейм, фонетическая типология, релевантность.

INITIAL YOTATION AS A CORRELATE AMONG SLAVS AND CIRCASSIANS

Kokova B.D.¹, Kokov D.N.², Kokova L.D.²¹North Caucasian State Institute of Arts²Kabardino-Balkarian State University

In the article we analyze correlates, created by initial yotation in languages of different systems. The issue of the relation of the language phenomenon data to frame approach in identifying phonetic typologies is considered.

Key words: yotation, correlate, anthroponym, reconstruction, frame, phonetic typology, relevance.

Нам приходилось и ранее обращать внимание на наличие в славянских и адыгских языках начальной йотации [1]. Дальнейшие наблюдения утвердили нас во мнении: это явление носит закономерный характер в силу своей регулярности.

Почву для противопоставления форм с йотацией и без неё даёт сходная акустическая характеристика звука [j] в славянских и адыгских языках, хотя они и разносистемные. Корреляция, создаваемая морфемной [j] в сопоставляемых языках, проявляется как в обычной, так и в ономастической лексике. В фонологической системе русского языка [j] является непарным мягким сонантом [2]. Сходную характеристику этого звука находим и в сравнительно-исторической фонетике адыгских (черкесских) языков [3].

В научных и учебных изданиях сопоставляемых языков в отношении звука [j] допускаются термины «полугласный» (в русском языке) и «голос преобладает над шумом» (в кабардино-черкесском языке). Более четкое противопоставление для русского языка предложил Л.Успенский: неслоговой гласный (мой, рой) – среднеязычный согласный (Имен, Нью-Йорк) [4].

Коррелятивные пары с йотацией и без неё могут отражать иерархию своих компонентов. Так, русск. **яблоко** [йаблоко] при старославянском **аблько** (ср. нем. Apfel) свидетельствует о том, что йотация в русском языке – явление вторичное по отношению к другим **индоевропейским** формам этой лексемы, не развившим йотацию. То же можно сказать об иерархии коррелятивных форм: рус. **явить** при др. лит. *ovuje* – «наяву»; рус. **ягненок** при лат. *agnus*; рус. **яйцо** при старослав. *аице*, готск. *ada*; рус. **якорь** при др.-исл. *anagi*; рус. **ясень** при более древней форме **асень** и др.

Иерархия йотации в одном из коррелятивных рядов кабардино-черкесских антропонимов шла в обратном направлении – утрачивался звук [j] в префиксе **йа** из местоимения 3 лица. В результате фамилии с начальным префиксом **йа** и элемента **нэ** «начало, первый» (йапэ – «раньше, чем другие (они)») при глагольном элементе **жэ(н)** «бежать» («опережающие их в беге») в фамильных именах утратили почву для этимологического анализа. Современное написание и звучание этой фамилии Апажэ, сохранившей элемент **жэ(н)** «бежать», ничего не говорит о смысле антропонима. То же можно сказать о фамилии Апазауэ (элемент **апа**, предшествующий глагольному компоненту **зауэ(н)** «драться, воевать», лишен смысла. Реконструкция йотации восстанавливает смысл композита: **Йапэзауэ** «первым (вступающий) в схватку» (в бой) [5]. Кабардинская фамилия **Апэнэс** с глагольным элементом **нэс(ын)** «приходить, достигать цели» требует йотации для достоверности этимологического анализа: **йапэнэс** «первым приходящий» (достигающий). Русская транслитерация этого антропонима [Апанас «Апанасов»], кстати гово-

ря, создает сходство с русской формой **Апанас** – производной от **Афанасий** из греч. «бессмертие» [6]. Но это лишь омографы.

Реконструкция этимологической природы антропонима возможна лишь при восстановлении начальной йотации и в других случаях. Ахуэмгъуэт «Ахомготов» (Йахуэмгъуэт) «долгожданный (ребенок) для них». Ср. семантику русск. фамилии **Жданов. Ахэмын «Ахаминов» (Йахэмын)** «не остающийся без своей доли» (среди других). Эту же модель имеют фамилии Ахъуэхъу-Йахъуэхъу «Ахохов» (произносящий здравицу им); Яхэгуауэ (Йахэгуауэ) «Яхогоев» (бросающий клич им). Последняя фамилия пока функционирует только с начальной йотацией.

О достоверности подобных реконструкций может свидетельствовать сохраняющееся до сих пор параллельное функционирование фамильных и личных имен с начальной йотацией и без неё: Аф1эунэ «Афаунов» и Йаф1эунэ «становящийся домовитым (вопреки другим)». Эта фамилия (с начальной йотацией) зафиксирована среди черкесов турецкой диаспоры. Параллелизм антропонимов с начальной йотацией и без нее чаще можно наблюдать в сфере имен личных мужских (Йамдэж-Амдэж) «который уже не нужен» (мальчики уже не нужны) и женских Йамыдэ-Амыдэ «отвергаемая» (в семье, где ждали мальчика).

Лексикологи говорят о лексической типологии конструкций и мечтают научиться видеть релевантные противопоставления даже на материале небольшого числа языков. Они приходят к заключению, что «общая лексическая система в языках есть, и устроена она настолько прозрачно, что эта мечта вполне реализуема» [7].

Если лексическую релевантность можно понимать как способность различать языковые единицы, почему бы йотовую корреляцию не отнести к дифференцирующим средствам разносистемных языков при фреймовом подходе к выявлению фонетических типологий?

Смысл изложенных выше наблюдений мы находим и в том, что начальная йотация стала средством маркировки языковой принадлежности у славян и ключом к раскрытию этимологической природы определенного пласта антропонимов у адыгов.

Библиография

1. Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик: Эльбрус, 1993. 208 с.
2. Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. М.: Просвещение, 1968. 358 с.
3. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков / отв. ред. Дж.Н. Коков. М., 1981. 288 с.
4. Успенский Л.В. По дорогам и тропам языка. М., 2008. 464 с.
5. Коков Дж.Н. Избранные труды: в 2 т. Т. II. Адыгская антропонимия. Нальчик: Эльбрус, 2001. 528 с.
6. Тихонов А.Н. и др. Словарь русских личных имен. М.: Школа-Пресс, 1995. 734 с.
7. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

**ОСОБЕННОСТИ АВАРСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ПРОСТЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ**

*Магомедова А.Н., Магдилова Р.А.

Дагестанский государственный университет

*mikailm@mail.ru

В статье рассматриваются аварские паремиологические единицы, представленные простыми предложениями. Выявляются типы простых паремий по отношению к выражаемой в предложении действительности по цели высказывания. Определяются морфологические особенности предикатов таких паремий.

Ключевые слова: типы паремиологических единиц, утвердительные и отрицательные паремии, вопросительные предложения, побудительные предложения.

THE PECULIARITIES OF AVAR PAREMIOLOGICAL UNITS IN A SIMPLE SENTENCE

Magomedova A.N., Magdilova R.A.

Dagestan State University

The paper examines the properties of Avar paremiological units functioning in a simple sentence. The types of simple paremiological units in the relation with the reflected reality according to the purpose of utterance are revealed. Morphological peculiarities of such predicates of the paremiological units are defined.

Keywords: types of paremiological units, declarative and negative sentences, interrogative sentences, imperative sentences.

Простое предложение является центральной синтаксической единицей, поскольку именно простое предложение (в отличие от сложного предложения), будучи элементарной единицей, способно передавать относительно законченную информацию и тем самым выполнять коммуникативные функции.

Одной из характерных черт синтаксической структуры предложений, представленных пословицами и поговорками, является их насыщенность, предельная краткость, лаконичность. Этим обстоятельством и объясняется то, что многие аварские пословицы и поговорки выражены простыми предложениями [1].

Пословицы и поговорки аварского языка, представленные простым предложением, по отношению к выражаемой в предложении действительности классифицируются на утвердительные и отрицательные предложения:

утв. *АбичIого тараб рагIи – хазина* «Несказанное слово – золото»; *Абураб рагIи – рехараб чIор* «Сказанное слово – пущенная стрела»; *Азарго галул нух цо галудасан байбихъулеб* «В тысячи шагов дорога с одного шага начинается»; *БацIил бетIер тарцидаго чIинтIе* «Волчью голову еще волчком уничтожь».

отр. *БацIил гIамал гьечIеб тIинчI букIунареб* «Без волчьего характера детеныш не бывает»; *БацIун хIамил чу лъугъунаро* «От того, что погоняешь, из ишака лошадь не получается»; *БацIадаб меседил багъа холаро* «У чистого золота цена не портится».

Отрицательные предложения противопоставляются утвердительным по отношению к связи между предметом речи и тем, что о нем сообщается. Если в утвердительных предложениях эта связь предлагается как реально существующая, то отрицательное предложение указывает на его отсутствие:

Вакъани жо къадицаги бикъулеб «С голоду (букв. «если проголодается») и кадий будет воровать»; *ВакъичIони чиясда чадил къимат лъалареб* «Если человек не проголодается, (человек) не знает цену хлебу»; *ГIабдал гIодиларо, цIодор велъиларо* «Дурак не заплачет, умный не посмеется»; *ГIабдаласда гIайиб чIваларебила* «Дурака не обвиняют, говорят»; *ГIабдал хIалтIизеги вачунге, гIабдаласда цадахъги хIалтIуге* «Дурака на работу тоже не бери, и с дураком не работай».

Следствием тесной смысловой связи между утверждением и отрицанием является очевидный параллелизм в грамматической структуре утвердительных и отрицательных предложений, при котором первые служат как бы исходной основой для вторых, образуемых с помощью специальных средств. Эти средства в аварском языке варьируются в зависимости от модально-временных характеристик глагола-сказуемого.

В предложениях с глаголом-сказуемым в форме настоящего и будущего времени, включая формы вспомогательного глагола *букIине* «быть», отрицание выражается с помощью суффикса *-ро*, например: *Инсул гъастIа киниги кивго хинлъуларо мун* «Как у родного очага, нигде ты так не согреешься»; *Дирго узденлъи досул ханлъиялъухъ хисуларо дица* «Я не променяю свое узденство на его ханство»; *Цо мокъ-*

оқыда кIиго хIелкил макъан кколаро, хIал рекъоларел рос-лъадул ригъин халат хутIуларо «На одном насесте два петуха не уживаются, двое неподходящих друг другу супруги недолго остаются в браке».

Типичной формой сказуемого отрицательных и утвердительных пословиц и поговорок в аварском языке является причастие в констативе, которое выражает обобщенное, типичное действие, например: *Цоял цоялда рельеълараб мегIер букIунареб, цоял цоязда рельеъларал лъимал рукIунареб* «Одна на другую похожа гора не бывает, друг на друга похожих детей не бывает»; *АхIмакъ анищаз бечельулев* «Дурак мечтами богатеет»; *Бачидаса гладалаб жо гъечIеб* «Теленка глупее вещи нет»; *БачIунилан накIкI инчIого букIунареб* «От того, что пришла, туча навсегда не остается»; *Гладанлъи гъечIельуб гъудуллъи чIолареб* «Там, где нет человечности, дружба не остается».

Довольно часто в пословицах и поговорках аварского языка отрицательная форма причастия может быть использована в утвердительном значении: *Гладанлъи гъабизе кватIун букIунареб* «Чтобы прожить человечность, поздно не бывает».

Отрицательные пословицы и поговорки в аварском языке образуются также с помощью отрицательных форм деепричастия прошедшего времени и запретительного наклонения. По цели высказывания такие предложения относят к побудительным предложениям. В них, как мы видим из примеров, содержится двойное отрицание. Высокую активность побудительных предложений с двойным отрицанием можно считать яркой особенностью аварских пословиц и поговорок: *ВакъичIого кванаге, кеп цвечIого вельуге* «Пока не проголодаешься, не ешь, пока не будет смешно, не смейся»; *ГIурухъе цвечIого хъитал рахъуге* «Пока до реки не дошел, обувь не снимай»; *БихъичIого лъаларебила* «Пока не увидишь, не знаешь, говорят»; *БихъичIого чIамуге, чIамичIого къулчIуге* «Пока не увидишь, не жуй, пока не пожуешь, не глотай».

По цели высказывания противопоставляются повествовательные, вопросительные и побудительные паремии. Все они могут быть и восклицательными. Традиционно проводимое в школьных грамматиках противопоставление повествовательных и вопросительных предложений восклицательным предложениям основывается лишь на различии соответствующих знаков препинания (точка, вопросительный и восклицательный знаки). На самом деле восклицательные предложения отличаются от невосклицательных не с точки зрения коммуникативных целей высказывания, а заложенной в них эмоциональной нагрузкой, и поэтому могут быть как повествовательными, вопросительными, так и побудительными.

В основном аварские пословицы и поговорки представлены повествовательными и побудительными предложениями.

Примеры пословиц, представленных повествовательными предложениями: *БихъинчIясул рагIи жиндаго барабила* «Мужчины слово от него самого зависит, говорят»; *Бичараб чIярлъула* «Проданное чужим становится»; *Бицине бегъулареб жо гъабичIого те* «То, что нельзя сказать, не делай»; *ГIебуаль гIебу борлъулареб* «Шилом шило не просверлишь».

Примеры пословиц и поговорок, представленных побудительными предложениями: *ГIодобе рехуге, гIодоса босе* «На пол не бросай, с пола бери»; *Квен те хIял букIаго, калам те, гъун букIаго* «Еду оставь, пока еще хочешь, разговор оставь, пока еще сладкий»; *КъальчIого къо бециуге* «Пока полдень не наступил, день не хвали»; *Къимат къезе гIедегIуге* «Не спеши давать оценку».

Очень редко встречаются вопросительные пословицы и поговорки. Многие из них являются риторическими, т.е. не требующими ответа. Как отдельная разновидность вопросительных пословиц и поговорок в аварском языке представлены и паремии с альтернативными вопросами, в которых адресату предлагается сделать выбор из двух или более высказываний, указав какое из них является истинным: *ЧIужуялда щакдари – росасул гIайиб, рос щакдаризави лъил гIайиб?* «То, что жену ревнуют – вина мужа. Кто виноват в том, что мужа заставляют ревновать?»; *Кибе унеб букIараб кIудияб? ГъитIинаб балагъизейи?* «Куда идешь большое, маленькое искать что ли?»; *Буцун лъураб гIечIого, кIалдибги лъелии?* «Не хватает что смесили, в рот тоже положить?»; *Гъабуниги гIолареб дунял, гъабичIони кин гIолеб?* «Сколько ни работай [=ни делай], богатства не хватает, если не делать, как хватит?»; *Лъадул росиц, бабал васиц?* «Жены муж, или маменькин сыночек?»; *Гъан кибе араб, гъагIу?* «Мясо куда делось, бульон?»; *Гъаюн тарай ясалда щибилаха гъабилеб* «С родившейся дочерью, что же делать?»; *ГIабдал гъечIони, цIогъорасе боцIи киса?* «Если бы не было дурака, то вору откуда добро?».

Из проделанного анализа пословиц и поговорок аварского языка, представленных простыми предложениями, следует, что одной из характерных черт синтаксической структуры предложений, представленных пословицами и поговорками, является их насыщенность, предельная краткость, лаконичность. Среди паремий – простых предложений по цели высказывания можно выделить повествовательные, вопросительные, побудительные предложения. Самым распространенным типом являются пословицы и поговорки, представленные побудительными предложениями. Все названные выше типы предложений в аварском языке имеют богатую семантику и они разнообразны в плане выражения.

Библиография

1. Алиханов С. Авар кицаби ва абиял (Аварские пословицы и поговорки). Махачкала, 2012. 580 с.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета»

Для публикации в журнале «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета» принимаются статьи на русском или английском языках, содержащие результаты актуальных фундаментальных и прикладных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ.

1. Основные документы, необходимые для публикации

1.1. Один экземпляр статьи в бумажном виде и на электронном носителе отдельным файлом (на диске); на наклейке диска (дискеты) (обязательно!) указываются фамилия автора (авторов) и название статьи.

1.2. Полные сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках в бумажном виде и в электронном варианте, оформленном отдельным от статьи файлом, который включает в себя следующие данные:

- фамилия, имя, отчество (полностью) каждого автора;
- место работы (наименование организации), ученая степень, ученое звание, должность каждого автора;
- контактные телефоны, почтовый индекс и адрес, адрес электронной почты (e-mail) каждого автора.

1.3. Сопроводительное письмо на бланке учреждения, где выполнена работа.

1.4. Внешняя рецензия доктора наук (по желанию).

1.5. Акт экспертизы о возможности опубликования в открытой печати – для физико-математических, химических, биологических, технических, экономических наук и науки о земле.

1.6. Справка об учебе в аспирантуре или докторантуре для аспирантов и докторантов.

1.7. «Лицензионный договор» (один на авторский коллектив) в 2-х экз. Без Договора статья не будет опубликована. Текст Договора размещен на сайте журнала «Известия KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY».

2. Правила оформления статьи

2.1. Объем статьи – в пределах 15 страниц формата А4, интервал – 1,5, размер шрифта Times New Roman Сут 14 пт; поля страницы: слева – 3 см, справа – 1 см, сверху – 2,0 см, снизу – 2,5 см.

Краткие сообщения – в пределах 4 машинописных страниц, включающих не более 2 рисунков и 2 таблиц.

2.2. Статья должна включать:

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора (авторов) (на русском и английском языках);
- реферат статьи (до 500 знаков) (на русском и английском языках);
- ключевые слова (5–7 слов на русском и английском языках);
- текст статьи, отражающий цель исследования, методы работы, собственно исследования, конкретные выводы;
- библиография (в библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте; номер источника в тексте указывается в квадратных скобках – автоматическая нумерация ссылок не допускается);

- подпись автора (авторов).

2.3. Иллюстрации к статье (рисунки, фотографии) должны быть черно-белыми, четкими (разрешение не менее 300 dpi, расширение *.jpg) и вставлены в текст. Обычный размер иллюстраций – не более половины листа А4. Формулы и символы помещаются в текст с использованием редактора формул Microsoft Education. Таблицы вставляются в текст; ссылки на рисунки и таблицы обязательны; названия таблиц и подрисуночных подписей обязательны.

2.4. Нумерация страниц обязательна.

2.5. Тип файла в электронном виде – RTF.

Образцы оформления библиографии:

книга

Самарский А.А., Гулин А.В. Устойчивость разностных схем. М.: Наука, 1973. 210 с.

Интегральные схемы: Принципы конструирования и производства / под ред. А.А. Колосова. М.: Сов. радио, 1989. 280 с.

статья из книги, сборника, журнала

Петренко В.И., Доготь А.Я. Пневмогидравлический кавитационный процесс // Геодинамические основы прогнозирования нефтегазоносности недр: тезисы докладов 1-й Всесоюзной конференции. М., 1988. Ч. 3. С. 616–617.

Хлынов В.А. Общегосударственное планирование рыночной экономики: Опыт Японии // Экономист. 1994. № 4. С. 89–94.

Базаров А.Ж. О некоторых нелокальных краевых задачах для модельных уравнений второго порядка // Известия вузов. Математика. 1990. Т. 2, № 3. С. 11–15.

диссертации и авторефераты диссертаций

Ерков С.А. Формирование художественного восприятия произведений изобразительного искусства на уроках изобразительного искусства в 5, 6 классах средней общеобразовательной школы: дис... канд. пед. наук. М., 2006. 184 с.

Вахромов Е.Е. Психологические особенности самоактуализации подростков с отклоняющимся поведением: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2003. 30 с.

При несоблюдении указанных правил редакция оставляет за собой право не публиковать статью.

3. Порядок рецензирования

3.1. Рукопись направляется на рецензирование ведущим специалистам в данной области (внешнее и внутреннее рецензирование).

3.2. Результаты рецензирования редакция сообщает автору по электронной почте.

3.2. По результатам рецензирования редколлегия принимает решение о целесообразности опубликования материала, о чем дополнительно сообщается автору.

Статьи представляются в редакционно-издательский отдел ИПЦ KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY.

Адрес ИПЦ KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Контактный телефон: (8662) 72-23-13.

E-mail: rio@kbsu.ru, izvestia_kbsu@mail.ru. E-mail-адрес защищен от спам-ботов, для его просмотра у вас должен быть включен Javascript.

Ответственный секретарь редакции – **Шогенова Марина Чашифовна.**

После положительного решения редколлегии о публикации статьи в журнале «Известия KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY» автор (или авторы) статьи перечисляет на р. сч. KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY плату из расчета 500 руб. (в т.ч. НДС) за страницу рукописи.

Назначение платежа: редакционно-издательские услуги («Известия KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1. В стоимость входят расходы по доставке журнала по территории России. Автор (или авторы) статьи получает 2 экземпляра журнала бесплатно.

Для выкупа дополнительных номеров журнала необходимо передать в редакцию (ИПЦ KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY) письмо-заявку с указанием номера и количества экземпляров журнала и перечислить на р. сч. KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY плату из расчета 250 руб. (в т.ч. НДС) за один экземпляр журнала с назначением платежа: редакционно-издательские услуги (за журнал «Известия KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1.

Реквизиты KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY для платежей:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY)

Почтовый и юридический адрес:

360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефон: 42-25-60,

Voice/fax: +7(495) 3379955

Телетайп: 257245 «Альфа»

E-mail: bsk@kbsu.ru

ОКПО 02069510

ОКОНХ 92110

ОГРН 1020700739234 от 22.07.11 г.

ОКОГУ 13240

ОКАТО 83401000000

ОКЭВД 80.30.1

ОКОПФ 72

ОКФС 12

Банковские реквизиты:

Получатель:

ИНН 0711037537/ КПП 072501001

Отдел № 1 УФК по Кабардино-Балкарской Республике (0401 KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY л/с 20046X17540)

Банк получателя:

ГРКЦ НБ Кабардино-Балкарск. Респ. Банка России г. Нальчика

БИК 048327001

Р/с 40501810100272000002

КБК 00000000000000000130

Копия платежного документа передается или высылается в редакцию журнала по электронной почте.

**ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**PROCEEDING OF THE
KABARDINO-BALKARIAN
STATE UNIVERSITY**

ТОМ V, № 2, 2015

Редакторы *Т.П. Ханиева*
Компьютерная верстка *Е.Л. Шериевой*
Корректор *Т.П. Ханиева*

В печать 22.04.2015. Формат 60x84 ¹/₈.
Печать трафаретная. Бумага офсетная. 13.02 усл.п.л. 13.0 уч.-изд.л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 7325.
Кабардино-Балкарский государственный университет.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Полиграфическое подразделение.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.